II-10.
Ф-139
ОП

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Тап № 6998

Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго.

1843.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТРА ДРАМЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ.

=

ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ, РУССКАГО И ИНОСТРАННЫХЪ.

Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

=

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

I. Троилъ и Крессида. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Шекспира. Переводъ съ англійскаго.

II. Взглядъ на театры во Франціи при Людовикѣ XV. Статья *М. А. Жклна*.

III. Парижскія Тайны. Романъ Е. Сю. Часть третья. Перев. *В. М. Строева*.

IV. Кабинетъ музыкальныхъ рѣдкостей. Статья *Э. Фетиса*.

V. Стихотворенія. Падающія звѣзды (подражаніе Беранже). *Д. Т. Ленскаго*.–Элегія. Нигдѣ не напечатанное стихотвореніе *А. И. Писарева*. – Въ альбомъ М. Д. Львовой-Синецкой, *Цыганова*.

VI. Провинціальные театры въ Россіи. § 9. Русскій театръ въ Одессѣ. Статья *К*.....–§ 10. Таганрогскіе актеры въ Ростовѣ на Дону. Статья *Фонъ-Бока*. – § 11. Пензенскій театръ *М* * **. – § 12. Замѣчанія на статью объ Орловскомъ театрѣ. *Н. Ф.*

VII. Смѣсь. Воспоминаніе о московской каруселн и о драматическихъ представленіяхъ въ 1811-мъ году. *(Н. Горчакова)*.– Типы старинной итальянской комедіи.–Басъ-сопрано (Анекдотъ изъ жизни Тамбурини). – Волшебный напитокъ *(Не водевиль, а быль)*. – Любопытная комедія съ Расиновой трагедіей.–Пощочина и палка.–Анекдоты и мелочи.

VIII. Хроника иностранныхъ театровъ. *(Іюнь.)* Парижскіе театры. – Вѣнскіе театры. – *(Вѣнская итальянская опера. – Новости вѣнскихъ театровъ)*. – Французскіе актеры въ Лондонѣ. – Современное состояніе оперы въ Италіи.–Разныя извѣстія.

IX. Фельетонъ. Актриса Дежазе (Статья для картинки).–Новости Петербургскихъ театровъ.

КЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ ПАРИЖСКОЙ АКТРИСЫ ДЕЖАЗЕ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1843 года, іюня 30 дня.

Цензоръ *И. Корсаковъ*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВѢДОМОСТЕЙ С.-П.-Б. ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦІИ.

ТРОИЛЪ и КРЕССИДА.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

СОЧ. ШЕКСПИРА.

(Перев. съ англійскаго.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пріамъ, Царь Троянскій.

Гекторъ, Троилъ, Парисъ, Деифобъ, Еленъ — Сыновья его.

Эней, Антеноръ — Троянскіе военачальники.

Калхасъ, Троянскій жрецъ, въ союзѣ съ Греками.

Пандаръ, дядя Крессиды.

---

* «Троилъ и Крессида» есть одно изъ замѣчательныхъ и самыхъ оригинальныхъ произведеній Шекспира. Это единственная драма его, писанная *не для сцены*, и напечатанная имъ при жизни, неигранною на сценѣ. Содержаніе драмы заимствовано изъ временъ осады Трои: *Агамемнонъ, Ахиллесъ, Гекторъ, Аяксъ, Улиссъ, Менелай, Несторъ, Парисъ, Елена, Андромаха* и другія дѣйствующія лица, являются по-очередно передъ нами, въ живыхъ образахъ; но между-тѣмъ это не копіи съ героевъ Омировыхъ, хотя въ тоже время, въ своихъ главныхъ характеристическихъ чертахъ, они нисколько съ ними не противорѣчатъ. Шекспиръ взглянулъ на осаду Трои и на главныхъ представителей эпохи съ своей точки зрѣнія, и всеобемлющимъ проницательнымъ геніемъ своимъ нашелъ во всемъ этомъ новую занимательную сторону: онъ, если можно такъ выразиться, *придвинулъ* къ намъ

Маргалеронъ, побочный сынъ Пріама.
Агамемнонъ, Греческій полководецъ.
Менелай, братъ его.
Ахиллесъ, Аяксъ, Улиссъ, Несторъ, Діомедъ } Греческіе военачальники.
Ѳерситъ, безобразный Грекъ.
Александръ, слуга Крессиды.
Слуга Троила.
Слуга Париса.
Слуга Діомеда.
Елена, жена Менелая.
Андромаха, жена Гектора.
Кассандра, дочь Пріама, пророчица.
Крессида, дочь Калхаса.
Троянскіе и греческіе воины и другіе.

Сцена — Троя и Греческій лагерь предъ нею.

отдаленную картину Троянской войны, и разоблачивъ героевъ отъ ихъ *эпическаго* величія, въ какое облечены они древними героическими преданіями, представилъ ихъ какъ *людей*, подобныхъ намъ во всемъ общечеловѣческомъ, но рѣзко отдѣленныхъ отъ насъ нравами, обычаями, понятіями своего вѣка и народа. Герои драмы Шекспировой тѣже, что и герои поэмы Омировой, но только представленные въ ихъ *домашнемъ закулисномъ* быту, представленные какъ *люди*, и отдѣленные отъ боговъ Олимпа. Все это произведеніе есть превосходная, до конца выдержанная, иронія на одно изъ величайшихъ героическихъ преданій; ни чѣмъ нельзя назвать этой драмы приличнѣе, какъ *героической комедіей*. И подивитесь, какъ творческій геній Шекспира вездѣ вѣренъ самому себѣ: Шекспиръ, Англичанинъ, передъ вами исчезъ; вездѣ видите вы міръ греческій, со всѣми его оттѣнками нравовъ, мѣстности, даже языка! Нѣкоторые слишкомъ-очевидные и даже грубые анахронизмы нисколько не опровергаютъ нашего мнѣнія, если вы станете только судить о произведеніи Шекспира не по частностямъ, а по цѣлому созданію.

Редакторъ.

ПРОЛОГЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Троѣ. Гордые, раздраженные Цари Греческихъ острововъ отправили въ Аѳинскую пристань свои корабли, нагруженные машинами и орудіями жестокой войны. Шестьдесятъ девять вѣнчанныхъ царскою короною мужей отправились съ Аѳинскаго берега во Фригію, и поклялись разрушить Трою, за крѣпкими стѣнами которой похищенная Елена, супруга Менелая, спитъ въ объятіяхъ сладострастнаго Париса; она-то и причина войны. Они плывутъ къ Тенедосу, и тамъ снимаютъ съ глубоко-врѣзывающихся въ волны кораблей свои воинскіе снаряды. И вотъ на Дарданскихъ равнинахъ веселые и сильные Греки укрѣпляютъ свои боевыя палатки. Городъ Пріама съ шестью воротами – Дарданомъ и Тимвріей, Иліей, Хетомъ, Трояномъ и Антенoридомъ, которыя заперты массивными запорами и такими-же крѣпкими заклепами, заключаетъ въ себѣ сыновъ Трои. Ожиданія, раздражая пылкихъ той и другой стороны – Троянца и Грека, влекутъ ихъ въ опасности. – Я являюсь сюда въ видѣ пролога, но не съ надеждою на перо автора, или голосъ актера, а только для того, чтобы сказать вамъ, любезные слушатели, что наша драма, не представляя начала этой войны, начинается ея срединою, и изображаетъ только то, что̀ годно для драмы. Считайте ее пріятною или скучною, судя по тому, какъ она покажется вамъ; хороша-ли она, или дурна – это зависитъ отъ воинскаго счастія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Троя, передъ дворцомъ Пріама.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Троилъ *и* Пандаръ.

троилъ. Позови моего слугу; я хочу снять оружіе: зачѣмъ мнѣ сражаться за стѣнами Трои, когда во мнѣ самомъ ужасная борьба? Пусть спѣшитъ въ поле каждый Троянецъ, который владѣетъ своимъ сердцемъ; Троилъ, увы! не имѣетъ власти надъ нимъ.

пандаръ. Неужели вовсе нельзя поправить этого?

троилъ. Греки сильны, при силѣ искусны, при искусствѣ пылки, и при пылкости храбры; а я слабѣе женской слезы, смирнѣе овцы, глупѣе самаго незнанія, трусливѣе дѣвицы во-время полуночи, и проще невиннаго младенца.

пандаръ. Да, я ужъ много говорилъ тебѣ и больше ужъ не стану мѣшаться или стараться объ этомъ дѣлѣ. Кто хочетъ пшеничнаго пирога, тому нужно подождать, когда измелютъ пшеницу.

троилъ. Развѣ я не ждалъ?

пандаръ. Да, пока измелютъ; но потомъ ты долженъ ждать, пока ее просѣютъ.

троилъ. Развѣ я не ждалъ?

пандаръ. Да, пока просѣютъ; но потомъ ты долженъ ждать дрожжей.

троилъ. Я и ждалъ.

пандаръ. Да, дрожжей; но послѣ этого нужно еще ждать, пока замѣсятъ тѣсто, сдѣлаютъ пирогъ, истопятъ печь и испекутъ его; да, ты еще долженъ подождать, пока онъ и простынетъ, а то, пожалуй, обожжешь губы.

ТРОИЛЪ. Самая богиня терпѣнія не терпѣливѣе меня въ страданіяхъ. Я сижу за царскимъ столомъ Пріама, и когда прелестная Крессида приходитъ мнѣ на мысль.... да, злодѣй, когда она приходитъ!... А когда она выходитъ изъ моей памяти?

ПАНДАРЪ. Въ прошлую ночь ея взглядъ былъ столько хорошъ, что я никогда не видалъ подобнаго, ни въ ней, ни въ какой-нибудь другой женщинѣ.

ТРОИЛЪ. Я хотѣлъ сказать тебѣ.... Когда мое сердце готово было разорваться отъ вздоховъ, я, чтобы не дать замѣтить этого Гектору или моему отцу, я, говорю, подобно тому, какъ буря закрываетъ свѣтъ солнца, скрывалъ вздохъ подъ улыбкою; но скорбь, которая старается скрыться подъ личиною веселости, такова, что она мгновенно переходитъ въ отчаяніе.

ПАНДАРЪ. И не будь только ея во́лосъ нѣсколько чернѣе волосовъ Елены, тогда не было-бы никакого сравненія между ними; но, вѣдь она родня мнѣ, и мнѣ не пристало, какъ говорятъ, хвалить ее.... Но я хотѣлъ-бы чтобы кто-нибудь послушалъ ее вчера вмѣстѣ со мною. Я не отказываю въ умѣ сестрѣ твоей Кассандрѣ; но....

ТРОИЛЪ. О Пандаръ! Я говорю тебѣ.... Пандаръ.... Когда я говорю тебѣ, что мои надежды погребены, не сказывай мнѣ, на сколько саженъ онѣ зарыты въ землѣ. Я говорю,—я стражду любовію къ Крессидѣ; а ты отвѣчаешь, — она прелестна, растравляешь рану моего сердца, напоминая объ ея глазахъ, ея волосахъ, ея щекахъ, походкѣ, голосѣ; говоришь: о, у ней такая ручка, что въ сравненіи съ нею все бѣлое—настоящія чернила, пишущія свой позоръ; что въ сравненіи съ мягкостію ея лебединый пухъ твердъ, и дыханіе зефира также грубо, какъ рука землепашца. Вотъ что́ ты говоришь мнѣ, и говоришь правду, какъ и я, когда говорю: «люблю ее», но, вѣдь, такъ говоря, въ каждую рану, которую причиняетъ мнѣ любовь, ты влагаешь тотъ самый ножъ, которымъ она нанесена, вмѣсто того, чтобъ влить въ нихъ масло и бальзамъ.

ПАНДАРЪ. Я говорю правду, и ничего больше.

троилъ. Ты никогда еще не говорилъ столько правды.

пандаръ. Нѣтъ, я не стану мѣшаться въ это дѣло. Пусть она будетъ, какова есть: если она хороша, тѣмъ лучше для нея; а если нѣтъ, такъ въ ея рукахъ средства похорошѣть.

троилъ. Добрый Пандаръ! Что ты, Пандаръ?

пандаръ. Я довольно награжденъ за мои хлопоты: непріятности отъ ней, да непріятности отъ тебя; ходилъ отъ тебя къ ней, и отъ нея къ тебѣ, да только плохая благодарность за мой трудъ.

троилъ. Какъ! Неужели ты сердишься, Пандаръ? На меня?

пандаръ. Она родственница мнѣ, и потому она не такъ хороша, какъ Елена; но не будь только она мнѣ родственница, то, право, была-бы столько хороша въ будни, какъ Елена въ праздникъ. Да что мнѣ за нужда? Не велика важность для меня, хотя-бы она была черна, какъ Мавръ; для меня все одно.

троилъ. Развѣ я говорю, что она нехороша?

пандаръ. Мнѣ-то какая нужда, говоришь ты, или нѣтъ. Она глупа, что остается здѣсь безъ отца; пусть идетъ къ Грекамъ. Я скажу ей объ этомъ, какъ только увижусь; съ своей стороны я не буду мѣшаться и хлопотать объ этомъ дѣлѣ.

троилъ. Пандаръ,...

пандаръ. Нѣтъ....

троилъ. Любезный Пандаръ....

пандаръ. Прошу тебя, не говори больше; я оставлю все по старому, и всему конецъ.

(Пандаръ уходитъ. Звукъ военной музыки.)

троилъ. Замолчите, непріятные звуки! Смолкните тяжкіе звуки! Глупцы тѣ и другіе! Елена должна быть красавица, когда каждый день столько нашей крови проливаютъ за нее: я не могу сражаться за Елену, она недостойна моего меча. А Пандаръ!... О боги! какъ вы терзаете меня! Къ Крессидѣ для меня нѣтъ доступа иначе, какъ черезъ Пандара; а онъ такъ упрямъ при всѣхъ мо-

ихъ просьбахъ, а она такъ цѣломудренна противъ всѣхъ искательствъ. Аполлонъ! Заклинаю тебя твоею любовью къ Дафнѣ, скажи мнѣ, что такое Крессида, что Пандаръ, и что я? Ея постель въ Индіи: тамъ она покоится подобно перлу. Пространство между нашимъ Иліономъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ живетъ она, назовемъ дикою, ярящеюся рѣкою; я—купецъ, а этотъ Пандаръ—моя сомнительная надежда, мой кормчій и мой корабль.

(Звукъ трубъ. Входитъ Эней.)

эней. Что это, Принцъ Троилъ? Отчего не въ полѣ?

троилъ. Оттого, что не тамъ: довольно такого бабьяго отвѣта; вѣдь и удалиться съ битвы — бабій поступокъ. Что тамъ новаго, Эней?

эней. Парисъ воротился домой и раненный.

троилъ. Кѣмъ, Эней?

эней. Менелаемъ, Троилъ.

троилъ. Пусть останется онъ раненъ: эта рана смѣшна; Менелай ранилъ Париса своимъ рогомъ. *(Звукъ трубъ.)*

эней. Чу! Какая сегодня славная потѣха за городомъ.

троилъ. Лучше-бы въ городѣ, если-бы только желаніе было исполненіемъ. Но въ битву; пойдемъ-ли мы туда?

эней. Немедленно.

троилъ. Ну-же, пойдемъ вмѣстѣ. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тамъ-же.—Улица. *Входятъ* Крессида *и* Александръ.

крессида. Кто это прошелъ?

александръ. Царица Гекуба и Елена.

крессида. А куда онѣ идутъ?

александръ. Къ восточной башнѣ, которая такъ высоко стоитъ надъ долиною, чтобы посмотрѣть оттуда на битву. Гекторъ, у котораго терпѣнія столько-же, сколько и храбрости, сего-дня былъ раздраженъ. Онъ бранилъ Андромаху, ударилъ своего оруженосца, и, какъ-будто за городомъ были у него хозяйственныя дѣла, еще прежде

солнечнаго восхода, легко вооружился и поспѣшилъ въ поле, гдѣ каждый цвѣтокъ, подобно пророку, плакалъ надъ тѣмъ, что должно подпасть гнѣву.

КРЕССИДА. Что за причина гнѣва?

АЛЕКСАНДРЪ. Слухъ идетъ — вотъ что: между Греками есть человѣкъ Троянской крови, племянникъ Гектора; имя ему Аяксъ.

КРЕССИДА. Хорошо. Что-жъ до него?

АЛЕКСАНДРЪ. Говорятъ, что это настоящій человѣкъ per se, и устоитъ одинъ....

КРЕССИДА. Да и всякой мужчина устоитъ одинъ, если только онъ не пьянъ, не боленъ, и есть у него ноги.

АЛЕКСАНДРЪ. Этотъ человѣкъ, сударыня, соединяетъ въ себѣ свойства нѣсколькихъ звѣрей: онъ храбръ, какъ левъ, грубъ, какъ медвѣдь, неповоротливъ, какъ слонъ,— человѣкъ, въ которомъ природа соединила противоположныя свойства, такъ, что сила у него соединена съ глупостію, а глупость приправлена благоразуміемъ; нѣтъ въ человѣкѣ ни одной добродѣтели, которой-бы частички не было въ немъ, и нѣтъ ни въ одномъ человѣкѣ такого порока, котораго-бы хоть сколько-нибудь не имѣлъ и онъ. Онъ угрюмъ безъ причины, и веселъ не-кстати; онъ способенъ ко всякому дѣлу, но всякое дѣло, совершенное имъ, неудачно. Онъ походитъ на ядовитаго Бріарея, у котораго множество рукъ, но ни одной въ употребленіи, или на близорукаго Аргуса, который весь состоитъ изъ глазъ, и не имѣетъ зрѣнія.

КРЕССИДА. Но какъ-же этотъ человѣкъ могъ раздражить Гектора, когда меня онъ заставляетъ смѣяться?

АЛЕКСАНДРЪ. Говорятъ, вчера онъ бился съ Гекторомъ и бросилъ его на землю. Отъ негодованія и стыда Гекторъ съ-тѣхъ-поръ не ѣлъ и не спалъ. *(Входитъ Пандаръ.)*

КРЕССИДА. Кто идетъ сюда?

АЛЕКСАНДРЪ. Твой дядя Пандаръ.

КРЕССИДА. Гекторъ славный человѣкъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Какой только можетъ быть въ свѣтѣ, сударыня.

ПАНДАРЪ. Что́ такое? Что́ такое?

КРЕССИДА. Съ добрымъ утромъ, дядюшка.

ПАНДАРЪ. Съ добрымъ утромъ, Крессида. О чемъ вы говорили? Здорово Александръ! Что́ ты дѣлаешь, племянница? Когда была въ Иліумѣ?

КРЕССИДА. Сего-дня утромъ, дядюшка.

ПАНДАРЪ. О чемъ вы говорили, когда я пришелъ? А что́? Гекторъ вооружился и ушолъ на сраженіе до твоего прихода въ Иліумъ? Встала-ли Елена,—а?

КРЕССИДА. Гекторъ уже ушолъ; а Елена еще не вставала.

ПАНДАРЪ. Такъ, такъ; Гекторъ рано всталъ.

КРЕССИДА. Объ этомъ-то мы и говорили, да еще объ его гнѣвѣ.

ПАНДАРЪ. Развѣ онъ былъ сердитъ?

КРЕССИДА. Да, вонъ онъ говоритъ.

ПАНДАРЪ. Правда, онъ былъ сердитъ; я знаю и причину; ужъ онъ много уложитъ сего-дня около себя, могу сказать тебѣ; да и Троилъ не отстанетъ отъ него. Пусть они поберегутся Троила, могу увѣрить ихъ.

КРЕССИДА. Какъ! Развѣ и онъ то-же разсерженъ?

ПАНДАРЪ. Кто, Троилъ? Троилъ лучше Гектора.

КРЕССИДА. О Юпитеръ! Тутъ нѣтъ никакого сравненія.

ПАНДАРЪ. Какъ, нѣтъ сравненія между Троиломъ и Гекторомъ? Знаешь-ли ты этого человѣка, видала-ли его?

КРЕССИДА. Конечно, я и прежде его видала и знала.

ПАНДАРЪ. Ну, да я говорю: Троилъ—Троилъ.

КРЕССИДА. Такъ ты говоришь тоже, что́ и я: я увѣрена, что онъ не Гекторъ.

ПАНДАРЪ. Такъ; да и Гекторъ—не Троилъ.

КРЕССИДА. Совершенная правда въ отношеніи къ тому и другому: онъ небольше, какъ самъ онъ.

ПАНДАРЪ. Самъ? Охъ бѣдный Троилъ! Я желалъ-бы, чтобы онъ былъ....

КРЕССИДА. Да онъ и есть.

ПАНДАРЪ. Съ условіемъ, босому сходить въ Индію.

КРЕССИДА. Онъ не Гекторъ.

ПАНДАРЪ. Самъ онъ? Нѣтъ, ужь онъ теперь не онъ. Хотѣлъ-бы я, чтобы онъ былъ самимъ-собой! Ну, боги надъ нами; время все поправитъ или кончитъ: хорошо, Троилъ, хорошо.... Я желалъ-бы, чтобы въ немъ было мое сердце! Нѣтъ, Гекторъ не лучше Троила.

КРЕССИДА. Извини.

ПАНДАРЪ. Онъ старше его.

КРЕССИДА. Извини, извини.

ПАНДАРЪ. А тотъ еще не имѣетъ этихъ лѣтъ; ты запоешь другую пѣсню, когда онъ дойдетъ до нихъ. Гекторъ и въ эти лѣта не имѣетъ его ума.

КРЕССИДА. Да ему и ненуженъ онъ, когда у него есть свой.

ПАНДАРЪ. Ни его достоинства.

КРЕССИДА. Нѣтъ нужды.

ПАНДАРЪ. Ни его красоты.

КРЕССИДА. Она-бы и не пристала ему; у него своя лучше.

ПАНДАРЪ. Племянница! у тебя вовсе нѣтъ ума. Однажды сама Елена клялась, что Троиловъ смуглый цвѣтъ лица,—нужно признаться, что у него смуглый.... нѣтъ, не смуглый....

КРЕССИДА. Смуглый и несмуглый.

ПАНДАРЪ. Да, сказать правду, такъ-смуглый и несмуглый.

КРЕССИДА. Сказать правду, такъ это правда и ложь.

ПАНДАРЪ. Она хвалила цвѣтъ лица больше, чѣмъ Парисовъ.

КРЕССИДА. Какъ, вѣдь и Парисъ довольно-смуглъ.

ПАНДАРЪ. Правда.

КРЕССИДА. Такъ Троилъ ужъ долженъ быть очень-смуглъ. Если она хвалила его больше Париса, значитъ—цвѣтъ его лица смуглѣе Парисова, а у Париса цвѣтъ лица довольно-смуглъ, а у того долженъ быть еще смуглѣе. Да это славная похвала цвѣту его лица. Хотѣла-бы

я еще, чтобы золотой язычекъ Елены похвалилъ Троила за его мѣдный носъ.

ПАНДАРЪ. Клянусь тебѣ, мнѣ кажется, что Елена любитъ его больше, чѣмъ Париса.

КРЕССИДА. Такъ она и въ-самомъ-дѣлѣ развратная Гречанка.

ПАНДАРЪ. Да, я увѣренъ, что она любитъ его. Однажды она подошла съ нимъ къ окну, а ты знаешь, что у него на подбородкѣ три или четыре волоса.

КРЕССИДА. И точно, самый плохой арѳметчикъ подведетъ ихъ подъ итогъ.

ПАНДАРЪ Правда, онъ еще молодъ; но не будетъ легче своего брата Гектора.

КРЕССИДА. Онъ такъ молодъ, и такой толстякъ.

ПАНДАРЪ. Чтобы доказать тебѣ, что Елена любитъ его, скажу, что она подошла къ нему, и положила свою бѣленькую ручку на его раздвоившійся подбородокъ....

КРЕССИДА. Юнона, помилуй насъ! Какъ это онъ раздвоился?

ПАНДАРЪ. Ну, понимаешь, отъ улыбки образовалась на немъ ямочка. Я думаю, улыбка пристала ему больше, чѣмъ всякому другому мужчинѣ во всей Фригіи.

КРЕССИДА. О! онъ улыбается очень-мило.

ПАНДАРЪ. Что́жъ, развѣ не такъ?

КРЕССИДА. Ну да, точно осеннее облако.

ПАНДАРЪ. Поди ты.—Но чтобы доказать тебѣ, что Елена любитъ Троила....

КРЕССИДА. Троилъ не откажется, когда ты предложишь ему, чтобы онъ доказалъ это.

ПАНДАРЪ. Троилъ? Да онъ цѣнитъ ее небольше, какъ пустое яйцо.

КРЕССИДА. Если ты любишь пустое яйцо столько-же, какъ и пустую голову, то съѣшь цыпленка еще въ скорлупѣ.

ПАНДАРЪ. Я не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю, какъ она щекотала его подбородокъ; а вѣдь, ко-

нечно, что у ней удивительно бѣлая ручка, въ этомъ должно сознаться.

КРЕССИДА. Съ охотою.

ПАНДАРЪ. Она замѣтила на подбородкѣ бѣлый волосъ.

КРЕССИДА. О бѣдный подбородокъ! И бородавка богаче его.

ПАНДАРЪ. Но тутъ-то и поднялся смѣхъ. Царица Гекуба смѣялась до того, что слезы показались на глазахъ.

КРЕССИДА. Отъ скуки.

ПАНДАРЪ. И Кассандра смѣялась.

КРЕССИДА. Но въ ея глазахъ было меньше огня; были замѣтны и слезы въ ея глазахъ?

ПАНДАРЪ. И Гекторъ смѣялся.

КРЕССИДА. Надъ чѣмъ это смѣялись?

ПАНДАРЪ. Все надъ бѣлымъ волосомъ, который Елена увидѣла на подбородкѣ Троила.

КРЕССИДА. Будь онъ зеленый, такъ и я также посмѣялась-бы.

ПАНДАРЪ. Они смѣялись не столько надъ бѣлымъ волосомъ, сколько надъ Троиловымъ отвѣтомъ.

КРЕССИДА. А что̀ это за отвѣтъ?

ПАНДАРЪ. Она говорила: «Вотъ здѣсь, на твоемъ подбородкѣ, одинъ и пять волосовъ, и одинъ-то бѣлый».

КРЕССИДА. Это вопросъ.

ПАНДАРЪ. Ну да, нечего спрашивать: *Одинъ и пять волосовъ*, говорилъ онъ, *и одинъ бѣлый: бѣлый волосъ — мой отецъ, а остальные — сыновья его.—Юпитеръ!* вскричала она, *который-же изъ этихъ волосовъ Парисъ — мой супругъ?—Который раздвоился*, отвѣчалъ онъ: *вырви его и отдай ему*. Но тутъ такой поднялся смѣхъ! Елена покраснѣла, Парисъ вспыхнулъ, а всѣ прочіе смѣялись надъ этимъ.

КРЕССИДА. Пусть такъ; но мы долго ужъ болтаемъ объ этомъ.

ПАНДАРЪ. Племянница! Я говорилъ тебѣ вчера объ одномъ дѣлѣ; вспомни о немъ.

КРЕССИДА. Помню.

ПАНДАРЪ. Клянусь тебѣ, что это правда; изъ-за тебя онъ станетъ громко плакать, точно будто только родился въ апрѣлѣ.

КРЕССИДА. А я выросту на его слезахъ, какъ крапива въ маѣ. *(Звукъ къ отступленію.)*

ПАНДАРЪ. Слышишь, они возвращаются съ битвы: не остаться-ли намъ здѣсь и не посмотрѣть-ли на нихъ, когда они будутъ проходить въ Иліумъ? Любезная племянница, стой, милая Крессида.

КРЕССИДА. Какъ угодно тебѣ.

ПАНДАРЪ. Здѣсь, здѣсь, здѣсь прекрасное мѣсто; отсюда славно можно видѣть. Когда они станутъ проходить мимо насъ, я буду называть тебѣ всѣхъ по именамъ; но, Крессида, смотри всѣхъ больше на Троила.

(По сценѣ проходитъ Эней.)

КРЕССИДА. Не говори-же такъ громко.

ПАНДАРЪ. Вотъ это Эней; не бравой-ли онъ человѣкъ? Это одинъ изъ цвѣтковъ Трои, могу увѣрить тебя: но смотри пристальнѣе на Троила; ты сей-часъ увидишь его.

КРЕССИДА. Это кто? *(Проходитъ Антеноръ.)*

ПАНДАРЪ. Антеноръ; у него огромный умъ, могу увѣрить тебя; онъ довольно хорошій человѣкъ; у него самое здравое сужденіе во всей Троѣ, и онъ истинно-почтенный человѣкъ. Когда-жъ пройдетъ Троилъ?—Я покажу тебѣ сей-часъ Троила; если онъ замѣтитъ меня, то, ты увидишь, что онъ поклонится мнѣ.

КРЕССИДА. Захочетъ-ли онъ тебѣ кланяться?

ПАНДАРЪ. Вотъ увидишь.

КРЕССИДА. Если онъ поклонится, то у богача еще прибудетъ богатства. *(Проходитъ Гекторъ.)*

ПАНДАРЪ. Это Гекторъ, вотъ этотъ, этотъ, смотри вотъ этотъ. Вотъ такъ молодецъ! Чудо, Гекторъ! Племянница, вѣдь онъ славный человѣкъ. О бравый Гекторъ! Взгляни, какъ онъ смотритъ! Вотъ физіогномія-то: не бравый-ли онъ человѣкъ?

КРЕССИДА. О славный мужъ!

ПАНДАРЪ. Не правда–ли? Это пріятно сердцу.... Взгляни, какіе рубцы на его шлемѣ! Смотри вонъ туда, видишь–ли? Посмотри туда! Это не шутка; тутъ вырѣзано *возьми кто хочетъ*, какъ говорятъ: вотъ рубцы–то!

КРЕССИДА. Они отъ мечей. *(Проходитъ Парисъ).*

ПАНДАРЪ. Отъ мечей? отъ чего угодно, ему нужды нѣтъ, и пусть придетъ къ нему самъ чортъ,—для него все одно. Клянусь богами, это пріятно сердцу. Вонъ идетъ Парисъ, вонъ идетъ Парисъ: смотри туда племянница; не прекрасный–ли и это человѣкъ, не такъ–ли? — Да, и онъ теперь бравый. Кто говорилъ, что Парисъ воротился домой раненый? Онъ раненъ; да, это будетъ пріятно для Елены. А! я хотѣлъ–бы увидѣть теперь Троила! Ты сей–часъ увидишь Троила.

КРЕССИДА. Кто это? *(Проходитъ Еленъ).*

ПАНДАРЪ. Это Еленъ; я недоумѣваю, гдѣ–же Троилъ. Это Еленъ: вѣрно онъ не выходилъ сего–дня. Это Еленъ.

КРЕССИДА. Дядюшка! можетъ–ли Еленъ сражаться?

ПАНДАРЪ. Еленъ? нѣтъ;—да, онъ бьется хорошо. Непонятно, гдѣ Троилъ. Чу! Неужели ты не слышишь, какъ народъ кричитъ—Троилъ! – Еленъ жрецъ.

КРЕССИДА. Что за пресмыкающееся животное ползетъ тамъ? *(Проходитъ Троилъ).*

ПАНДАРЪ. Гдѣ? Тамъ? Это Деифобъ. Вотъ Троилъ! Вотъ мужчина то, племянница!—Гм! Бравый Троилъ! Царь молодцовъ!

КРЕССИДА. Тише, постыдись, тише.

ПАНДАРЪ. Смотри на него; замѣчай: о славный Троилъ! Посмотри на него, племянница, посмотри, какъ окровавленъ его мечь; а шлемъ его изрубленъ больше, чѣмъ Гекторовъ. И какъ онъ смотритъ, какъ онъ идетъ!—О удивительный юноша! Ему нѣтъ еще и двадцати трехъ. Иди своей дорогой, Троилъ, иди своей дорогой. Еслибы моею сестрою была грація, или дочерью—богиня,—я отдалъ–бы ихъ ему на выборъ. О удивительный мужчина! Па–

рисъ! Парисъ въ сравненіи съ нимъ грязь, и я ручаюсь, что еслибы Елена могла его перемѣнить на Троила, то въ придачу отдала-бы еще глазъ.

(По сценѣ проходятъ войска.)

КРЕССИДА. Сюда еще идутъ.

ПАНДАРЪ. Ослы, глупцы, бараны! Отруби да мякина, отруби да мякина! Супъ послѣ жаркаго! Я желалъ-бы жить и умереть на глазахъ Троила. Не смотри, не смотри; орлы пролетѣли; вороны да галки, воро́ны да галки! Я лучше соглашусь быть однимъ Троиломъ, чѣмъ, Агамемнономъ и всѣми Греками.

КРЕССИДА. У Грековъ есть Ахиллесъ: онъ получше Троила.

ПАНДАРЪ. Ахиллесъ? Извощикъ, носильщикъ, настоящій верблюдъ.

КРЕССИДА. Ну, ну.

ПАНДАРЪ. Ну, ну? Да неужели нѣтъ у тебя хоть сколько-нибудь ума? Нѣтъ что́-ли у тебя глазъ? Знаешь-ли ты, что́ такое мужчина? Происхожденіе, красота, хорошая наружность, обращеніе, мужество, ученость, учтивость, добродѣтель, юность, щедрость и тому подобное не есть-ли приправа или соль, которыя украшаютъ человѣка?

КРЕССИДА. Да, пустаго человѣка....

ПАНДАРЪ. Какая ты странная женщина, что ни съ какой стороны нельзя на тебя напасть!

КРЕССИДА. Да я подставляю спину, чтобы защитить грудь,—шутку, чтобы скрыть свои хитрости, — скрытность, чтобы сберечь свою честь; надѣваю маску, чтобы спасти красоту; скрываюсь за тобой, чтобы сохранить все это: я защищена всѣми этими крѣпостями, и у меня тысяча стражей.

ПАНДАРЪ. Назови одного изъ твоихъ стражей.

КРЕССИДА. Нѣтъ, я не скажу: мое молчаніе—главный изъ моихъ стражей. Если я не могла остеречься отъ того, чтобы не попалъ въ меня ударъ, то смолчу по-крайней-мѣрѣ о томъ, что́ сдѣлалъ мнѣ этотъ ударъ. Не скрой я этого, такъ и всѣ мои стражи напрасны.

ПАНДАРЪ. Тебя не поймешь. *(Входитъ слуга Троила.)*

СЛУГА. Мой господинъ, сударь, хочетъ сей-часъ-же говорить съ тобою.

ПАНДАРЪ. Гдѣ?

СЛУГА. Въ твоемъ домѣ: тамъ онъ снимаетъ оружіе.

ПАНДАРЪ. Скажи ему, молодецъ, что сей-часъ приду. *(Слуга уходитъ).* Не знаю, не раненъ-ли онъ; прощай, племянница.

КРЕССИДА. Прощай, дядюшка.

ПАНДАРЪ. Я скоро приду къ тебѣ.

КРЕССИДА. Чтобы принесть....

ПАНДАРЪ. Да, подарокъ отъ Троила.

КРЕССИДА. Если ты принесешь этотъ подарокъ,—ты будешь соблазнитель.

ПАНДАРЪ *уходитъ.* Онъ передаетъ мнѣ чужія слова, клятвы, печали, слезы и всѣ жертвы любви. Но я вижу въ самомъ Троилѣ въ тысячу разъ больше, чѣмъ сколько можно видѣть въ зеркалѣ Пандаровыхъ похвалъ, и однако не отдаюсь ему. Женщины—ангелы, которыхъ умоляютъ: что пріобрѣтено, то и потеряно. Удовольствіе для души заключается въ желаніи; та женщина, которая не знаетъ такой истины, не знаетъ ничего: люди хвалятъ только то, чего еще не достигли. Еще не бывало такой женщины, которая всегда видѣла-бы къ себѣ такую-же любовь, какую оказываютъ ей, когда стараются снискать ея любовь. Я заучила ту мысль, что мужчина повелѣваетъ тою, которая отдалась ему, и обожаетъ ту, которая неумолима, и теперь хотя сердце мое полно самою сильною любовію, въ глазахъ моихъ не должно быть видно и признака ея. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Греческій лагерь, Передъ палаткою Агамемнона. Звукъ трубъ. Входятъ АГАМЕМНОНЪ, НЕСТОРЪ, УЛИССЪ, МЕНЕЛАЙ *и прочіе.*

АГАМЕМНОНЪ. Государи! За-чѣмъ печаль покрываетъ блѣдностію ваши лица? Ожиданія, которыя надежда вну-

шаетъ человѣку при всѣхъ предпріятіяхъ, никогда не исполняются во всей полнотѣ; неудачи и препятствія останавливаютъ самыя великія дѣйствія, подобно тому, какъ сучья, образующіеся отъ стеченія сока, портятъ здоровую ель и останавливаютъ ростъ ея, уклоняя ее отъ прямизны. Государи! Это не новость для насъ, что мы все еще такъ далеки отъ своей цѣли, и что стѣны Трои, послѣ семилѣтней осады, все еще стоятъ; намъ извѣстно, что и всякое прежнее предпріятіе, о которомъ только дошло до насъ извѣстіе, никогда не шло прямо къ своей цѣли, а уклонялась вкось и вкривь, слѣдуя направленію образа мыслей. Отчего-же, Государи, ваши лица покрываются краскою стыда, когда вы смотрите на наши дѣла? и зачѣмъ вы считаете ихъ постыдными, между-тѣмъ-какъ они не иное-что, какъ испытанія, посылаемыя великимъ Юпитеромъ для того, чтобы видѣть твердость людей? Достоинство людей познается не въ счастіи: тогда смѣлый и робкій, умный и глупый, ученый и неученый, твердый и слабый, покажутся сходными между собою, родными;—но въ вихрѣ и грозѣ, помрачающей чело счастія. Ужасные вихри бѣдствія своимъ дуновеніемъ сметаютъ легкое, между-тѣмъ, какъ все массивное и тяжолое лежитъ спокойно и неизмѣнно.

НЕСТОРЪ. Съ должнымъ уваженіемъ твоему богоподобному сану, великій Агамемнонъ, Несторъ дополнитъ твои послѣднія слова. Въ грозныхъ перемѣнахъ счастія заключается вѣрное испытаніе людей. Когда море спокойно, сколько маленькихъ лодокъ скользятъ по его тихому лону вмѣстѣ съ гордыми кораблями! Но пусть только суровый Борей раздражитъ кроткую Оетиду, и вотъ крѣпкоребрые корабли врѣзываются межъ водяныхъ горъ, и прыгаютъ по влажнымъ элементамъ, подобно Персеевому коню: гдѣ-же та маленькая лодочка, которой утлые бока когда-то соревновали съ кораблями? Или сокрылась въ пристани, или сдѣлалась добычею Нептуна!... Такъ точно и сила, и истинная добродѣтель, отличаются отъ наружной только во-время бурь счастія: при лучахъ и свѣтѣ его стадо больше боится овода, чѣмъ тигра; но когда ярящійся вихорь преклоняетъ и суковатые дубы, и

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМ.
Театральная
БИБЛІОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

мухи скрываются въ тѣни, да тогда-то храбрецъ, исполненный отваги, ярится подобно бурѣ, и смѣло идетъ противъ ея ярости.

УЛИССЪ. Агамемнонъ, великій вождь, опора Греціи, сердце ея членовъ, душа и духъ, въ которомъ соединяются умы всѣхъ! Выслушай, что́ скажетъ тебѣ Улиссъ. Знаменитый по своему сану и власти *(къ Агамемнону)*, и ты достопочтенный за маститую старость *(къ Нестору)*! Не-смотря на то, что я вполнѣ согласенъ и одобряю ваши слова, которыя таковы, что Агамемнонъ и рука Греціи должны начертать ихъ на мѣди, таковы, что маститый Несторъ долженъ-бы такою-же крѣпкою связью, какъ ось, на которой движутся небеса, приковать слухъ Грековъ къ своимъ опытнымъ словамъ,—не-смотря на все это, позвольте, ты великій, и ты мудрый, говорить Улиссу.

АГАМЕМНОНЪ. Говори, Царь Итаки: мы меньше вѣримъ тому, что безполезная и незначительная рѣчь изойдетъ изъ твоихъ устъ, чѣмъ тому, что услышимъ музыку, умъ и мудрыя изрѣченія, когда отвратительный Ѳерситъ открываетъ свои огромныя губы.

УЛИССЪ. Троя, которая и теперь еще существуетъ, пала-бы, и мечъ Гектора лишился-бы своего господина, если-бы не было вотъ этихъ препятствій: единство власти у насъ пренебрежено, и взгляните: сколько на этой равнинѣ греческихъ палатокъ, столько-же и отдѣльныхъ партій. Когда вождь не походитъ на улей, въ который слетаются всѣ пчелы, то какого ждать меду? Если забытъ порядокъ, то и самый недостойный является тогда на мѣстѣ достойнѣйшаго. Самыя небеса, планеты, и это средоточіе вселенной соблюдаютъ порядокъ, первенство и мѣсто, неподвижность, теченіе, отношеніе, время, Форму, обязанность и свой долгъ въ цѣпи природы. Поэтому славная планета—солнце, въ своемъ величіи властвуетъ и кружится между прочими планетами. Цѣлебный глазъ его сообщаетъ красоту другимъ планетамъ, и, подобно повелѣвающему царю, безъ малѣйшаго страха, назначаетъ мѣсто каждой изъ нихъ, какъ хорошей, такъ и худой. Пусть только планеты, смѣшавшись, станутъ

двигаться въ безпорядкѣ, — и какія произойдутъ несчастія? какіе ужасы? какое возмущеніе? какія бури на морѣ? землетрясенія? вихри? Ужасы, бѣдствія, страхи не извратятъ-ли и не раздробятъ-ли, и съ корнемъ не вырвутъ-ли единства и вожделѣннаго спокойствія царствъ? О! когда потрясена подчиненность, которая есть проводникъ всѣхъ великихъ намѣреній, то уже предпріятіе ослаблено. Не одна-ли подчиненность поддерживаетъ общества, степени въ школахъ, братства въ городахъ, мирную торговлю съ противоположныхъ береговъ, первородство и права рожденія, преимущества возраста, короны, скипетры, лавры? Уничтожьте подчиненность, разорвите эту связь, и смотрите, какой послѣдуетъ безпорядокъ! Каждая вещь станетъ прямо противорѣчить другой: заключенныя въ берегахъ водЫ поднимутъ свои волны выше береговъ и сдѣлаютъ изъ этого твердаго земнаго шара мокрый кусокъ; сила станетъ повелѣвать слабостію и жестокій сынъ убивать своего отца; насиліе будетъ правомъ, или, лучше, справедливость и неправда, между которыми средину занимаетъ правосудіе, утратятъ свои имена, а также и правосудіе; все тогда будетъ зависѣть отъ силы, сила отъ воли, воля отъ пожеланія; а желаніе — этотъ всеобщій воинъ, вдвойнѣ одаренный волею и силою, все сдѣлаетъ своею добычею, и накопецъ пожретъ самого себя. Великій Агамемнонъ! Этотъ хаосъ непзбѣженъ, какъскоро нѣтъ подчиненности. И это пренебреженіе подчиненности есть такое состояніе, когда мы думаемъ, что идемъ впередъ, отступая шагъ за шагомъ назадъ. Вождя не уважаетъ тотъ, кто слѣдуетъ за нимъ, втораго—третій, третьяго—четвертый, и такъ далѣе, каждый, видя примѣръ въ высшемъ, страждетъ горячкою зависти и мучительнаго соревнованія высшему: вотъ эта болѣзнь поддерживаетъ Трою, а не ея собственныя силы. Въ заключеніе скажу: — Троя существуетъ отъ нашей слабости, а не собственною силою.

НЕСТОРЪ. Улиссъ! ты очень умно объяснилъ болѣзнь, которою страждетъ наше войско.

АГАМЕМНОНЪ. Улиссъ! Ты открылъ болѣзнь; какое-же лекарство для нея?

улиссъ. Великій Ахиллесъ, котораго общее мнѣніе величаетъ опорою и правою рукою нашего войска, слыша постоянно похвалы себѣ, думаетъ самъ о себѣ все больше и больше, и его палатка спокойно стоитъ, насмѣхаясь надъ нашими предпріятіями. Вмѣстѣ съ нимъ Патроклъ цѣлый день, нѣжась на своемъ лѣнивомъ ютѣ, отпускаетъ грубыя шутки и представляетъ насъ въ смѣшныхъ и глупыхъ тѣлодвиженіяхъ, которыя онъ, клеветникъ, называетъ похожими на наши. Великій Агамемнонъ! Иногда онъ облекается въ твою верховную власть, и подобно надувающемуся актеру, котораго все искусство состоитъ въ ногахъ, и который считаетъ его высокимъ, когда произведетъ ногою стукъ по полу сцены, — онъ представляетъ твое величіе въ самыхъ жалкихъ и дурныхъ движеніяхъ, и когда начинаетъ говорить, то звукъ его голоса похожъ на звукъ разбитаго колокола. Они показались-бы иперболою, если-бы сошли съ языка шумнаго Тифона. При этихъ глупыхъ фарсахъ, великій Ахиллесъ, нѣжась на своей постелѣ, громко рукоплещетъ ему и кричитъ: «*Прекрасно! Точно Агамемнонъ! Теперь представь Нестора; да погладь себя по бородѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ онъ, приготовляясь говорить.*» Приказаніе исполнено, и Несторъ представленъ также близко, какъ концы параллельныхъ линій, также схожо, какъ Вулканъ походитъ на свою жену. Однакожъ добрый Ахиллесъ все кричитъ: *Прекрасно! Точно Несторъ! Теперь представь мнѣ, Патроклъ, какъ онъ вооружается во время ночной тревоги.* И тогда слабости возраста старческаго становятся предметомъ насмѣшекъ: Патроклъ кашляетъ, плюетъ, и въ онѣмѣніи хватаясь за воротникъ своего панцыря, разстегиваетъ и застегиваетъ свою пряжку. При этихъ шуткахъ, храбрецъ нашъ помираетъ со-смѣху и кричитъ: *О, довольно, Патроклъ, или дай мнѣ стальныя ребра, а то я разорвусь отъ смѣху.* И такимъ образомъ всѣ наши способности, дары, свойства, наружности, частныя и общія качества, подвиги, совѣты, приказанія, предварительныя дѣйствія, воззванія къ битвѣ, или совѣщанія о мирѣ, успѣхи или неудачи, что̀ есть и чего нѣтъ,—все служитъ для нихъ предметомъ къ насмѣшкѣ.

НЕСТОРЪ. И въ подражаніе имъ обоимъ, которыхъ, какъ говоритъ Уллисъ, общее мнѣніе называетъ повелителями, и многіе заразились. Аяксъ сдѣлался самоволенъ, и поднимаетъ голову столь-же высоко, какъ и великій Ахиллесъ; содержитъ свою палатку также, какъ и онъ; даетъ свои партійные праздники; смѣло, какъ оракулъ, смѣется надъ положеніемъ нашихъ военныхъ дѣйствій; и заставляетъ Ѳерсита—онъ рабъ, котораго ненависть къ людямъ чеканитъ клевету, какъ монету—сравнивать насъ съ грязью, чтобы ослабить и подорвать довѣренность къ нашему положенію, будто-бы окруженному опасностями.

УЛИССЪ. Они бранятъ нашу политику и называютъ ее трусостію; осторожность не считаютъ необходимою для войны; отвергаютъ предусмотрительность, и уважаютъ только кулачный бой; мирныя, обдуманныя распоряженія о томъ, сколько человѣкъ должно дѣйствовать въ битвѣ, когда лучше они должны вступить въ нее, знаніе, посредствомъ внимательнаго наблюденія, силы врага,—все это не имѣетъ у нихъ никакого достоинства; такія благоразумныя дѣла они называютъ постельнымъ дѣломъ, искусствомъ строить планы, кабинетною войною,—такъ-что барана, который своими рогами роняетъ заборъ, за быстроту и силу его удара, они цѣнятъ выше той руки, которая сдѣлала машину, или даже тѣхъ, которые изобрѣтательностію своего ума приводятъ ее въ дѣйствіе.

НЕСТОРЪ. Пусть только будетъ это допущено, и тогда Ахиллесова лошадь можетъ попасть въ отцы сыновьямъ Ѳетиды.

(Звукъ трубъ.)

АГАМЕМНОНЪ. Что это за трубы? Посмотри, Менелай.

(Входитъ Эней.)

МЕНЕЛАЙ. Изъ Трои.

АГАМЕМНОНЪ. Зачѣмъ являешься предъ нашею палаткою?

ЭНЕЙ. Прошу васъ, скажите мнѣ, — не это-ли палатка великаго Агамемнона?

АГАМЕМНОНЪ. Да.

ЭНЕЙ. Можетъ-ли говорить съ нимъ лично посланникъ и вождь?

АГАМЕМНОНЪ. Съ полною безопасностію, которая тверже руки Ахиллесовой, передъ всѣми греческими военачальниками, которые единодушно избрали Агамемнона начальникомъ и вождемъ.

ЭНЕЙ. Прекрасное для меня позволеніе и безопасность совершенная. Какъ иностранецъ, незнакомый съ повелительными взорами вашего вождя, отличитъ ихъ отъ взоровъ другихъ смертныхъ?

АГАМЕМНОНЪ. Какъ?

ЭНЕЙ. Да; чтобы я могъ показать свое уваженіе къ нему, и на лицѣ своемъ выразить передъ нимъ скромность и смиреніе, я спрашиваю васъ, кто этотъ богъ, по своему сану, хранящій людей? Который славный и великій Агамемнонъ?

АГАМЕМНОНЪ. Этотъ Троянецъ смѣется надъ нами, или Троянцы церемонно-вѣжливые люди.

ЭНЕЙ. Точно вѣжливые, которые во-время мира откровенны и дружелюбны, какъ кроткіе ангелы; это ихъ качество во-время мира. Но когда они хотятъ явиться воинами, то у нихъ есть мощныя руки, крѣпкіе члены, вѣрные мечи,—и клянусь Юпитеромъ, ни въ комъ нѣтъ столько мужества, сколько въ нихъ. Но тише, Эней,—тише, Троянецъ, положи перстъ на уста свои. Похвала теряетъ свою цѣну, если кто-нибудь хвалитъ самъ-себя. Но когда хвалитъ насъ и самый оскорбленный врагъ, то такая слава сохраняется долго,—такая похвала справедлива и переходитъ въ потомство.

АГАМЕМНОНЪ. Ты изъ Трои; твое имя — Эней?

ЭНЕЙ. Да, Грекъ; меня зовутъ такъ.

АГАМЕМНОНЪ. Что́ за порученіе къ намъ у тебя? говори.

ЭНЕЙ. Извини; я долженъ говорить съ Агамемнономъ.

АГАМЕМНОНЪ. Онъ на-единѣ не слушаетъ ничего, что́ приходитъ къ нему изъ Трои.

ЭНЕЙ. Да и я тоже не пришолъ шептать ему на-ухо: я приказалъ трубить, чтобы дать знать ему о себѣ, заставить его согласиться выслушать меня и потомъ уже говорить.

АГАМЕМНОНЪ. Говори свободно, какъ вѣтеръ; теперь у Агамемнона не часъ сна; знай, Троянецъ, что онъ всталъ и говоритъ съ тобою.

ЭНЕЙ. Трубы, звучите громче; слейте звуки ваши по всѣмъ этимъ спокойнымъ палаткамъ; и пусть каждый отважный Грекъ знаетъ, что Троя громко объявляетъ свои мысли. *(Звуки трубъ.)* У насъ въ Троѣ, великій Агамемнонъ, есть принцъ, по имени Гекторъ. Пріамъ его отецъ. Онъ соскучился отъ продолжительнаго бездѣйствія и спокойствія; и потому приказалъ мнѣ взять трубы и объявить тебѣ его намѣренія. Цари, вожди, господа! Если между лучшими Греками найдется такой, который честь цѣнитъ выше, чѣмъ спокойствіе,—который ищетъ славы больше, чѣмъ сколько страшится опасности,—который увѣренъ въ своей силѣ, и не знаетъ страха,—который свою милую любитъ не на словахъ только—въ пустыхъ клятвахъ передъ ней: люблю тебя — и готовъ признавать красоту и совершенства ея не въ ея объятіяхъ,—то къ такому человѣку относится этотъ вызовъ. Гекторъ, въ виду Троянцевъ и Грековъ, докажетъ или постарается доказать, что его супруга умнѣе, прелестнѣе и вѣрнѣе всякой, какую когда-либо сжималъ въ своихъ объятіяхъ Грекъ. Онъ завтра, при звукѣ трубъ, выйдетъ на средину поля, между палатками Грековъ и стѣнами Трои, чтобы вызвать въ битву какого-нибудь Грека, который вѣренъ любви. Если кто согласится, тому Гекторъ окажетъ честь; если-же нѣтъ, то онъ, возвратившись въ Трою, скажетъ, что греческія женщины сожжены солнцемъ и не стóятъ обломка копья. Вотъ въ чемъ дѣло.

АГАМЕМНОНЪ. Эней! это нужно сказать всякому, у кого есть милая. Если-же не найдется ни одного такого человѣка, то пусть остаются дóма; но мы воины: а тотъ воинъ, который не надѣется любить, не любилъ, или не любитъ, — настоящій трусъ. Итакъ, если кто любилъ, любитъ, или думаетъ быть влюбленнымъ, — тотъ и встрѣтитъ Гектора; если не найдется никого, то я самъ выйду противъ Гектора.

НЕСТОРЪ. Скажи ему о Несторѣ. Я былъ уже мужемъ въ то время, когда Гекторовъ дѣдъ, который теперь уже

старъ, питался молокомъ матери: если въ нашемъ греческомъ войскѣ не найдется ни одного благороднаго человѣка, въ которомъ была-бы искра отваги биться за свою любезную,—то, скажи ему отъ меня, я покрою золотымъ шлемомъ свою серебристую голову, надѣну оружіе на свои ослабѣвшія руки, и встрѣтившись съ нимъ, скажу ему, что моя милая прелестнѣе, чѣмъ его бабка, и такъ чиста, какъ только можетъ быть чиста женщина въ цѣломъ свѣтѣ. Я докажу свои слова тремя послѣдними каплями своей крови.

ЭНЕЙ. Да не попустятъ небеса того, чтобы не нашлось ни одного юноши!

УЛИССЪ. Воистинну такъ!

АГАМЕМНОНЪ. Эней! Дай мнѣ твою руку; я проведу тебя въ свою палатку. Ахиллесъ долженъ узнать о Гекторовомъ предложеніи, а также и всякой Грекъ отъ одной палатки до другой. Ты прежде, чѣмъ уйдешь отсюда, повеселишься вмѣстѣ съ нами, и найдешь радушный пріемъ у благороднаго врага.

(Кромѣ Нестора и Улисса всѣ уходятъ.)

УЛИССЪ. Несторъ....

НЕСТОРЪ. Что скажешь, Улиссъ?

УЛИССЪ. Въ моей головѣ мелькнула новая мысль: будь ты временемъ, которое дало-бы ей нѣкоторую форму.

НЕСТОРЪ. Что такое?

УЛИССЪ. Вотъ что: клинъ раскалываетъ крѣпкіе сучья; гордость Ахиллеса, которая достигла своей зрѣлости, должна быть вырвана или теперь-же, или будучи оставлена, надѣлаетъ столько зла, что оно подавитъ всѣхъ насъ.

НЕСТОРЪ. Ну, а какъ?

УЛИССЪ. Вызовъ, предложенный храбрымъ Гекторомъ, хотя относится ко всѣмъ вообще, но собственно направленъ къ одному Ахиллесу.

НЕСТОРЪ. Цѣль ясна, точно вещество, которое составляется изъ прозрачныхъ частицъ. И самъ Ахиллесъ, хотя-бы его мозгъ былъ столь-же сухъ, какъ берега

Ливіи,—а Аполлонъ знаетъ, что они очень сухи,—безъ труда, весьма-скоро и легко, увидитъ въ объявленіи, что предложеніе Гектора относится къ нему.

УЛИССЪ. И ты думаешь уговорить его принять вызовъ?

НЕСТОРЪ. Да, это очень-кстати; кого иначе ты выставишь противъ Гектора, кто-бы могъ спасти свою славу, кромѣ Ахиллеса? Хотя это и будетъ шуточная битва, однако, на пустомъ опытѣ основывается общее мнѣніе. Троянцы узнаютъ здѣсь нашу крѣпость; и повѣрь мнѣ, Улиссъ, по этой битвѣ, оцѣняютъ наше могущество неправильно; успѣхъ хотя и частный, даетъ понятіе о хорошемъ или худомъ состояніи цѣлаго; въ такихъ представителяхъ, хотя и незначительныхъ въ отношеніи ко всей массѣ, видятъ состояніе всей арміи. Предполагается, что тотъ, кто выйдетъ противъ Гектора, выбранъ нами, и выборъ, основанный на взаимномъ согласіи нашемъ, дѣлаетъ важнымъ его избраніе, и представляетъ его, такъ-сказать, человѣкомъ составленнымъ изъ всѣхъ нашихъ совершенствъ. Если-же такой человѣкъ не будетъ имѣть успѣха, то какое сердце удержится отъ того, чтобы не потерять высокое понятіе о себѣ? Успѣлъ онъ, и тогда всѣ будутъ стольже послушными ему, какъ мечъ и лукъ послушны рукѣ воина.

УЛИССЪ. Послушай меня,—именно поэтому Ахиллесъ и не выйдетъ противъ Гектора. Станемъ лучше какъ купцы, показывать худые свои товары, и думать «можетъ-быть, ихъ купятъ». Если-же нѣтъ, то блескъ лучшихъ товаровъ будетъ виднѣе, если сначала покажемъ худые. Не соглашайся, чтобы Гекторъ и Ахиллесъ вышли другъ противъ друга; вѣдь и слава наша, и позоръ въ такомъ случаѣ, могутъ сдѣлаться добычею двухъ голодныхъ охотниковъ.

НЕСТОРЪ. Я, своими старыми глазами, не вижу, кто эти охотники?

УЛИССЪ. Если-бы Ахиллесъ побѣдилъ Гектора, мы стали-бы раздѣлять съ нимъ славу, тогда, когда-бы онъ не былъ гордъ. А онъ и теперь уже очень-дерзокъ; когда-же онъ уцѣлѣетъ отъ ударовъ Гектора, то намъ лучше

будетъ жариться на африканскомъ солнцѣ, чѣмъ сносить его гордость и ѣдкую насмѣшку его глазъ. Если-же онъ будетъ побѣжденъ, тогда мы потеряемъ высокое мнѣніе о себѣ, чрезъ позоръ нашего лучшаго человѣка. Нѣтъ; киньте жеребій, и хитростію сдѣлайте, чтобы неуклюжему Аяксу досталось биться съ Гекторомъ. Между нами называйте его самымъ славнымъ человѣкомъ: это усмиритъ великаго Мирмидонца, который тщеславится всеобщими похвалами. Пусть падетъ его гребень, который склоняется съ бо́льшею гордостью, чѣмъ голубая Изида. Если глупый Аяксъ останется здоровъ, то мы всѣ станемъ хвалить его; если-же падетъ, то у насъ все-таки будетъ мысль, что между нами есть человѣкъ лучше его. Но пусть будетъ удача, или неудача, во всякомъ случаѣ, пославши въ битву Аякса, мы вырвемъ перья у Ахиллеса.

НЕСТОРЪ. Улиссъ! теперь я начинаю понимать твою мысль, и тотчасъ-же сообщу ее Агамемнону: пойдемъ прямо къ нему. Двѣ собаки усмирятъ одна другую: гордость растравитъ этихъ собакъ, какъ кость. *(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Другая часть Греческаго лагеря.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Аяксъ *и* Ѳерситъ.

АЯКСЪ. Ѳерситъ!

ѲЕРСИТЪ. Агамемнонъ.... онъ точно покрытъ прыщами? весь, сплошь?

АЯКСЪ. Ѳерситъ!

ѲЕРСИТЪ. И если бы эти прыщи прорвались? не истекъ ли-бы тогда полководецъ гноемъ? Не покрылся-ли-бы струпьями?

АЯКСЪ. Собака!

ѳерситъ. Тогда-бы изъ него вытекла какая-нибудь матерія; а теперь ничего не видно.

аяксъ. Собачій сынъ, не слышишь что-ли ты? такъ почувствуй. *(Бьетъ его.)*

ѳерситъ. Чтобы греческая язва поразила тебя, оселъ!

аяксъ. Поговори еще, поговори, дуракъ: я сдѣлаю изъ тебя красавца.

ѳерситъ. Скорѣе я сдѣлаю изъ тебя умнаго и благочестиваго: впрочемъ, кажется, что твоя лошадь скорѣе выучитъ рѣчь наизустъ, чѣмъ ты прочтешь молитву къ Зевсу безъ книги. Ты смѣешь драться, драться? Чорная немочь схватила-бы тебя за это!

аяксъ. Гнилой грибъ, скажи мнѣ, какое тамъ выдано объявленіе?

ѳерситъ. Неужели ты думаешь, что я не чувствую, когда ты бьешь меня?

аяксъ. Объявленіе....

ѳерситъ. Объявлено, кажется, что ты дуракъ.

аяксъ. Перестань, дикобразъ, перестань; у меня руки зудятъ.

ѳерситъ. Хотѣлось-бы мнѣ, чтобъ у тебя открылся зудъ съ ногъ до головы, и мнѣ-бы привелось чесать тебя: я сдѣлалъ-бы изъ тебя самаго отвратительнаго урода во всей Греціи. Когда на тебя нападаютъ, ты бьешься также плохо, какъ и другой.

аяксъ. Я говорю, объявленіе....

ѳерситъ. Ты вѣчно ворчишь и лаешь на Ахиллеса, и столько-же завидуешь его славѣ, какъ Церберъ красотѣ Прозерпины; да, ты лаешь на него.

аяксъ. Сударыня Ѳерситъ!

ѳерситъ. Побился-бы ты съ нимъ.

аяксъ. Блинъ!

ѳерситъ. Онъ искрошилъ-бы тебя на мелкія частички, какъ матросъ крошитъ сухарь.

аяксъ. Ахъ, ты собака! *(Бьетъ его.)*

ѳерситъ. Ну, ну!

аяксъ. Жилище вѣдьмъ!

ѳерситъ. Ну, еще, еще, глупецъ! У тебя въ головѣ не больше мозгу, чѣмъ у меня въ локтяхъ; пусть оселъ будетъ твоимъ учителемъ, гадкій храбрый дуракъ! ты здѣсь за тѣмъ, чтобы молотить Троянцевъ, и купленъ въ числѣ тѣхъ, у которыхъ еще есть хоть сколько-нибудь ума, точно, какъ невольникъ. Если ты еще станешь бить меня, такъ я смѣряю тебя съ ногъ до головы, и скажу, у тебя нѣтъ души!

аяксъ. Собака!

ѳерситъ. Гадкій господинъ!

аяксъ. О, собака! *(Бьетъ его.)*

ѳерситъ. Марсовъ шутъ! Продолжай, невѣжа, ну-же, верблюдъ, ну, ну!

(Входятъ Ахиллесъ и Патроклъ.)

ахиллесъ. Что́ это, Аяксъ? за что́ ты бьешь его?

ѳерситъ. Видишь-ли ты его, а? видишь-ли?

ахиллесъ. Ну, что́-жъ изъ того!

ѳерситъ. Нѣтъ, посмотри на него.

ахиллесъ. Ну, смотрю; что́-жъ изъ этого?

ѳерситъ. Нѣтъ, посмотри на него хорошенько.

ахиллесъ. Пожалуй, ну, смотрю.

ѳерситъ. Посмотри на него пристальнѣе: за кого-бы ты его ни принималъ, онъ все таки Аяксъ.

ахиллесъ. Знаю, дуракъ.

ѳерситъ. Да дуракъ-то не знаетъ самого себя.

аяксъ. Я за это тебя и бью.

ѳерситъ. Лю, лю, лю, лю, какой ничтожный умишко видѣнъ въ немъ! Какія длинныя уши у его словъ! Лучше-бы мнѣ поколотить его мозгъ, чѣмъ ему мои кости. Я куплю девять воробьевъ за одинъ пенни, а его pia mater * не сто́итъ и девятой части воробья. Ахиллесъ,

---

* Pia mater. Такъ называется, въ анатоміи, мозговая плева.

этотъ господинъ — Аяксъ, у котораго умъ въ брюхѣ, а кишки въ головѣ,—я разскажу тебѣ, что я говорилъ объ немъ.

АХИЛЛЕСЪ. Что?

ѲЕРСИТЪ. Я говорю у этого Аякса....

АХИЛЛЕСЪ. Ну, у добраго Аякса.

(Аяксъ хочетъ ударить Ѳерсита, Ахиллесъ останавливаетъ его.)

ѲЕРСИТЪ. Нѣтъ-и столько ума.

АХИЛЛЕСЪ. Нѣтъ, я удержу тебя.

ѲЕРСИТЪ. Чтобъ имъ можно было заткнуть уши иголки Елениной, за которую онъ идетъ сражаться.

АХИЛЛЕСЪ. Молчи, дуракъ.

ѲЕРСИТЪ. Я–то молчалъ–бы и былъ спокоенъ, да дуракъ–то этого не хочетъ: онъ здѣсь, вотъ онъ; смотрите сюда.

АЯКСЪ. О, проклятая собака! Я....

АХИЛЛЕСЪ. Не ужели тебѣ, умному человѣку, хочется связываться съ дуракомъ?

ѲЕРСИТЪ. Нѣтъ, божусь тебѣ: дураку стыдно изъ–за него.

ПАТРОКЛЪ. Говори хорошенько, Ѳерситъ.

АХИЛЛЕСЪ. Да отъ чего эта ссора?

АЯКСЪ. Я приказалъ этой совѣ сказать мнѣ содержаніе объявленія, а онъ сталъ насмѣхаться надо мной.

ѲЕРСИТЪ. Я не слуга тебѣ.

АЯКСЪ. Прочь, пошелъ прочь!

ѲЕРСИТЪ. Я служу кому хочу.

АХИЛЛЕСЪ. Но здѣсь, когда тебя били, ты служилъ не по своей волѣ; ни одинъ человѣкъ не согласится, чтобъ его били. Аяксъ билъ тебя по своей волѣ, а ты поддался ему по неволѣ.

ѲЕРСИТЪ. Право? Такъ большая часть твоего ума у тебя въ жилахъ, или я обманываюсь. Для Гектора будетъ славная добыча, когда онъ разобьетъ кому–нибудь изъ

васъ черепъ; это все равно, что разкусить гнилой орѣхъ безъ ядра!...

Ахиллесъ. Какъ, и со мною тоже, Ѳерситъ?

Ѳерситъ. Улиссъ и старый Несторъ, котораго умъ былъ подернутъ плѣсенью, когда еще у вашихъ дѣдовъ не выросли ногти на пальцахъ ногъ, наложили на васъ ярмо, какъ на рабочихъ быковъ, и заставляли васъ пахать на войнѣ.

Ахиллесъ. Что? что?

Ѳерситъ. Да, совершенная правда. Эй, Ахиллесъ! Ну-же, Аяксъ! ну!

Аяксъ. Я отрѣжу тебѣ языкъ.

Ѳерситъ. Нѣтъ нужды; и послѣ этого, я стану говорить также много, какъ и ты.

Патроклъ. Ни слова больше, Ѳерситъ, молчи.

Ѳерситъ. Замолчу, когда мнѣ приказываетъ рука Ахиллесова, не такъ-ли?

Ахиллесъ. Это къ тебѣ, Патроклъ.

Ѳерситъ. Я скорѣе увижу, что васъ повѣсятъ, какъ барановъ, чѣмъ снова приду въ ваши палатки; пойду туда, гдѣ есть здравый умъ, и оставлю шайку глупцовъ.

(Уходитъ.)

Патроклъ. И слава Богу.

Ахиллесъ. Да, точно; во всемъ нашемъ войскѣ объявлено, что Гекторъ съ самымъ восходомъ солнца, при звукѣ трубъ, выйдетъ завтра на средину поля между нашими палатками и Троею, и будетъ вызывать въ битву того, у кого есть мужество, и кто станетъ утверждать,— не знаю что-то, пустяки. Прощай.

Аяксъ. Прощай. Кто выйдетъ противъ него?

Ахиллесъ. Не знаю, это предложено на-удачу; иначебы онъ зналъ этого человѣка.

Аяксъ. О, вѣрно, онъ разумѣетъ тебя. Пойду, развѣдаю побольше. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Троя. — Комната во дворцѣ Пріама. — Входятъ Пріамъ, Гекторъ, Троилъ, Парисъ *и* Еленъ.

ПРІАМЪ. Послѣ того, какъ уже напрасно потеряно столько времени, жизней и переговоровъ, вотъ что̀ снова сообщаетъ намъ Несторъ отъ имени Грековъ: «Освободите Елену, и всѣ утраты, какъ-то: честь, время, труды, издержки, раны, друзья и все драгоцѣнное, что̀ истреблено во время этой губительной войны, — будетъ забыто.» Гекторъ, что̀ ты на это скажешь?

ГЕКТОРЪ. Хотя никто столь мало не боится Грековъ, какъ я, но что̀ касается собственно до меня, почтенный Пріамъ, то признаюсь, нѣтъ женщины, столь нѣжной въ душѣ, болѣе способной питать чувство страха, болѣе готовой кричать — *кто знаетъ, что̀ случится?* какъ Гекторъ. Беззаботность, совершенная беззаботность опасна для мира; но небольшое сомнѣніе называютъ маякомъ мудраго, ланцетомъ, который измѣряетъ рану въ груди. Позволь Еленѣ удалиться: съ-тѣхъ-поръ, какъ только обнаженъ мечъ изъ-за нея, каждый десятый человѣкъ, между многими десятками тысячь людей, былъ столь-же дорогъ, какъ и Елена; я разумѣю нашихъ. Если мы потеряли такъ много десятковъ нашихъ, чтобы отстоять женщину не нашу, недостойную насъ, то послѣ этого какую силу имѣютъ доказательства, останавливающія выдачу ея Грекамъ?

ТРОИЛЪ. Фи, фи, братъ! Неужели ты достоинство и честь Царя, столь великаго, какъ отецъ нашъ, думаешь вѣсить на обыкновенныхъ вѣсахъ? Неужели станешь подводить подъ итогъ его безграничное величіе? И неизмѣримое измѣрять такими маленькими вершками, какъ страхъ и причины? Фи, стыдись!

ЕЛЕНЪ. Неудивительно, что ты такъ пренебрегаешь умный совѣтъ, когда у тебя нѣтъ ума. Неужели отецъ нашъ станетъ исполнять высокую царскую обязанность необдуманно, потому только, что необдуманны твои слова, сказанныя ему.

троилъ. Братъ жрецъ, ты созданъ для дремоты и сна, ты своими умными совѣтами грѣешь лишь свои руки. Вотъ твои причины: ты знаешь, что непріятель хочетъ твоего несчастія; знаешь, что обнаженный мечъ бываетъ гибеленъ, а разсудокъ бѣжитъ отъ всякаго несчастія, по этому, кто удивится, если Еленъ, при видѣ греческаго и своего меча, приставитъ крылья ума къ своимъ подошвамъ и полетитъ, какъ Меркурій отъ разгнѣваннаго Юпитера, или какъ падающая звѣзда? У чести и мужества будутъ заячьи сердца, когда они станутъ водиться этимъ умишкомъ; разсудокъ и размышленіе наводятъ блѣдность на сердце и умерщвляютъ отвагу.

гекторъ. Братъ, она не стóитъ того, чтó потеряли мы изъ-за нея.

троилъ. Цѣну вещи мы узнаемъ изъ того, какъ оцѣнятъ ее.

гекторъ. Но оцѣнка зависитъ не отъ частнаго произвола: цѣну и достоинство она получаетъ, какъ отъ того, какова сама въ себѣ, такъ и отъ оцѣнщика. Считать обряды выше самого Бога—это идолопоклонство, и то желаніе глупо, которое привязывается къ чему-нибудь слѣпо, не видя ни какой пользы.

троилъ. Я сего-дня взялъ жену, и избраніе мое основано на собственной моей волѣ; и воля повиновалась ушамъ и глазамъ, этимъ двумъ кормчимъ, плавающимъ между опасными берегами воли и разсудка. Пусть теперь воля моя не хочетъ того, чтó она избрала, все-же однако, какъ я оставлю жену, которую избралъ? Оставить ее и быть благороднымъ—невозможно. Мы не возвращаемъ купцамъ назадъ шолковую ткань, замаравъ ее; и оставшіяся кушанья не бросаемъ въ помойную яму, потому, что мы сыты теперь. Нѣкогда была одобрена та мысль, что Парисъ долженъ отмстить Грекамъ. Ваше единодушное согласіе, подобно вѣтру, надуло паруса его кораблей, море и вѣтры (старые забіяки) усмирились и предлагали ему свои услуги: онъ достигъ тѣхъ воротъ, къ которымъ стремился; и вмѣсто старой нашей тетки, которую Греки удержали въ плѣну, привезъ греческую ца-

рицу, въ сравненіи съ юностію и свѣжестію которой— Аполлонъ старикъ и заря—блѣдна. За чѣмъ мы удерживаемъ ее у себя? Греки удержали въ плѣну нашу тетку. Стóитъ-ли она того, чтобъ держать ее? Да, она такой драгоцѣнный перлъ, что больше тысячи кораблей снаряжено для того, чтобы достать ее и коронованные цари сдѣлались изъ-за нее купцами. Если вы скажете, что Парисъ благоразумно поступилъ, отправившись тогда изъ Трои,—а вы должны сказать это, потому-что всѣ вы кричали: *ступай, ступай*, если вы признаетесь, что онъ захватилъ очень драгоцѣнную вещь, а вы должны признаться въ этомъ, потому-что всѣ вы рукоплескали и кричали: *неоцѣненно!*—то за-чѣмъ-же теперь сами отказываетесь отъ своихъ мыслей и за-чѣмъ эту вещь, какой счастіе никогда прежде не давало, не хвалите теперь, между-тѣмъ, какъ прежде сами вы считали ее драгоцѣннѣе суши и моря? О низкое воровство: украли да и боимся держать! Похитители, недостойные вещи нами украденной, потому-что мы безчестно похитили ее изъ ея отечества, а въ своемъ боимся держать ее.

КАССАНДРА, *за сценою*. Плачьте, Троянцы, плачьте!

ПРІАМЪ. Что́ за шумъ? что́ это за крикъ?

ТРОИЛЪ. Это наша больная сестра, я узнаю ея голосъ.

КАССАНДРА, *за сценой*. Плачьте, Троянцы!

ГЕКТОРЪ. Это Кассандра.

(Входитъ Кассандра въ изступленіи).

КАССАНДРА. Плачьте, Троянцы, плачьте, дайте мнѣ десять тысячь глазъ, и я наполню ихъ пророческими слезами.

ГЕКТОРЪ. Молчи, сестра, молчи.

КАССАНДРА. Дѣвы и юноши, мужи и согбенные старцы, нѣжные младенцы, вы, которые можете только плакать, соедините свои слезы съ моими! напередъ омоемъ слезами половину ужасныхъ грядущихъ бѣдъ. Плачьте, Троянцы, плачьте! Наполните слезами свои очи. Не будетъ Трои, не станетъ прекраснаго Иліона, нашъ зажигатель, братъ Парисъ, сожжетъ всѣхъ насъ. Плачьте, Троянцы, плачьте! Елена и горе: плачьте, плачьте! Троя сгоритъ, или отпустите Елену. *(Уходитъ).*

гекторъ. Что, Троилъ, неужели и эти высокія слова откровенія не возбудили въ тебѣ раскаянія? Или уже кровь твоя разгорячена до того, что ни убѣжденія ума, ни опасенія худыхъ послѣдствій отъ несправедливаго дѣла, не могутъ успокоить ее?

троилъ. О нѣтъ, Гекторъ, мы не можемъ судить о справедливости всякаго дѣйствія по тому, какъ оно оканчивается, ни терять мужества потому-что Кассандра больна; ея разсудокъ не можетъ повредить справедливости брани, которую всѣ благородные воины обязаны вести какъ слѣдуетъ. Что до меня собственно, то я оскорбленъ небольше другихъ сыновей Пріама; но сохрани насъ Юпитеръ отъ того, что и самаго слабаго человѣка могло-бы побудить сражаться и стоять крѣпко.

парисъ. Въ противномъ случаѣ всякой обвинитъ въ легкомысліи, какъ мое предпріятіе, такъ и ваши совѣты; но я клянусь богами, что ваше согласіе дало крылья моему предпріятію и уничтожило всѣ мои опасенія, которыя соединены съ такимъ опаснымъ предпріятіемъ. Увы, что могли-бы сдѣлать одни мои руки? Что за противоборство сила одного человѣка противу натиска и враждебности тѣхъ, которыхъ воспламенила эта война! При всемъ томъ, если-бы я одинъ долженъ былъ идти противу всѣхъ трудностей, и если-бы сила моя равнялась волѣ, то, клянусь, Парисъ никогда не отказался-бы отъ того, что сдѣлалъ, и не ослабѣлъ-бы отъ трудовъ воинскихъ.

пріамъ. Парисъ, ты говоришь точно упоенный своими пріятными удовольствіями; но онѣ для меня медъ, а для другихъ жолчь; быть славнымъ изъ-за нихъ—не славно.

парисъ. Государь, я думаю не объ однихъ удовольствіяхъ, какія приносятъ съ собою красота, но хочу того, чтобы позоръ ея похищенія былъ изглаженъ тѣмъ, чтобы не выдавать ея Грекамъ. Какая была-бы измѣна въ отношеніи къ похищенной царицѣ, какой позоръ для твоего великаго сана, какой стыдъ для меня, еслибы мы выдали ее по одному требованію? Можетъ-ли быть, чтобы столь безчестная мысль была тверда въ нашихъ благородныхъ сердцахъ! На нашей

сторонѣ и между самыми низкими душами нѣтъ такого человѣка, у котораго не было-бы мужества или меча, когда оскорблена Елена; нѣтъ ни одного столь знаменитаго, котораго жизнь была-бы утрачена даромъ и смерть была-бы безславна, когда онъ сражается за Елену. И такъ, повторяю, мы будемъ сражаться за нее, за ту, которой, какъ мы знаемъ, нѣтъ подобной въ цѣломъ свѣтѣ.

ГЕКТОРЪ. Парисъ и Троилъ, оба вы говорили хорошо; но на это дѣло, на этотъ споръ смотрѣли сквозь пальцы, поверхностно, какъ тѣ молодые люди, которыхъ Аристотель считалъ неспособными слушать нравственную философію. Причины, приведенныя вами, внушены пылкими страстями, и не показываютъ того, что вы понимаете различіе между справедливостію и неправдою; у удовольствія и мщенія уши глуше, чѣмъ у змѣи къ голосу состраданія. Природа требуетъ, чтобы всякому было воздаваемо должное; теперь, кто-жъ въ цѣломъ человѣчествѣ ближе жены къ мужу? Если этотъ законъ природы нарушаемъ бываетъ страстію, и сильные люди, по снисхожденію къ своимъ прихотямъ, противятся ему, то во всякомъ благоустроенномъ народѣ есть законъ смирять эти необузданныя пожеланія, самыя непокорныя и упорныя. Если Елена, супруга Спартанскаго Царя—а это несомнѣнно,—то нравственные законы природы и законы гражданскіе, громко вопіютъ, чтобы мы возвратили ее. Противиться этому, защищая свою несправедливость, значитъ, не уменьшать несправедливость, а еще больше увеличивать ее. Таково искреннее мнѣніе Гектора; но при всемъ томъ, я согласенъ съ вами удержать Елену здѣсь, потому-что отъ этого зависитъ честь не только одного человѣка, но и слава общая.

ТРОИЛЪ. Да, ты коснулся самой сущности дѣла; если-бы тутъ не было славы, которая для насъ несравненно дороже нашихъ прихотей, я-бы и капли крови не пролилъ въ защиту Елены. Но, Гекторъ, она пружина къ чести и славѣ, путь къ знаменитымъ и громкимъ подвигамъ. Наша храбрость можетъ побѣдить теперь нашихъ враговъ и слава осѣнитъ насъ въ потомствѣ! И вѣрно

Гекторъ не упуститъ такого прекраснаго случая пріобрѣсть себѣ славу, которая съ улыбкою ждетъ его въ битвахъ, какъ награда цѣлаго свѣта.

ГЕКТОРЪ. Согласенъ съ тобою, храбрый сынъ Пріама. Я послалъ къ ссорящимся знаменитымъ Грекамъ вызовъ, который поразитъ ужасомъ сердца ихъ. Мнѣ извѣстно, что великій военачальникъ ихъ спитъ, а между-тѣмъ зависть ростетъ въ войскѣ: думаю, что мой вызовъ пробудитъ его. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Греческій лагерь. Передъ палаткою Ахиллеса. Входитъ ӨЕРСИТЪ.

ӨЕРСИТЪ. Что это, Өерситъ? Ты заблудился въ лабиринтѣ своего гнѣва? Смѣетъ-ли слонъ Аяксъ такъ поступать? Онъ бьетъ меня, а я смѣюсь надъ нимъ,—славное мщеніе! Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы было на оборотъ: я сталъ-бы бить его, а онъ смѣяться надо мною. Чортъ возми! я выучусь заклинать злыхъ духовъ, чтобы только исполнить мое проклятіе. Ахиллесъ—рѣдкій военачальникъ. Если Троя не будетъ взята и разрушена этими двумя храбрецами, то стѣны ея будутъ стоять до-тѣхъ-поръ, пока падутъ сами собой? О ты, великій громовержецъ Олимпа, забудь, что ты Юпитеръ, царь боговъ; и ты Меркурій, потеряй всю змѣиную хитрость твоего кадуцея, если вы совсѣмъ не отнимите небольшой, небольшой, меньше, чѣмъ небольшой умишко у тѣхъ, которые имѣютъ его! Самое близорукое незнаніе видитъ, что этотъ умишко, что онъ не освободитъ мухи изъ паутины безъ того, чтобы не употребить для этого тяжелаго орудія и не обрубить паутины. Мщеніе на весь лагерь! Или лучше, подагра! Такая казнь всего приличнѣе для тѣхъ, которые воюютъ изъ-за юбки. Я кончилъ свои молитвы; а чортъ, зависть, говоритъ: конецъ!—А! О! мой господинъ Ахиллесъ! (*Входитъ Патроклъ*).

ПАТРОКЛЪ. Кто здѣсь? Өерситъ? Любезный Өерситъ, поди и посмѣйся.

ӨЕРСИТЪ. Если-бы, глядя на тебя, я воображалъ, что смотрю на золотой портретъ, ты не ускользнулъ-бы отъ мо-

его взгляда, но нѣтъ нужды,—чортъ тебя возми! Общая зараза всего человѣческаго рода, глупость и невѣжество, да поразятъ тебя! Чтобы не было у тебя учителей и наставленій ты не слышалъ! Пусть страсти управляютъ тобой до самой твоей смерти! И когда она, подкосивши тебя, скажетъ: ты, милый, трупъ, то поклянусь тебѣ, она будетъ любоваться самымъ гадкимъ прокаженнымъ. Конецъ. Гдѣ Ахиллесъ?

ПАТРОКЛЪ. Какъ ты богомоленъ? Ты молился?

ӨЕРСИТЪ. Да. Услышьте меня, небеса!

(Входитъ Ахиллесъ).

АХИЛЛЕСЪ. Кто здѣсь?

ПАТРОКЛЪ. Өерситъ, Ахиллесъ.

АХИЛЛЕСЪ. Гдѣ? гдѣ? Ты здѣсь? Эй, ты, мой котъ, мой желудокъ, отчего ты не пришолъ за мой столъ? Ну, что́ Агамемнонъ?

ӨЕРСИТЪ. Твой начальникъ, Ахиллесъ? Патроклъ, скажи мнѣ, что́ такое Ахиллесъ?

ПАТРОКЛЪ. Твой господинъ Өерситъ; теперь скажи, сдѣлай милость, ты кто?

ӨЕРСИТЪ. Человѣкъ, знающій тебя, Патроклъ; ну, Патроклъ, теперь скажи мнѣ, ты что́ такое?

ПАТРОКЛЪ. Ты самъ можешь сказать: вѣдь ты меня знаешь.

АХИЛЛЕСЪ. О скажи, скажи.

ӨЕРСИТЪ. Я повторю весь разговоръ. Агамемнонъ начальникъ Ахиллеса; Ахиллесъ мой господинъ; я—человѣкъ, знающій Патрокла, а Патроклъ—глупецъ.

ПАТРОКЛЪ. О, плутъ!

ӨЕРСИТЪ. Молчи, дуракъ; я еще не кончилъ.

АХИЛЛЕСЪ. Патроклъ, у него особенныя права. — Продолжай Өерситъ.

ӨЕРСИТЪ. Агамемнонъ дуракъ; Ахиллесъ дуракъ, Өерситъ дуракъ, и какъ прежде сказано, Патроклъ дуракъ.

АХИЛЛЕСЪ. Докажи это; ну!

ӨЕРСИТЪ. Агамемнонъ дуракъ потому-что повелѣваетъ Ахиллесомъ; Ахиллесъ, потому-что повинуется Агамем-

нону; Ѳерситъ дуракъ, потому-что служитъ дураку, а Патроклъ дуракъ по природѣ.

ПАТРОКЛЪ. Отчего же я дуракъ?

ѲЕРСИТЪ. Спрашивай Творца. Съ меня довольно и того, что ты дуракъ. Смотри, кто идетъ сюда.

(Входятъ Агамемнонъ, Улиссъ, Несторъ, Діомедъ и Аяксъ.)

АХИЛЛЕСЪ. Патроклъ, я не хочу ни съ кѣмъ говорить; пойдемъ со мною, Ѳерситъ.

ѲЕРСИТЪ. Здѣсь такой вздоръ, кукольная игра въ плутовство! Вся война-то эта изъ-за рогоносца да распутной женщины—прекрасная причина заводить войну и проливать кровь. Чтобы зараза поразила виновницу! а война и распутство погубили всѣхъ. *(Уходитъ.)*

АГАМЕМНОНЪ. Гдѣ Ахиллесъ?

ПАТРОКЛЪ. Въ своей палаткѣ; онъ дурно себя чувствуетъ.

АГАМЕМНОНЪ. Скажи ему, что мы здѣсь. Онъ бранилъ нашихъ посланныхъ, и мы, забывая свой санъ, сами пришли къ нему. Скажи ему это, чтобы онъ не подумалъ будто мы не смѣемъ потребовать отъ него отчета по праву, или не знаемъ, кто мы.

ПАТРОКЛЪ. Скажу. *(Уходитъ.)*

УЛИССЪ. Мы видѣли его въ отверзтіе его палатки; онъ неболенъ.

АЯКСЪ. Да, онъ слабъ, какъ левъ, онъ и боленъ гордостію; если вы благосклонны къ нему, то можете назвать это меланхоліею; но, клянусь вамъ моею головою, это гордость. Отчего-же она, отчего? покажите намъ основаніе, — одно слово, Государь.

(Уводитъ Агамемнона въ сторону).

НЕСТОРЪ. Что заставляетъ Аякса такъ лаять на него?

УЛИССЪ. Ахиллесъ сманилъ отъ него дурака.

НЕСТОРЪ. Кого? Ѳерсита?

УЛИССЪ. Да.

НЕСТОРЪ. Такъ теперь Аяксу не о чемъ стало и говорить, когда онъ потерялъ предметъ своихъ разговоровъ.

улиссъ. Нѣтъ, ты видишь, предметомъ его разговоровъ теперь тотъ, кто овладѣлъ предметомъ его разговоровъ, — Ахиллесъ.

несторъ. Все къ лучшему. Разрывъ ихъ для насъ благопріятнѣе, чѣмъ ихъ дружба: теперь видно, что между ними была крѣпкая дружба, когда дуракъ ихъ разсорилъ.

улиссъ. Глупость легко можетъ разорвать такую дружбу, которую не связываетъ мудрость. Сюда идетъ Патроклъ. *(Снова входитъ Патроклъ.)*

несторъ. Съ нимъ нѣтъ Ахиллеса.

улиссъ У слоновъ есть суставы на ногахъ, только не для того, чтобы сгибаться для службы людямъ, а такъ, по-необходимости.

патроклъ. Ахиллесъ приказалъ мнѣ сказать, что онъ очень сожалѣетъ, если неудовольствіе и не одна забава, а что-нибудь больше важное побудило тебя, Государь, и это знаменитое сословіе придти къ нему; но онъ надѣется, что вы пришли сюда только для своего здоровья и для лучшаго пищеваренія послѣ обѣда.

агамемнонъ. Послушай, Патроклъ, мы ужъ очень знакомы съ такими отвѣтами, мы замѣтили, какъ онъ, въ посмѣяніе намъ, ушолъ отсюда. У него много хорошихъ качествъ, и много есть причинъ, почему мы приписываемъ ему такія качества; однако всѣ его добродѣтели начинаютъ въ нашихъ глазахъ терять свою цѣну; да, подобно прекрасному плоду, положенному въ ядовитую чашу, они портятся прежде, чѣмъ успѣютъ отвѣдать ихъ Поди и скажи ему, что мы пришли говорить съ нимъ; и ты не солжешь, если скажешь, что мы считаемъ его очень гордымъ, и не очень благороднымъ; великимъ только въ своихъ глазахъ, а не въ сужденіи другихъ, и величающимся не по заслугамъ. Не-смотря на санъ военачальниковъ, станемъ здѣсь ждать его прихода и подчиняемся прихотливому его властолюбію; да, станемъ ждать пока пройдутъ въ немъ эти вспышки и прихоти, какъ будто-бы весь успѣхъ зависѣлъ отъ него. Поди и скажи ему все это, и присовокупи: если онъ самъ слишкомъ высоко думаетъ о себѣ, за то мы нисколько не уважаемъ

его, и оставимъ его безъ вниманія, какъ машину, которую нельзя двигать, чтобы всякой говорилъ объ немъ: «подвиньте его, онъ не можетъ идти на войну». Мы предпочитаемъ быстраго Пигмея лѣнивому Гиганту. Скажи ему это.

ПАТРОКЛЪ. Скажу и сейчасъ-же принесу отвѣтъ.

(Уходитъ.)

АГАМЕМНОНЪ. Я не доволенъ такимъ переговорщикомъ, мы сами пойдемъ говорить съ нимъ.—Улиссъ, ступай.

(Улиссъ уходитъ.)

АЯКСЪ. Чѣмъ онъ важнѣе другаго?

АГАМЕМНОНЪ. Да только тѣмъ, что онъ себя считаетъ важнѣе другихъ.

АЯКСЪ. А справедливы-ли его мысли о себѣ? Думаешь-ли ты, что онъ считаетъ себя лучше меня?

АГАМЕМНОНЪ. Нѣтъ никакого сомнѣнія.

АЯКСЪ. А ты согласенъ съ его мыслями и то-же скажешь, что онъ дѣйствительно таковъ.

АГАМЕМНОНЪ. Нѣтъ, благородный Аяксъ; ты также могучь, стольже храбръ, также мудръ, не менѣе знаменитъ, несравненно благороднѣе и столь упоренъ.

АЯКСЪ. Отчего ему быть гордымъ? откуда эта гордость? Я не знаю, что́ такое гордость.

АГАМЕМНОНЪ. Аяксъ, твой умъ свѣтлѣе, и у тебя добродѣтелей больше, чѣмъ у него. Кто гордъ, тотъ пожираетъ самого себя; гордость для него зеркало, труба и собственная исторія; кто хвалитъ себя не дѣлами, тотъ своею похвалою уничтожаетъ свои дѣла.

АЯКСЪ. Я ненавижу гордаго человѣка, какъ жабу.

НЕСТОРЪ, *въ сторону*. И однако онъ любитъ самого-себя: не странно-ли это! *(Снова входитъ Улиссъ.)*

УЛИССЪ. Ахиллесъ не пойдетъ завтра въ битву.

АГАМЕМНОНЪ. Что́ за причина?

УЛИССЪ. Безъ всякой причины, онъ слѣдуетъ одной прихоти и не обращаетъ никакого вниманія на другихъ.

АГАМЕМНОНЪ. Отчего онъ не хочетъ исполнить нашего требованія—выйти изъ своей палатки и говорить съ нами на свѣжемъ воздухѣ?

улиссъ. Самыя ничтожныя вещи только изъ-за одного требованія становятся въ глазахъ его важными. Онъ занятъ своимъ величіемъ; и даже самъ съ собою говоритъ такъ гордо, что задыхается: мнимое величіе производитъ въ его крови такую вражду и такое жаркое противоборствіе между его умомъ и волей, что царственный Ахиллесъ сражается самъ съ собою и самъ поражаетъ себя. Что́ еще сказать? Онъ такъ зараженъ гордостію, что смертные признаки этой болѣзни ясно показываютъ, что—*нѣтъ исцѣленія.*

агамемнонъ. Пусть еще сходитъ къ нему Аяксъ.—Любезный Аяксъ, поди къ нему въ палатку: говорятъ, онъ расположенъ къ тебѣ, и по твоей просьбѣ сбавитъ нѣсколько гордости.

улиссъ. О, Агамемнонъ, этого не должно быть! Для насъ пріятно, что Аяксъ удаляется отъ Ахиллеса. Неужели предъ этимъ гордецомъ, который гордость свою питаетъ своимъ жиромъ, и который ни о чемъ не говоритъ съ другими, кромѣ того, что́ относится къ его чести, — неужели предъ этимъ гордецомъ станетъ кланяться тотъ, котораго мы боготворимъ больше, чѣмъ Ахиллеса? Нѣтъ, этотъ знаменитѣйшій и храбрѣйшій герой не долженъ позорить своей славно-пріобрѣтенной пальмы, ни унижать своихъ заслугъ, столь-же великихъ, какъ и Ахиллесъ: это значило-бы шпиговать его и безъ того жирную гордость и подбрасывать уголья въ Канцеръ, когда въ немъ горитъ великій Гиперіонъ. Аяксъ пойдетъ къ нему! Да сохранитъ насъ отъ этого Юпитеръ, и въ громѣ изрѣчетъ: *пусть Ахиллесъ идетъ къ нему!*

несторъ, *въ сторону.* О, вотъ славно: онъ щекотитъ его.

дюмедъ, *въ сторону.* И какъ онъ, молча, втягиваетъ въ себя эту похвалу.

аяксъ. Если я пойду къ нему, то вооруженною рукою ударю его по щекѣ.

агамемнонъ. О, нѣтъ, не ходи.

аяксъ. И будь только онъ гордъ со мною, я-бы проучилъ его гордость: пустите меня къ нему.

УЛИССЪ. Ни за-что, ни даже за ту славу, которая зависитъ отъ нашей войны.

АЯКСЪ. Жалкій, дерзкій человѣкъ!

НЕСТОРЪ, *въ сторону*. Какъ онъ описываетъ себя!

АЯКСЪ. Неужели онъ не можетъ жить въ мирѣ съ другими!

УЛИССЪ, *въ сторону*. Воронъ хулитъ чорный цвѣтъ.

АЯКСЪ. Я выпущу изъ него эту капризную кровь.

АГАМЕМНОНЪ, *въ сторону*. Пацiентъ хочетъ быть лекаремъ.

АЯКСЪ. Если-бы всѣ люди думали, какъ я....

УЛИССЪ, *въ сторону*. Тогда умъ вышелъ-бы изъ моды.

АЯКСЪ. Онъ не понесъ-бы себя такъ гордо: сначала-бы ему пришлось отвѣдать моего меча. Вынесетъ-ли это его гордость?

НЕСТОРЪ, *въ сторону*. Если онъ согласится на бой съ тобою, такъ тебѣ приведется половина ударовъ.

УЛИССЪ, *въ сторону*. Нѣтъ, десять частей.

АЯКСЪ. Я замѣсилъ-бы его и сдѣлалъ мягкимъ.

НЕСТОРЪ, *въ сторону*. Однако онъ еще не совсѣмъ разгорячился. Подожгите его похвалами, подожгите, подожгите, его честолюбіе погасло.

УЛИССЪ, *Агамемнону*. Государь, ты много безпокоишься о такой неудачѣ.

НЕСТОРЪ. О знаменитый военачальникъ, не печалься.

ДІОМЕДЪ. Нужно рѣшиться на битву безъ Ахиллеса.

УЛИССЪ. Да, теперь и имя его непріятно. Здѣсь есть человѣкъ.... но передъ нимъ лично—я буду молчать.

НЕСТОРЪ Отчего такъ? Въ немъ нѣтъ зависти, какъ въ Ахиллесѣ.

УЛИССЪ. Всему міру извѣстно, что онъ храбръ.

АЯКСЪ. Презрѣнная собака! такъ съ нами обходиться! О, если-бы онъ былъ Троянецъ!

НЕСТОРЪ. Какой порокъ былъ-бы въ Аяксѣ....

УЛИССЪ. Если-бы онъ былъ гордъ?

ДІОМЕДЪ. Или честолюбивъ?

УЛИССЪ. Да, или сердитъ?

ДІОМЕДЪ. Или чуждъ всѣмъ, и занятъ собой?

УЛИССЪ. Благодареніе небесамъ, что у тебя такая кроткая душа; слава тому, кто родилъ тебя, и той, которая питала тебя. Честь твоему наставнику и громкая слава тебѣ, за твои природныя достоинства. Но пусть Марсъ раздѣлитъ вѣчность на двѣ части и одну изъ нихъ отдастъ тому, кто приучилъ руки твои владѣть оружіемъ. Что́ж касается до твоей силы, то самъ Милонъ, носящій на себѣ быковъ, отдастъ первенство могущественнѣйшему Аяксу. Я не стану хвалить твою мудрость, которая, подобно границамъ, уздѣ, берегу, удерживаетъ тебя отъ гордости твоими дивными заслугами. Здѣсь многоопытный Несторъ; онъ долженъ быть мудръ, онъ дѣйствительно мудръ, и не можетъ быть не мудрымъ: но прости меня, почтенный Несторъ: если-бы твои лѣта были столь-же свѣжи и зелены, какъ Аяксовы, и твой умъ столь-же молодъ, то у тебя не было-бы никакого преимущества передъ Аяксомъ, и ты былъ-бы таковъ-же, какъ и онъ.

АЯКСЪ. Могу-ли я называть тебя батюшкой?

НЕСТОРЪ. Да, мой, любезный сынъ.

ДІОМЕДЪ. Повинуйся ему, Аяксъ.

УЛИССЪ. Не нужно медлить здѣсь; олень Ахиллесъ запутался въ чащѣ. Великій полководецъ, прикажи собраться всѣмъ военачальникамъ; новые цари прибыли въ Трою, Завтра мы должны стать въ строй со всѣми нашими силами, и вотъ нашъ герой; пусть знатные воины стремятся отъ востока къ западу, чтобы пріобрѣсть себѣ вѣнецъ славы,—Аяксъ завоюетъ лучшій.

АГАМЕМНОНЪ. Пойдемъ-те на совѣтъ. Пусть Ахиллесъ спитъ. Легкіе челноки быстро летаютъ на парусахъ, а большіе корабли врѣзываются глубоко.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Троя. Комната во дворцѣ Пріама.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Пандаръ *и* Слуга.

ПАНДАРЪ. Эй, дружокъ, одно слово: не ходишь-ли ты за Принцомъ Парисомъ?

СЛУГА. Да, сударь, когда онъ идетъ впереди меня.

ПАНДАРЪ. Я разумѣю, не ему-ли ты служишь?

СЛУГА. Я служу богамъ.

ПАНДАРЪ. Ты служишь благородному господину; онъ стóитъ похвалъ.

СЛУГА. Да, благодареніе богамъ.

ПАНДАРЪ. Ты знаешь меня, не такъ-ли?

СЛУГА. Правду сказать, только немножко.

ПАНДАРЪ. Узнай меня получше, дружокъ; я—господинъ Пандаръ.

СЛУГА. Надѣюсь получше узнать твою милость.

ПАНДАРЪ. Желаю этого.

СЛУГА. Ты, вѣрно, въ милости.

(За сценой музыка.)

ПАНДАРЪ. Въ милости? нѣтъ, дружокъ; знатность и дворянство—вотъ мои титла.—Что́ это за музыка?

СЛУГА. Я знаю ее отчасти; это музыка въ частяхъ.

ПАНДАРЪ. Знаешь-ли ты музыкантовъ?

СЛУГА. Совершенно, сударь.

ПАНДАРЪ. Для кого они играютъ?

СЛУГА. Для слушателей, сударь.

ПАНДАРЪ. Для чьего удовольствія, дружокъ?

СЛУГА. Для моего, сударь, и для тѣхъ, кто любитъ музыку.

ПАНДАРЪ. По приказанію, я разумѣю, дружокъ.

слуга. Кому мнѣ приказывать, сударь.

пандаръ. Другъ мой, мы не понимаемъ другъ-друга; я очень учтивъ, а ты слишкомъ крючковатъ; по чьему приказанію играютъ эти люди?

слуга. Вотъ въ томъ-то и дѣло сударь; они играютъ по приказанію Париса, моего господина, который самъ тамъ съ ними; съ нимъ вмѣстѣ, смертная Венера, сердце красоты, невидимая душа любви....

пандаръ. Кто, моя племянница Крессида?

слуга. Нѣтъ, сударь, Елена; неужели ты не узналъ ее по этимъ признакамъ?

пандаръ. Видно, дружокъ, ты не видалъ Крессиды. Я хочу сказать Парису кое-что отъ принца Троила. Я пойду къ нему безъ доклада; у меня дѣло-то кипитъ.

слуга. Дѣло кипитъ! вотъ поварская фраза-то, въ-самомъ-дѣлѣ!

(Входятъ Парисъ и Елена, со свитами.)

пандаръ. Принцъ, всего прекраснаго желаю тебѣ, и всему прекрасному обществу! Желаю, чтобы прекрасныя ваши желанія совершенно и прекрасно исполнялись! Особенно желаю этого тебѣ, прекрасная царица! Прекрасныя мысли пусть будутъ прекраснымъ изголовьемъ для тебя.

елена. Милый господинъ, ты полонъ прекрасныхъ словъ.

пандаръ. Очаровательная царица, ты очаровательно говоришь. Прекрасный Принцъ, здѣсь прервана прекрасная музыка.

парисъ. Ты самъ прервалъ ее, дядюшка, и клянусь жизнію, ты и долженъ скрѣпить ее; ты поправишь ее, когда самъ возмешься играть: Леночка, вѣдь онъ исполненъ гармоніи.

пандаръ. Конечно, сударыня, нѣтъ.

елена. О, сударь....

пандаръ. Я грубъ, по правдѣ, точно, истинно грубъ.

парисъ. Хорошо сказано. Да, ты говоришь иногда удачно.

ПАНДАРЪ. У меня есть дѣло до Принца Париса, Государыня. Принцъ, неугодно-ли тебѣ выслушать отъ меня одно слово?

ЕЛЕНА. Пожалуй; только оно не должно разлучать насъ; вѣрно, мы вмѣстѣ станемъ слушать твою пѣсню.

ПАНДАРЪ. Милая царица, ты шутишь со мною.—Но дѣло вотъ въ чемъ: мой любезный Принцъ и почтенный другъ, а твой братъ Троилъ....

ЕЛЕНА. Господинъ Пандаръ,—сладкій какъ медъ, господинъ....

ПАНДАРЪ. Пусть такъ, очаровательная царица, такъ; онъ рекомендуетъ себя твоему расположенію.

ЕЛЕНА. Ты не наведешь на насъ грусти своими словами; а иначе, наша грусть падетъ на твою голову.

ПАНДАРЪ. О прелестная царица, прелестная царица; она по-правдѣ прелестная царица.

ЕЛЕНА. А навесть грусть на прелестную женщину, — вѣдь это ужасное преступленіе.

ПАНДАРЪ. Ну нѣтъ, это не разсердитъ тебя, право нѣтъ, точно нѣтъ. Да я и не нуждаюсь въ этихъ словахъ: нѣтъ, нѣтъ. Принцъ онъ проситъ, чтобы ты извинился за него, когда Царь пригласитъ его къ ужину.

ЕЛЕНА. Господинъ Пандаръ.

ПАНДАРЪ. Что скажетъ прелестная царица? моя прелестная очаровательная царица?

ПАРИСЪ. Что за дѣла у него? гдѣ онъ ужинаетъ сегодня ночью?

ЕЛЕНА. И точно, сударь.

ПАНДАРЪ. Что говоритъ очаровательная царица? Моя племянница разсорилась-бы съ тобою. Вамъ нѣтъ нужды знать, гдѣ онъ ужинаетъ.

ПАРИСЪ. Клянусь жизнію, съ моей очаровательницею Крессидою.

ПАНДАРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, ты ошибся; да твоя очаровательница больна.

ПАРИСЪ. Хорошо, я извинюсь за него.

ПАНДАРЪ. Ну, хорошо, Государь. За-чѣмъ говорилъ ты—съ Крессидою? Нѣтъ, она, бѣдняжка больна.

ПАРИСЪ. Вижу.

ПАНДАРЪ. Видишь? Что ты видишь? Ну, дай мнѣ инструментъ, очаровательная царица.

ЕЛЕНА. Да, это искусно сдѣлано.

ПАНДАРЪ. Моя племянница ужасно влюблена въ одну вещь, которая принадлежитъ тебѣ, милая царица.

ЕЛЕНА. Такъ пусть она возметъ ее, если только это не супругъ мой Парисъ.

ПАНДАРЪ. Онъ! Нѣтъ, она не любитъ его. Ну, ну, перестанемъ болтать объ этомъ; теперь я спою вамъ пѣсню.

ЕЛЕНА. Хорошо, хорошо, сдѣлай милость. Увѣряю тебя, любезный Пандаръ, у тебя прекрасный лобъ.

ПАНДАРЪ. Конечно, конечно.

ЕЛЕНА. Спой о любви: эта любовь погубитъ всѣхъ насъ. О, Купидонъ, Купидонъ, Купидонъ.

ПАНДАРЪ. О любви! ужъ конечно такъ.

ПАРИСЪ. Ну, ну-же, любовь, любовь и больше ничего.

ПАНДАРЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ пѣсня-то такъ начинается:

Любовь, любовь и больше ничего!
Увы, увы, любви стрѣла
Разитъ козу, разитъ козла,
Но вѣдь она не убиваетъ,
Въ кого летитъ и попадаетъ;
Щекотитъ сильно лишь его.
Влюбленный вопіетъ: охъ, право, смерть!
Мень любовь сразитъ, убьетъ;
Но вздохъ вдругъ переходитъ въ смѣхъ;
Влюбленный знай себѣ живетъ
Охъ, охъ, чрезъ мигъ-же ха, ха, ха;
Охъ, охъ, смѣняетъ ха, ха, ха.
Гей, го!

ЕЛЕНА. Влюбленъ, право, по самый кончикъ носа.

ПАРИСЪ. Онъ ничего не ѣстъ, кромѣ голубковъ, а эта пища горячитъ кровь; а разгоряченная кровь про-

изводитъ страстныя мысли, а страстныя мысли производятъ страстныя дѣла, а страстныя дѣла-то и есть любовь.

ПАНДАРЪ. Это родословная любви? Пылкая кровь, страстныя мысли, страстныя дѣла? Эхъ, да вѣдь это сущія змѣи, а неужели любовь выродокъ змѣи? Принцъ, а кто сего-дня въ битвѣ?

ПАРИСЪ. Гекторъ, Деифобъ, Елепъ, Антеноръ и всѣ молодые герои Троянскіе. Я тоже хотѣлъ сего-дня вооружиться, да моя Леночка не захотѣла этого. Какъ это случилось, что и братъ мой Троилъ не пошолъ!

ЕЛЕНА. Онъ къ чему-то прилипъ своими губами:—ты все знаешь, господинъ Пандаръ.

ПАНДАРЪ. Нѣтъ, прелестная царица. Я хотѣлъ-бы знать, что́ дѣлали они сего-дня. Такъ ты не забудешь извинить Троила?

ПАРИСЪ. Не забуду.

ПАНДАРЪ. Прощай, милая царица.

ЕЛЕНА. Кланяйся отъ меня своей племянницѣ.

ПАНДАРЪ. Поклонюсь, прелестная царица. *(Уходитъ).*

(Слышенъ сигналъ къ отступленію).

ПАРИСЪ. Они возвращаются съ битвы: пойдемъ во дворецъ встрѣтить воиновъ. Милая Елена, ты должна помочь снять оружіе съ Гектора. Крѣпкія пряжки его панцыря, къ которымъ прикоснутся твои бѣлые очаровательные пальчики, будутъ послушнѣе имъ, чѣмъ острею стали или силѣ греческихъ мышцъ; снявши оружіе съ великаго Гектора, ты сдѣлаешь больше, чѣмъ всѣ цари острововъ.

ЕЛЕНА. Я горжусь тѣмъ, что стану служить ему; да, наше благоговѣніе передъ нимъ возвышаетъ нашу красоту и составляетъ нашу славу.

ПАРИСЪ. Милая, я люблю тебя невыразимо.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тамъ-же. Садъ Пандарова. Входятъ Пандаръ *и* Слуга.

ПАНДАРЪ. Что? Гдѣ твой господинъ? У племянницы Крессиды?

СЛУГА. Нѣтъ, сударь; онъ ждетъ тебя, чтобы ты провелъ его къ ней. *(Входитъ Троилъ.)*

ПАНДАРЪ. О, вонъ онъ идетъ. Что, ну что?

ТРОИЛЪ. Эй ты, пошолъ отсюда. *(Слуга уходитъ.)*

ПАНДАРЪ. Видѣлъ-ли ты мою племянницу?

ТРОИЛЪ. Нѣтъ, Пандаръ; я ходилъ около ея двери, подобно душѣ на Стиксовыхъ берегахъ, ожидающей переправы. О, будь моимъ Харономъ и перевези меня скорѣе въ тѣ поля, гдѣ я могъ-бы нѣжиться на лилейныхъ постеляхъ, уготованныхъ для праведниковъ! О, любезный Пандаръ, сорви съ плечъ Купидона его пестрыя крылья и лети со мною къ Крессидѣ.

ПАНДАРЪ. Погуляй здѣсь въ саду, я сей-часъ-же приведу ее. *(Уходитъ.)*

ТРОИЛЪ. У меня голова кружится; ожиданіе приводитъ меня въ трепетъ. Одно воображаемое наслажденіе такъ мило, что очаровываетъ мои чувства; что-жъ будетъ, когда я въ-самомъ-дѣлѣ своими устами прикоснусь къ этому очаровательному нектару любви? Я боюсь умереть, упасть въ обморокъ или иной какой-либо радости, слишкомъ пріятной, слишкомъ упоительной для меня: я ужасно этого боюсь; а вмѣстѣ боюсь и того, что я совсѣмъ потеряю способность различать наслажденіе, какъ бываетъ въ битвѣ, когда преслѣдуютъ бѣгущаго толпами врага. *(Снова входитъ Пандаръ.)*

ПАНДАРЪ. Она готовится и сей-часъ придетъ. Будь-же теперь у меня. Она краснѣетъ и чуть дышитъ, точно испугана привидѣніемъ. Я притащу ее. Она ужасная плутовка—она дышитъ теперь точно сей-часъ пойманный воробей. *(Уходитъ.)*

ТРОИЛЪ. Такое-же безпокойство наполняетъ и мою грудь. Сердце у меня бьется теперь чаще, чѣмъ лихорадочный пульсъ, и всѣ силы мои теряютъ мужество, подобно вассалу, встрѣтившему взоръ государя.

(Входятъ Пандаръ и Крессида.)

ПАНДАРЪ. Ну, ну-же, что ты краснѣешь? Стыдъ присталъ куклѣ. Вотъ она: теперь клянись ей тѣми-же клятвами, какими клялся ты мнѣ. — Какъ, ты опять ушелъ? Тебя нужно стеречь, пока не обуздаемъ, не такъ-ли? Ну, иди, иди-же; когда ты воротишься, мы поставимъ тебя впередъ. Отчего ты не говоришь ей? Ну, сдерни этотъ покровъ и посмотри на твою картинку. Охъ, день! какъ вы боитесь дневнаго свѣту! если-бы теперь было темно, вы, можетъ-быть, скорѣе-бы сошлись. Такъ, такъ, ну-же поцѣлуй свою милую. Да, поцѣлуй въ задатокъ! Строй, плотникъ, погода стоитъ хорошая. Да завоюйте другъ у друга сердца, прежде, чѣмъ разстанетесь. Соколъ и самка пускайтесь за утками въ рѣку. Ну-же, ну!

ТРОИЛЪ. О милая, ты лишила меня словъ.

ПАНДАРЪ. Долгъ не платятъ словами; раздѣлывайся съ ней дѣлами, но она отниметъ и дѣла, когда захочетъ испытать твою дѣятельность. Что, опять любезности! Это значитъ—*Во свидѣтельство чего объ стороны....* Войдите, войдите; я принесу огня. *(Уходитъ).*

КРЕССИДА. Неугодно-ли тебѣ войти, Государь?

ТРОИЛЪ. О Крессида, какъ часто я желалъ этого!

КРЕССИДА. Желалъ, Государь?—Дай Богъ!—Ахъ, милый мой!

ТРОИЛЪ. Что дай Богъ? Что значитъ эта недоконченная рѣчь? Какую нечистоту видитъ моя милая въ фонтанѣ нашей любви?

КРЕССИДА. Больше мутной, чѣмъ свѣтлой воды, если только у моего страха есть глаза.

ТРОИЛЪ. Страхъ изъ херувима дѣлаетъ чорта; онъ ничего не видитъ въ настоящемъ видѣ.

КРЕССИДА. У слѣпаго страха, которымъ управляетъ умъ, глаза вѣрнѣе, чѣмъ у слѣпаго ума, безъ страха. Опасеніе зла часто удаляетъ зло.

ТРОИЛЪ. О пусть моя милая не знаетъ страха; во всей драмѣ Купидона нѣтъ ни одного чудовища.

КРЕССИДА. И ничего чудовищнаго?

ТРОИЛЪ. Ничего, кромѣ нашихъ клятвъ, — наполнить слезами моря, жить въ огнѣ, ѣсть скалы, усмирять тигровъ, — которыя мы даемъ милой, думая, что для ней труднѣе выдумать для насъ испытанія, чѣмъ намъ совершить трудное дѣло. Вотъ опасное чудовище для влюбленныхъ, милая, что воля у нихъ безконечна, а исполненіе ограниченно, что желанію нѣтъ границъ, а дѣйствіе—рабъ предѣла.

КРЕССИДА. Говорятъ, всѣ влюбленные клянутся исполнять то, чего не могутъ сдѣлать, а не дѣлаютъ и того, что могутъ; клянутся совершить десять дѣлъ, а не сдѣлаютъ и десятой части одного дѣла. У кого львиной голосъ, а дѣятельность заячья, не чудовище-ли тотъ?

ТРОИЛЪ. Ѣсть-ли такіе люди? Мы не таковы. Пусть хвалятъ насъ столько, сколько мы стóимъ, пусть цѣнятъ насъ по нашимъ дѣламъ, пусть голова наша остается обнаженною, пока заслуга не увѣнчаетъ ее; ненужно хвалить никакое совершенство, пока нѣтъ его на-лицо; мы не хотимъ славы прежде совершенія подвига; а когда онъ совершенъ, то похвала излишня. Я не стану много клясться въ вѣрности: Троилъ будетъ таковъ для Крессиды, что зависть не найдетъ въ немъ ничего дурнаго и посмѣется только надъ его вѣрностію; и что истина можетъ сказать самаго вѣрнаго, и то будетъ не вѣрнѣе Троила.

КРЕССИДА. Неугодно-ли войти, Принцъ?

(Снова входитъ Пандаръ.)

ПАНДАРЪ. Какъ, все еще краснѣете! Ужели все еще не кончили болтовни?

КРЕССИДА. Ну, дядюшка, ты возми себѣ эту глупость, до которой я дошла.

ПАНДАРЪ. Спасибо тебѣ за нее; когда ты подаришь своего супруга мальчикомъ, то отдашь его мнѣ: будь вѣрна своему милому: если онъ будетъ непостояненъ, брани меня за это.

ТРОИЛЪ. Тебѣ извѣстны теперь поруки въ моей вѣрности: слова твоего дяди и моя твердая вѣрность.

ПАНДАРЪ. Да, я и за нее дамъ слово; наша родня такова, что трудно у ней выпросить согласіе, но когда есть согласіе, то она уже постоянна; наша родня точно рѣпейникъ, увѣряю тебя: вцѣпится сильно, когда бросишь его.

КРЕССИДА. Смѣлость снова возвращается ко мнѣ и сердце мое успокоивается... Принцъ Троилъ, я любила тебя и днемъ и ночью уже нѣсколько мѣсяцевъ.

ТРОИЛЪ. Отчего-же такъ трудно было мнѣ побѣдить Крессиду?

КРЕССИДА. Съ виду только, но я отдалась тебѣ съ перваго взгляду, который.... извини меня, — если я признаюсь во всемъ, такъ будешь играть роль тирана. Я люблю тебя, но до-сихъ-поръ я любила тебя не столько, чтобы не могла управлять своею любовью: — право, — я лгу; мои мысли, какъ дѣти, переросли свою мать. Вотъ мы дуры! Зачѣмъ я болтала? Кто будетъ вѣренъ намъ, когда мы сами такъ откровенны? Но сколько я ни любила тебя, но не искала случаевъ видѣть тебя; и однако, говоря правду, желала быть мужчиной или такой женщиной, которыя имѣютъ право начинать разговоръ съ мужчиной. Милый, вели мнѣ замолчать! Вѣдь я пожалуй скажу теперь то́, въ чемъ послѣ стану раскаяваться! Видишь, твое молчаніе похищаетъ у меня самыя тайныя мои мысли. Запечатай мнѣ ротъ.

ТРОИЛЪ. И точно, хотя изъ него раздается очаровательмузыка.... *(Цѣлуетъ ее.)*

ПАНДАРЪ. Вотъ славно!

КРЕССИДА. Милый мой, прости меня; я совсѣмъ не думала такъ нищенски выпрашивать у тебя поцѣлуя: мнѣ стыдно;—о небо! Что́ я сдѣлала? Я уйду теперь отъ тебя, мой милый.

ТРОИЛЪ. Уйдешь, милая Крессида?

ПАНДАРЪ. Уйдешь! Если ты уйдешь отъ него до утра....

КРЕССИДА. Сдѣлай милость, перестань.

троилъ. Что̀ непріятно для тебя, милая?

крессида. Мое собственное присутствіе.

троилъ. Но вѣдь ты не можешь уйти отъ себя.

крессида. Позволь мнѣ уйти теперь: лучшая часть моя— душа моя остается при тебѣ, хоть я и уйду отъ тебя. Я хочу уйти:—Гдѣ мой умъ? Я не знаю, что̀ говорю.

троилъ. Кто говоритъ такъ умно, тотъ знаетъ, что̀ говоритъ.

крессида. Можетъ-быть, мой милый, тебѣ кажется, что во мнѣ больше кокетства, чѣмъ любви, что я все высказываю только для того, чтобъ овладѣть твоимъ сердцемъ. Но ты уменъ или не любишь меня; быть умнымъ и любить — это выше силъ человѣческихъ, это свойственно только богамъ.

троилъ. О, если-бы я могъ вѣрить, что и женщина можетъ сберечь (а если какая можетъ, то это ты), если-бы, говорю, я могъ вѣрить, что и женщина можетъ сберечь на-вѣки свѣтъ и пламя любви, хранить во цвѣтѣ и свѣжести свою вѣрность, которая переживаетъ внѣшнюю красоту, хранить вмѣстѣ съ умомъ, который обновляется по мѣрѣ того, какъ кровь старѣетъ! О, если-бы я могъ убѣдиться въ томъ, что ты за мою непорочность и вѣрность къ тебѣ заплатила мнѣ столь-же сильною и столь-же чистою любовью,—какъ-бы я былъ счастливъ! Но увы, я вѣренъ, какъ самая вѣрность и проще дитяти.

крессида. Въ этомъ я поспорю съ тобою.

троилъ. О благородный споръ! Когда справедливость споритъ съ справедливостію, кто-же будетъ больше справедливъ? Вѣрные любовники въ будущее время пусть клянутся Трояломъ въ своей вѣрности; когда ихъ риѳмы, наполненныя торжественными обѣщаніями, клятвами, изысканными сравненіями, будутъ имѣть нужду въ примѣрѣ, уже наскучивши повтореніями: твердъ, какъ сталь, вѣренъ какъ растеніе лунѣ, какъ солнце дню, какъ го-

лубь своей голубкѣ, какъ желѣзо адаманту, какъ земля своему центру, да, послѣ всѣхъ сравненій вѣрности, пусть приводятъ они въ подтвержденіе своихъ клятвъ, какъ истинный образецъ вѣрности: «вѣренъ какъ Троилъ» пусть, увѣнчаваетъ стихи и освящаетъ ихъ риѳмы.

КРЕССИДА. О, если-бы ты былъ пророкъ! Если я буду невѣрна, или на волосъ уклонюсь отъ вѣрности, то пусть и тогда, когда время состарѣется и забудетъ само-себя, когда дождевыя капли разнесутъ камни Трои и слѣпое забвеніе покроетъ города, и великія царства, не оставивъ слѣда по себѣ, обратятся въ пыльное ничто,—пусть, говорю, и тогда съ упрекомъ напоминаютъ о моей невѣрности всякой невѣрной любви дѣвицѣ! Когда они скажутъ: непостоянна, какъ воздухъ, какъ вода, или ненадежна, какъ вѣтеръ или песчаная земля, коварна, какъ лисица въ отношеніи къ ягненку, какъ волкъ—къ овцѣ, какъ леопардъ—къ оленю, или мачиха къ своему сыну, да, пусть послѣ всего этого, они говорятъ: невѣрна, какъ Крессида, желая означить самую ужасную невѣрность.

ПАНДАРЪ. Ну, ну, дѣло кончено; запечатайте его, запечатайте его, я буду свидѣтелемъ. Вотъ, я беру твою руку и руку моей племянницы. Если кто-нибудь изъ васъ будетъ невѣренъ другому, то пусть всѣ сваты до конца міра называются Пандарами, потому-что я старался васъ соединить; пусть всѣ постоянные мужчины называются Троилами, всѣ невѣрныя женщины Крессидами и всѣ сваты Пандарами! Говорите: Да будетъ такъ!

ТРОИЛЪ. Да будетъ такъ!

КРЕССИДА. Да будетъ такъ!

ПАНДАРЪ. Да будетъ такъ! А теперь я отведу вамъ спальню и покажу постель; жмите ее крѣпче, до смерти, чтобы она не разболтала вашихъ нѣжностей. Пойдемте.

И пусть амуръ всѣхъ скромныхъ дѣвъ сюда ведетъ.
Постель и друга, все—Пандаръ для нихъ найдетъ.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Греческій лагерь. Входятъ Агамемнонъ, Улиссъ, Діомедъ, Несторъ, Аяксъ, Менелай *и* Калхасъ.

КАЛХАСЪ. Государи! нынѣшнія обстоятельства представляютъ мнѣ случай просить награжденія за тѣ услуги, какія я оказалъ вамъ. Приведите себѣ на память, что я, предвидя судьбу Трои, предалъ ее въ волю Юпитера, оставилъ мои имущества, заслужилъ наименованіе измѣнника, отказался отъ вѣрныхъ и принадлежавшихъ мнѣ богатствъ изъ-за ненадежнаго счастія; оставилъ все, что́ время, знакомство, привычка и состояніе сдѣлали близкимъ и роднымъ для моего сердца, и чтобы служить вамъ, сдѣлался какъ-бы новичкомъ въ мірѣ, чужимъ, незнакомымъ никому: теперь я прошу васъ оказать мнѣ небольшое благодѣяніе, какого я самъ попрошу у васъ, и тѣмъ исполнить хотя одно изъ тѣхъ обѣщаній, которыя, вы говорите, въ-послѣдствіи будутъ исполнены.

АГАМЕМНОНЪ. Чего ты хочешь отъ насъ, Троянецъ? Говори.

КАЛХАСЪ. Вы вчера взяли въ плѣнъ Троянца, по имени Антенора; Троя цѣнитъ его очень-дорого. Вы часто объявляли желаніе—за что́ я и благодарилъ васъ—за большой выкупъ достать Кressиду, въ чемъ Троя всегда отказывала. Но мнѣ извѣстно, что Антеноръ такъ необходимъ для нихъ, что безъ него всѣ дѣла ихъ пойдутъ худо, и что Троянцы дадутъ въ обмѣнъ ему даже Принца крови, сына Пріамова. И такъ, Государи, отошлите его назадъ и пусть онъ будетъ выкупомъ за мою дочь. Ея возвращеніе вознаградитъ меня за всѣ услуги, которыя я совершилъ съ величайшими трудами.

АГАМЕМНОНЪ. Діомедъ, отведи его назадъ и приведи сюда Кressиду. Калхасъ получитъ, чего онъ требуетъ. Любезный Діомедъ, приготовься отправиться для этого размѣна; кромѣ того узнай отъ Гектора—выйдетъ-ли онъ завтра въ битву согласно съ своимъ вызовомъ: Аяксъ готовъ.

ДІОМЕДЪ. Все исполню; я горжусь такимъ порученіемъ. *(Діомедъ и Калхасъ уходятъ. Ахиллесъ и Патроклъ выходятъ передъ свою палатку.)*

УЛИССЪ. Ахиллесъ стоитъ у входа въ свою палатку. Не угодно-ли будетъ нашему военачальнику пройти мимо Ахиллеса, какъ будто онъ совсѣмъ забытъ нами; и всѣ Государи пусть смотрятъ небрежно, едва, едва: я пойду послѣ всѣхъ. Онъ, вѣроятно, спроситъ меня, отчего, при встрѣчѣ съ нимъ, всѣ показываютъ недовольный видъ; отчего всѣ отворачиваются отъ него? Если такъ, то я объясню ему ваше нерасположеніе къ нему и укажу на его гордость, что̀ будетъ для меня полезно. Это будетъ славно; у гордости нѣтъ другаго зеркала, въ которомъ-бы она видѣла себя, кромѣ гордости-же; колѣнопреклоненія только питаютъ дерзость и поддерживаютъ гордость.

АГАМЕМНОНЪ. Мы исполнимъ твое намѣреніе и покажемъ, что мы не обращаемъ на него вниманія, когда будемъ проходить мимо его; пусть и каждый сдѣлаетъ тоже; никто не привѣтствуетъ его или привѣтствуетъ небрежно, что̀, вѣрно, оскорбитъ его еще сильнѣе, чѣмъ когда-бы мы не стали вовсе глядѣть на него. Я пойду впередъ.

АХИЛЛЕСЪ. Что̀, не со мною-ли идетъ говорить полководецъ? Тебѣ извѣстны мои мысли, я не стану сражаться противъ Трои.

АГАМЕМНОНЪ. Что̀ говоритъ Ахиллесъ? Не хочетъ-ли онъ чего-нибудь отъ насъ?

НЕСТОРЪ. Не хочетъ-ли Ахиллесъ чего-нибудь сказать вождю?

АХИЛЛЕСЪ. Нѣтъ.

НЕСТОРЪ. Ничего, государь.

АГАМЕМНОНЪ. Тѣмъ-лучше.

(Агаменонъ и Несторъ уходятъ.)

АХИЛЛЕСЪ. Добрый день, добрый день.

МЕНЕЛАЙ. Что̀ такое, что̀? *(Уходитъ.)*

АХИЛЛЕСЪ. Что? не смѣется-ли надо мною этотъ рогоносецъ?

АЯКСЪ. Что́, Патроклъ?

АХИЛЛЕСЪ. Здравствуй Аяксъ.

АЯКСЪ. А?

АХИЛЛЕСЪ. Здравствуй.

АЯКСЪ. Ну, и ты тоже. *(Уходитъ.)*

АХИЛЛЕСЪ. Чего хотятъ эти негодяи? Не знаютъ что-ли они Ахиллеса?

ПАТРОКЛЪ. Они прошли мимо, не обращая на тебя вниманія; а прежде они обыкновенно впереди себя посылали Ахиллесу улыбку, преклонялись предъ нимъ униженно, какъ будто-бы приступая къ священнымъ алтарямъ.

АХИЛЛЕСЪ. Какъ, или я сдѣлался бѣденъ? Это вѣрно, что величіе, внезапно оставленное счастіемъ, оставляютъ безъ вниманія и люди. Кто упадаетъ, тотъ свое паденіе прочтетъ въ глазахъ другихъ въ тоже мгновеніе, въ которое самъ почувствуетъ его. Люди, подобно мотылькамъ, показываютъ свои пестрыя крылышки только при свѣтѣ солнца, и человѣку просто, какъ человѣку, не оказываютъ никакой чести, а уважаютъ за тѣ внѣшнія преимущества, которыя бываютъ столь-же часто дарами случая, какъ и заслугъ, т. е. за мѣсто, за богатство, за наружный видъ. Когда они падаютъ или остаются въ бездѣйствіи, точно сонные, то и любовь, которая опиралась на нихъ, также сонная, подкапываютъ другъ-друга и вмѣстѣ погибаютъ. Но со мною не такъ: счастіе и я—друзья; я полный властелинъ того, чѣмъ обладаю: не достаетъ мнѣ только любви этихъ людей, которые, кажется, находятъ во мнѣ что́-то недостойное того вниманія, какое часто они оказывали мнѣ прежде. Вотъ идетъ Улиссъ; я прерву его чтеніе. Что́ скажетъ Улиссъ?

УЛИССЪ. Что́, великій сынъ Ѳетиды?

ахиллесъ. Что ты читаешь?

улиссъ. Одинъ чудакъ пишетъ ко мнѣ, что человѣкъ, сколько-бы много ни былъ одаренъ, сколько-бы много ни имѣлъ богатствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и душевныхъ, никогда не можетъ похвалиться, что ему принадлежитъ то, что онъ имѣетъ, и что онъ узнаетъ о томъ, что принадлежитъ ему, неиначе, какъ чрезъ отраженіе: то есть, такъ что его добродѣтели, блистая на другихъ, согрѣваютъ ихъ и потомъ, отразившись отъ нихъ, падаютъ уже на того, кто ими одаренъ.

ахиллесъ. Это нисколько неудивительно, Улиссъ. Никто самъ не смотритъ на красоту своего лица, а представляетъ ее глазамъ другихъ, и глазъ, лучшее изъ чувствъ, не видитъ самого-себя, оттого, что не можетъ выйдти изъ самого-себя; но онъ смотритъ на другой противуположный ему глазъ и видитъ себя въ немъ. Это нимало неудивительно.

улиссъ. Меня изумило не это положеніе (оно обыкновенно), но заключеніе автора, который тутъ ясно доказываетъ, что человѣкъ не есть господинъ какой-бы то ни было вещи (хотя бы она была въ немъ, или отъ него зависѣла) пока не раздѣлитъ съ другими своихъ дарованій и что онъ нисколько не можетъ оцѣнить ихъ, пока судитъ объ нихъ по похваламъ другихъ, которые ихъ увеличили, которые, подобно аркѣ, отражаютъ голосъ, или, подобно стальной поверхности, находящейся на солнцѣ, принимаютъ и отражаютъ его фигуру и теплоту. Я былъ очень занятъ этимъ письмомъ и нечаянно вспомнилъ о незнатномъ Аяксѣ. Небо! что, это за человѣкъ! настоящая лошадь, которая не знаетъ того, что она такое. Сколько въ природѣ вещей, ни къ чему негодныхъ съ виду и весьма полезныхъ для употребленія! И сколько вещей слишкомъ дорого цѣнимыхъ и ничтожныхъ самихъ въ себѣ. Завтра мы увидимъ Аякса въ битвѣ, которая прославитъ его. О небо! что совершаютъ иные люди въ

то время, какъ другіе вовсе ничего не дѣлаютъ! Какъ одни беззаботно веселятся въ роскошномъ дворцѣ счастія, между-тѣмъ, какъ другіе пренебрежены имъ! Какъ иные пользуются гордостію другаго, въ то время, когда гордецъ предается нѣгѣ и не видитъ ничего. Посмотри на этихъ военачальниковъ! Вонъ, они дружески бьютъ глупаго Аякса по плечу, какъ-будто его ноги уже на груди храбраго Гектора и великая Троя трепещетъ.

АХИЛЛЕСЪ. Я вѣрю тебѣ; они прошли мимо меня, точно скряги мимо нищаго: ни одинъ не подарилъ меня добрымъ словомъ или взглядомъ; какъ, неужели забыты мои дѣла?

УЛИССЪ. Время, Ахиллесъ, носитъ у себя за спиною суму, въ которую бросаетъ подаяніе забвенію, этому прожорливому выродку неблагодарности: эти крохи суть прежнія славныя дѣла, которыя бываютъ пожраны почти въ туже минуту, какъ только совершены, забыты столь же скоро, какъ и сдѣланы. Только непрерывные подвиги, Ахиллесъ, поддерживаютъ славу. Совершить подвигъ значитъ выйти изъ моды, подобно заржавѣвшему панцырю, который служитъ къ насмѣшкѣ. Завладѣй скорѣе дорогою, потому-что у чести узкая тропинка, по которой можетъ идти только одинъ: держи крѣпко свою дорогу; у зависти тысячи сыновей, изъ которыхъ одинъ преслѣдуетъ другаго. Если ты уступишь дорогу, или тебя столкнутъ съ прямаго направленія, то они, подобно наводненію, съ шумомъ пройдутъ мимо и оставятъ тебя назади;—или ты будешь лежать подобно лошади, павшей въ первомъ ряду, которая служитъ защитою для тѣхъ, которые перебѣгаютъ и переходятъ черезъ нее. Итакъ ихъ нынѣшніе подвиги, хотя-бы они были и меньше твоихъ прежнихъ, будутъ славнѣе твоихъ. Время походитъ на учтиваго хозяина, который слегка трясетъ руку уходящаго гостя и съ радостію бѣжитъ на встрѣчу приходящему. *Здравствуй* всегда улыбается, а *прощай* уходитъ

вздыхая. О, пусть добродѣтель не ищетъ награды за то, что прошло! Красота, умъ, знаменитое происхожденіе, сила мышцъ, заслуги, любовь, дружба, благосклонность, все подвержено зависти и клеветѣ времени. Въ одномъ только сходится весь міръ, именно въ томъ, что всѣ единодушно хвалятъ новое платье, хотябы оно было сшито изъ стараго, и вызолоченной глинѣ отдаютъ преимущество предъ запыленнымъ золотомъ. Вѣрный только глазъ хвалитъ драгоцѣнный предметъ. Итакъ не дивись, великій и совершенный мужъ, что всѣ Греки начинаютъ уважать Аякса; предметы, которые находятся въ движеніи, чаще производятъ впечатлѣніе на глазъ, чѣмъ тѣ, которые лежатъ спокойно. Прежде рукоплескали тебѣ, и это всегда могло быть, и снова можетъ быть, если ты не закопаешь себя живаго, и не скроешь славы своей въ палаткѣ; твои знаменитыя дѣла, совершенныя еще недавно на этихъ поляхъ, возбудили зависть въ самихъ богахъ и вызвали въ битву великаго Марса.

АХИЛЛЕСЪ. У меня есть важныя причины къ удаленію.

УЛИССЪ. Но противъ твоего удаленія есть причины еще сильнѣе и важнѣе: извѣстно, что ты любишь одну изъ дочерей Пріама.

АХИЛЛЕСЪ. А? извѣстно?

УЛИССЪ. Удивительно-ли это? Предусмотрительность государственнаго мужа знаетъ почти каждое зерно Плутонова золота, находитъ дно въ неизмѣримыхъ глубинахъ, знаетъ мысли, и даже, подобно богамъ, видитъ ихъ, когда онѣ зарождаются въ душѣ. Есть тайная сила—къ которой не смѣетъ коснуться нашъ разсказъ—въ душѣ политика, которая производитъ то, чего не выразятъ ни слово, ни перо. Всѣ твои сношенія съ Троею столько-же наши, сколько и твои; и Ахиллесу больше пристало поразить Гектора, чѣмъ Поликсену: юному Пирру будетъ непріятно слышать, когда слава загремитъ своею трубою

на нашихъ островахъ, и всѣ греческія дѣвы съ пляскою запоютъ: «Сестра великаго Гектора побѣдила Ахиллеса, но нашъ великій Аяксъ храбро поразилъ самого Гектора». Прощай, Ахиллесъ. Я говорю тебѣ, какъ другъ; дуракъ катается по льду; сломай этотъ ледъ. *(Уходитъ.)*

ПАТРОКЛЪ. Ахиллесъ, я убѣждалъ тебя къ тому-же: безстыдная женщина, похожая на мужчину, стольже ненавистна, какъ мужчина, вовремя войны похожій на женщину. И меня осуждаютъ во всемъ этомъ: думаютъ, что мое сердце, неспособное къ войнѣ, и твоя любовь ко мнѣ удерживаютъ тебя. Пробудись другъ, и изнѣженный сластолюбецъ Купидонъ сниметъ съ твоей шеи любовную цѣпь и она спадетъ съ тебя, подобно каплѣ росы съ гривы льва.

АХИЛЛЕСЪ. Пойдетъ Аяксъ въ битву съ Гекторомъ?

ПАТРОКЛЪ. Да, и, можетъ-быть, заслужитъ этимъ большую славу.

АХИЛЛЕСЪ. Я вижу, что мое имя поставлено на карту и слава моя подвержена опасности.

ПАТРОКЛЪ. О, такъ поберегись; тѣ раны трудно исцѣлить, которыя люди сами наносятъ себѣ; онущеніе необходимаго усиливаетъ опасности; а опасность, подобно лихорадкѣ, внезапно поражаетъ насъ и тогда, когда мы въ бездѣйствіи сидимъ на солнцѣ.

АХИЛЛЕСЪ. Любезный Патроклъ, позови сюда Ѳерсита; я пошлю дурака къ Аяксу и велю попросить его, чтобы онъ послѣ битвы пригласилъ сюда Троянскихъ вождей для мирнаго свиданія съ нами; у меня женское любопытство: я стражду желаніемъ посмотрѣть на великаго Гектора, когда онъ не вооруженъ и хочу поговорить съ нимъ, получше посмотрѣть на его лицо.—Не трудись.

(Входитъ Ѳерситъ.)

ѲЕРСИТЪ. Чудо!

АХИЛЛЕСЪ. Что?

ѳерситъ. Аяксъ ходитъ взадъ и впередъ по полю, ища самого-себя.

ахиллесъ. Какъ такъ?

ѳерситъ. Онъ завтра одинъ будетъ сражаться съ Гекторомъ и столько хвалится своими геройскими ударами, что болтаетъ, ничего не говоря.

ахиллесъ. Какъ-же это можетъ быть?

ѳерситъ. Да, онъ ходитъ взадъ и впередъ, точно павлинъ; то идетъ, то остановится; ворчитъ точно хозяйка, у которой кромѣ мозгу нѣтъ ничего, на чемъ она могла записать счетъ; кусаетъ свои губы съ размышленіемъ, какъ-будто хочетъ сказать: вотъ въ этой головѣ умъ-то, только-бы показать его. Его тамъ точно, много, только онъ невидѣнъ, какъ огонь въ кремнѣ, который безъ удара не покажется. Этотъ человѣкъ совсѣмъ погибъ: если Гекторъ не сломитъ ему шеи, такъ онъ самъ себѣ сломитъ ее своимъ тщеславіемъ: Онъ не узнаетъ меня: я сказалъ: *доброе утро, Аяксъ*; а онъ отвѣчалъ: *благодарю Агамемнонъ*. Что вы скажете о такомъ человѣкѣ, который меня считаетъ вождемъ? Онъ сдѣлался настоящею рыбою, безсловеснымъ чудовищемъ. Чортъ возми славу! Пусть-бы человѣкъ носилъ ее на обоихъ бокахъ, какъ кожаную фуфайку.

ахиллесъ. Ѳерситъ, я пошлю тебя къ нему.

ѳерситъ. Кого, меня? Онъ никому не станетъ отвѣчать, онъ никому не обязанъ отвѣчать; говорить пристало только нищимъ; языкъ свой онъ носитъ у себя въ рукахъ. Я представлю вамъ его; пусть Патроклъ спрашиваетъ меня; вы увидите копію Аякса.

ахиллесъ. Подойди къ нему, Патроклъ, скажи:—я покорно прошу храбраго Аякса попросить знаменитѣйшаго Гектора придти безъ оружія въ мою палатку, и обѣщать ему безопасность отъ имени великаго и славнаго, шесть

или седмь разъ почтеннаго военачальника греческаго войска—Агамемнона. Повтори это.

ПАТРОКЛЪ. Юпитеръ да благословитъ великаго Аякса.

ѲЕРСИТЪ. Гмъ!

ПАТРОКЛЪ. Я посланъ славнымъ Ахиллесомъ.

ѲЕРСИТЪ. Га!

ПАТРОКЛЪ. Который покорно проситъ тебя пригласить Гектора въ его палатку.

ѲЕРСИТЪ. Гмъ!

ПАТРОКЛЪ. И обѣщать ему безопасность отъ имени Агамемнона.

ѲЕРСИТЪ. Агамемнона?

ПАТРОКЛЪ. Да, господинъ мой.

ѲЕРСИТЪ. Га!

ПАТРОКЛЪ. Что ты скажешь на это?

ѲЕРСИТЪ. Да будетъ Юпитеръ съ тобою, желаю отъ всего сердца.

ПАТРОКЛЪ. Твой отвѣтъ, господинъ.

ѲЕРСИТЪ. Если завтра будетъ хорошій день, то въ одиннадцать часовъ я выйду на ту или на другую дорогу; какъ-бы-то ни было, онъ со мною расплатится, прежде чѣмъ овладѣетъ мною.

ПАТРОКЛЪ. Твой отвѣтъ, господинъ.

ѲЕРСИТЪ. Прощай отъ всего моего сердца.

АХИЛЛЕСЪ. Какъ, неужели онъ такъ настроенъ?

ѲЕРСИТЪ. Нѣтъ, онъ совсѣмъ разстроенъ. Не знаю, какая выйдетъ изъ него музыка, когда Гекторъ разобьетъ его черепъ; но я увѣренъ, что онъ изъ него не выйдетъ никакой, хотя-бы самъ скрипачъ Аполлонъ сдѣлалъ струны изъ его жилъ.

ахиллесъ. Ты сей-часъ отнесешъ къ нему письмо.

ѳерситъ. Дай другое еще къ его лошади; она умнѣе его.

ахиллесъ. Мой духъ возмущенъ, подобно шумящему источнику и я самъ не вижу дна его.

(Ахиллесъ и Патроклъ уходятъ.)

ѳерситъ. Хотѣлось-бы мнѣ, чтобы потокъ твоего ума снова сдѣлался свѣтелъ, чтобы я могъ напоить тутъ осла. Я лучше соглашусь быть овцой, чѣмъ такимъ храбрымъ глупцомъ. *(Уходитъ.)*

(4-е и 5-е дѣйствія въ слѣдующей книжкѣ.)

ВЗГЛЯДЪ НА ТЕАТРЫ ВО ФРАНЦІИ

ПРИ

ЛЮДОВИКѢ XV. *

Наша любознательная и танцующая въ сапогахъ молодежь едвали пойметъ вѣкъ, щеголявшій въ шолковыхъ чулкахъ и чихавшій отъ благовонной пудры, пуще чѣмъ мы чихаемъ отъ дыму пароходовъ, паровозовъ и сигаръ.

Осмѣлясь говорить о *зрѣлищахъ* вѣка надушенныхъ и нерѣдко бездушныхъ вельможъ, съ чего начнемъ?... разумѣется, съ театра ихъ. Въ 1689 году, французскіе актеры купили въ улицѣ Saint-Germain-des-Prés зданіе занимаемое Же-де-помомъ (для игры въ мячь, бывшей въ большомъ употребленіи), а архитекторъ д'Орбэ превратилъ его въ театръ, что́ сто́ило двѣсти тысячъ франковъ. Весьма-любопытно заглянуть въ залъ этого театра. Вообразите ложи, наполненныя маркизами, графинями, которыя съѣхались сюда искать забвенія отъ домашнихъ непріятностей, (весьма-часто мнимыхъ) съѣхались для того, чтобы забыть суровый взглядъ мужей—передъ сладостною улыбкою любовника. Прошу замѣтить—я говорю *любовника*, а не *любовниковъ*. Почему я такъ сказалъ? спросите вы. Потому-что о вѣкѣ лести и лжи не должно говорить иначе, какъ его тономъ, то есть, тономъ напудренной, разрумяненной вѣжливости. Видите-ли отсюда этихъ дамъ, наряженныхъ въ фижмы и затянутыхъ въ корсеты? Видите-ли щеки, — виноватъ, ланиты ихъ, покрытыя слоемъ румянъ и мушками разныхъ формъ? Видите-ли напудренныя пирамиды волосъ, воздвигнутыя на головѣ ихъ и украшенныя сверху брилліантовыми бабоч-

* «Les Thèâtres sous Louis XV» par Ségelas.

ками или цвѣтами и даже плодами искусственными? Пирамиды эти осѣняютъ личики рококо. Партеръ наполняютъ горожане, въ шолковыхъ и камлотовыхъ кафтанахъ; всѣ они стоятъ, потому-что тамъ нѣтъ мѣстъ для сидѣнья. На скамьяхъ, находящихся у кулисъ, по сторонамъ сцены, помѣщаются адонисы XVIII вѣка—маркизы, краснокаблучники, военные въ кармазинныхъ мундирахъ, обложенныхъ галунами, у однихъ золотыми, у другихъ серебряными. Эта часть публики мѣняется между собою фразами, блестящими, какъ одежда ея, перемигивается съ закулисными Венерами; сидящіе на этихъ скамьяхъ разсказываютъ житье-бытье Аглаи, пятнаютъ доброе имя Ирисы: всякій старается отличиться остротою, хотя-бы она была нравственнымъ кинжаломъ для честной женщины. Однакожъ есть минуты, когда говоръ на прикулисныхъ скамьяхъ умолкаетъ: это случается, по большой части, при *анонсѣ*, то есть при объявленіи со сцены публикѣ, однимъ изъ артистовъ, названія піесъ, которыя предположено дать въ слѣдующій вечеръ. Не-смотря на то, что это обыкновеніе давнымъ-давно уничтожено во Франціи, оно встрѣчается однакожъ и нынѣ тамъ на нѣкоторыхъ провинціяльныхъ театрахъ *. Кстати пришелъ намъ на память слѣдующій анекдотъ. Извѣстный Маршалъ де-Саксъ, неистовый *театралъ* (извините за это модное, въ извѣстномъ кругу, слово), бралъ съ собою даже въ походъ *Фаварову* труппу. Не рѣдко, по окончаніи спектакля, актриса являлась на сцену, устроенную между двухъ рядовъ орудій, заряженныхъ боевыми зарядами, и *анонсировала:* «Милостивые государи! завтра, по случаю сраженія, спектакля на нашемъ театрѣ не будетъ; послѣ-же завтра даны будутъ «*Солдатскія любовныя продѣлки*», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ.

Но обратимся къ Французскому Театру (Comédie-Française.) Между трагическими артистами первое мѣсто принадлежало *Лекеню*. Мельпомена, создавъ этотъ геній, опочила, и потому, кажется, не позаботилась о наружности

* *Анонсы* эти существовали и на русскихъ театрахъ. На петербургскомъ они уничтожены лѣтъ десять тому назадъ, если не ошибаемся.

Лекеня: онъ былъ ростомъ ниже средняго. Будучи низокъ происхожденіемъ, онъ былъ высокъ, недосягаемо высокъ талантомъ. Искусство, которое для генія то-же, что для красоты кокетство, облагородило поступь, пріемы Лекеня, смягчило грубость въ его голосѣ, содѣлало его способнымъ къ выраженію и нѣжныхъ чувствъ и буйныхъ страстей: не-смотря на тогдашнее обыкновеніе *декламировать* роль, обыкновеніе, котораго никто не дерзалъ преступить, Лекенъ игрою своею умѣлъ и трогать и поражать сердце зрителя.

Вотъ отзывъ о немъ Вольтера: «Баронъ исполненъ былъ благородства, граціозности, остроумія; Бобуръ (Beauhourg) бѣсновался на сценѣ; дю-Френь имѣлъ пріятный голосъ и смазливое личико; одинъ Лекень былъ истинный трагическій актеръ». Фернейской старикъ называлъ Лекеня *великимъ артистомъ*, своимъ *Гарриком*ъ, своимъ *любимымъ дѣтищемъ*. Первый дебютъ Лекеня былъ 14 сентября 1750, въ роли Тита, въ трагедіи «Брутъ». Много перенесъ онъ непріятностей, много преодолѣлъ препятствій, прежде нежели удалось ему опредѣлиться къ театру: дебюты его продолжались, повѣрители, безъ малаго полтора года! Лишась терпѣнія, Лекень уже сбирался оставить Парижъ и отправиться въ Берлинъ; въ это время актеръ Рибу, убивъ товарища своего Розелли, скрылся, и Лекень поступилъ на его амплуа, по повелѣнію Людовика XV, въ глазахъ котораго старались уронить талантъ Лекеня, но который уничтожилъ всѣ происки недоброжелателей его слѣдующими словами: «Я не слезливъ, а онъ, игрою своею, заставилъ меня плакать!» Подъ-конецъ своего сценическаго поприща, Лекень, изъ признательности къ Вольтеру, чаще всего игралъ его піесы, и былъ неподражаемъ въ «Магометѣ», «Чингисъ-Ханѣ» и «Танкредѣ». Онъ умеръ 50 лѣтъ отъ роду, въ 1778 году.

Лекень оказалъ важныя услуги драматическому искусству. Въ 1759 г. онъ исходатайствовалъ у правительства уничтоженіе *прикулисныхъ* скамѣекъ, о которыхъ мы говорили выше. Между-тѣмъ, какъ Клеронъ уничтожала фижмы Роксаны и Электры, Лекень низпровергалъ монументальные парики, въ которыхъ щеголяли сценическіе Греки и Римляне.

Современники Лекеня отзывались съ похвалою и о другихъ артистахъ: они восхищались Бризаромъ, въ амплуа царей и верховныхъ жрецовъ; Поленемъ въ роляхъ тирановъ и, наконецъ, Белькуромъ.... но о немъ послѣ. Неугодно-ли вамъ полюбоваться дѣвицею Госсень—Вольтеровою Запрою.... вотъ она! Запра эта была дочь театральной прислужницы и слуги актера Барона. Она съ красотою соединяла нравственность. Появленіе ее на сцену, превращало въ Орозмана каждаго зрителя. Игра ея въ трагедіяхъ была всегда не безъ достоинствъ, но иногда слаба: ей не доставало силы для выраженія бурныхъ страстей; въ комедіи-же, и именно въ роляхъ *простодушныхъ*, Госсень была очаровательна. Упрекали ее въ одномъ, что она, по пословицѣ, *спустя лѣто, ходила по малину*, то есть, играла Агнесу, въ лѣтахъ слишкомъ зрѣлыхъ. Кадятъ безсмертнымъ геніямъ; но нѣтъ пощады красавицамъ безсмертнымъ. Старость (въ актрисѣ) и морозъ одинаково дѣйствуютъ, одна на зрителя, другой на термометръ: восторгъ перваго и ртуть послѣдняго опускаются ниже точки замерзанія. Несправедливы и неблагодарны были современники къ Госсень: они, конечно, забыли, что таланту не нужно метрики о его рожденіи. Госсень сошла со сцены въ 1763; скончалась-же въ іюнѣ 1767 г.

Послѣ Госсень отличалась дѣвица Клеронъ, прозванная *рѣзвушкою*. Она родилась, недоноскомъ, въ 1722 году, отъ бѣдной работницы, и родилась такою слабою, что опасались за жизнь ея. Нерасположенная заниматься ремесломъ своей матери, она много переносила отъ нея непріятностей. (Объ этомъ говоритъ Клеронъ въ *Запискахъ*, изданныхъ ею въ 1799 году.) Чтобъ спастись отъ этихъ непріятностей, она почти ребенкомъ вступила на какой-то ярмарочный театръ. Потомъ являлась на сценахъ въ Руанѣ, Гентѣ и Дюнкирхенѣ. Наконецъ, пріѣхавъ въ Парижъ, играла попеременно, то на театрѣ Итальянской комедіи, (Comédie Italienne), то на театрѣ Оперы. Но чувствуя въ себѣ призваніе къ трагедіи, Клеронъ вступила въ труппу *Французскаго Театра*, (aux Français) дебютировала ролью *Федры*, и обворожила всѣхъ своею игрою, не-смотря на то, что въ этой ролп сводила съ ума мно-

гихъ *Дюмени*, не-смотря на то, что голосъ дебютантки былъ непріятно-рѣзокъ, что въ игрѣ ея замѣчали натянутость и напыщенность. Но скоро любовь къ искусству и неутомимые труды въ дѣлѣ сценическомъ превратили грубый голосъ Клеронъ въ пріятно-звучный, выразительный; а натянутость и напыщенность въ энергію. Талантъ Клеронъ признанъ былъ всѣми: Вольтеръ посвятилъ ей одно изъ своихъ стихотвореній, Гаррикъ велѣлъ выгравировать портретъ ея, въ образѣ Мельпомены, и вырѣзать подъ нимъ какіе-то благовонные стишки. Клеронъ умерла 28 февраля 1803 года.

Самою опасною соперницею *Клеронъ* была *Дюмени*. Она родилась въ Парижѣ, въ 1711, и также-какъ Клеронъ начала свое театральное поприще съ провинціальной сцены; въ столицѣ-же Франціи дебютировала она *Клитемнестрою*, въ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ» 6-го апрѣля 1737. Невыгодная наружность *Дюмени* должна-была-бы, казалось, воспрепятствовать ей занять амплуа царицъ; но ея обликъ, ея выразительный, иногда важный, иногда грозный, ужасающій взглядъ, ея звучный голосъ, чистое произношеніе, жаръ и естественность въ игрѣ, поставили ея въ рядъ первоклассныхъ актрисъ, мѣсто, которое она занимала постоянно тридцать-девять лѣтъ. Никто не былъ увлекательнѣе, трогательнѣе ея въ роляхъ, требующихъ выраженія отчаянія, изступленія несчастной матери. *Клитемнестра, Агриппина, Меропа, Клеопатра* вѣнчали ее вѣнцомъ безсмертія. Но за нею былъ порокъ, и порокъ ужасный, особенно въ женщинѣ: иногда являлась она на сцену въ такомъ духѣ, что зрители спрашивали другъ друга: откуда это пришла *Дюмени?* не съ веселой-ли пирушки?—Она умерла 91 года, почти въ бѣдности. Съ театра сошла она въ 1776 году. *Записки* ея изданы въ 1807 году. Въ нихъ встрѣчаются возраженія, и дѣльныя, на многія мѣста въ *Запискахъ* Клеронъ, о которыхъ мы упоминали.

Познакомимся теперь съ комическими артистами, между коими *Превиль* и *Моле* занимаютъ, и по праву, первыя мѣста. Превиль родился въ Парижѣ въ 1721 г. Отецъ назначалъ его къ духовному званію, но судьба опре-

дѣлила иначе. Превиль въ ранней молодости бѣжалъ изъ родительскаго дома, отъ наказанія за какія-то ребячьи шалости. Не зная, гдѣ преклонить голову, онъ сначала нанялся въ поденщики къ каменьщикамъ, а потомъ попалъ въ труппу странствующихъ комедіантовъ, и игралъ съ ними на сценахъ Стразбургской, Дижонской и Руанской, въ послѣдствіи сдѣлался содержателемъ Ліонскаго театра, гдѣ и усовершенствовалъ свой талантъ. Въ Парижѣ дебютировалъ онъ, въ первый разъ, 20 сентября 1753. Тридцать-три года Превиль восхищалъ столицу своимъ талантомъ, особенно, въ роляхъ: Mercure galant, Тюркаре, Созія, Фигаро, благодѣтельнаго грубіяна (Bourru bienfaisant), Сганарелля, Скапина. Моря со смѣха зрителей въ этихъ двухъ послѣднихъ роляхъ, онъ заставлялъ ихъ плакать въ нѣкоторыхъ драмахъ, въ коихъ онъ игралъ благородныхъ отцовъ. Нрава онъ былъ нѣжнаго, не отказывалъ товарищамъ своимъ въ полезныхъ совѣтахъ по сценическому искусству, любилъ помогать неимущимъ. Превиль, оставивъ театръ въ 1786, явился опять на немъ только однажды, и именно въ 1793 году, въ ролѣ *благодѣтельнаго грубіяна*, въ спектаклѣ, даномъ въ пользу парижскихъ артистовъ, лишившихся въ смутное время всего своего имущества. Превиль умеръ слѣпымъ, въ декабрѣ 1799 года. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Друэнь, — актрисѣ не-безталантной, игравшей и въ комедіяхъ и въ трагедіяхъ.

Моле (François-René) родился 24 ноября 1734. Вопреки желанію родственниковъ его, видѣть въ немъ нотаріуса, онъ сдѣлался актеромъ. Первый дебютъ его былъ въ роли *Британика*, въ 1754 году. Слабость необразовавшагося еще голоса была причиною, что Моле не приняли на театръ. Вторично онъ явился на сценѣ въ 1760 году. Моле игралъ въ трагедіяхъ и драмахъ; но прославившее его амплуа было — амплуа петиметровъ въ комедіи. Нѣкоторыя сочиненія его о драматическомъ искусствѣ доставили ему званіе члена Національнаго Института. Моле умеръ въ декабрѣ 1802 года.

Гранваль, сынъ органиста, умеръ 24 сентября 1784, на 74 году отъ роду. Онъ 35 лѣтъ занималъ роли вер-

топраховъ, не уступая въ нихъ ни Барону, ни Дюфрену. Онъ игралъ и въ трагедіяхъ съ большимъ успѣхомъ. Гранваль былъ и писатель: имъ сочинено нѣсколько комическихъ оперъ (либретто). Онѣ остры и забавны, но жаль, что встрѣчаются въ нихъ выходки не совсѣмъ-то благопристойныя.

Белькуръ впервые дебютировалъ 21 декабря 1750, ролью Ахиллеса, въ трагедіи «Ифигенія». Къ концу своего театральнаго поприща, онъ перешелъ на комическое амплуа и, не-смотря на холодность въ игрѣ, талантомъ своимъ снискалъ общее уваженіе. Онъ написалъ одноактную комедію: «Les Fausses apparences» и шуточную поэму. «De bello huguenotico.» Съ-молоду Белькуръ занимался удачно живописью. Онъ скончался въ 1786 году.

Хюге (Huguet), извѣстный болѣе подъ именемъ Армана, происходилъ отъ дворянской фамиліи, родился въ 1699, въ Пуату. Сначала онъ находился въ нотаріальной конторѣ; но страсть къ забавамъ и театру заставила его бросить перо писца и пуститься на продѣлки, достойныя Жилблаза де-Сантиллана. Наскучивъ праздною, буйною жизнію, онъ опредѣлился въ Лангедокѣ на театръ. Потомъ перешелъ на сцену *Французской Комедіи*, въ Парижѣ, гдѣ и дебютировалъ въ 1723 году. Природа дала ему наружность хитраго и плутоватаго слуги, и за то онъ игралъ ихъ неподражаемо. Арманъ былъ веселаго нрава; никакая неудача, никакое даже несчастіе, съ нимъ случавшіяся, не измѣняли улыбающейся его физіономіи. Способность передразнивать доводила его иногда до непріятностей, потому-что отъ нея доставалось и чужимъ, и своимъ, и простолюдинамъ, и вельможамъ. Въ шуточкахъ своихъ мы не щадимъ даже друзей. Впрочемъ Арманъ былъ всегда готовъ на доброе дѣло: вотъ одинъ изъ множества тому примѣровъ. Превиля, о которомъ мы говорили выше, какія-то интриги лишали возможности опредѣлиться къ театру. Онъ прибѣгнулъ къ покровительству Армана; не-смотря на то, что Превиль, поступивъ на одно съ нимъ амплуа, могъ, современемъ, сдѣлаться опаснымъ для него соперникомъ, благородный артистъ велѣлъ ему приготовить роль Меркурія, (въ комедіи того-

же имени) роль, въ которой Арманъ отличался, и которую назначено ему было играть, въ Фонтенбло. Въ день спектакля онъ сказался больнымъ, а Король требовалъ назначенной піесы. Нечего было дѣлать: пустили на сцену Превиля, и Людовикъ XV, восхищенный игрою дебютанта, (въ роли его заключалось пять характеровъ) приказалъ немедленно опредѣлить его въ придворную труппу. Превиль умеръ 26 декабря 1765.—Заслуживали похвалу *Боневиль* и *Данжевиль* въ роляхъ простаковъ.

Г-жа Белькуръ (умершая въ 1799 г.) художнически исполняла роли служанокъ въ Мольеровыхъ комедіяхъ. Легко измѣняющіяся пріятныя черты лица, плутовскіе глазки, гибкій, хотя нѣсколько рѣзкій голосъ, и ухватки, приличныя субреткѣ, соединенныя съ образованнымъ талантомъ, ставили ее царицею надъ всѣми сценическими горничными. Соперницею ея, по амплуа, была г-жа Данжевиль, умершая уже въ преклонныхъ лѣтахъ, въ мартѣ 1796. Ея тонко-обдуманная игра, выразительная физіономія, огненный взглядъ кружили голову современной ей молодежи.

Пройдя галлереи нѣкоторыхъ трагическихъ и комическихъ артистовъ, не лишне будетъ взглянуть на драматическую литературу ихъ времени. Предѣлы сей статьи не позволяютъ намъ изобразить эту литературу въ картинѣ и потому удовольствуемся ея силуэтомъ. Вольтеръ владычествовалъ и въ драматургіи, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ словесности. Тогда было въ модѣ восхищаться безжизненными красотами его трагедій, его стихами-близнецами, которые не выступаютъ иначе, какъ по-парно, и въ которыхъ найдете даже *правоученіе*, но не отыщите драматической поэзіи.

Около Вольтера толпились авторы. Изъ нихъ самый опасный для него соперникъ былъ Кребильйонъ, отецъ. Онъ оканчивалъ уже свое драматическое поприще трагедіями «Катилина» и «Тріумвиратъ»; Лефранъ де-Помпаньянъ сбиралъ съ Парижа и Версаля похвалы свой «Дидонѣ»; Мармонтель угощалъ трагедіями, въ родѣ оперныхъ либреттъ; Лемьеръ версталъ свои напыщенные стихи, которымъ, впрочемъ, много апплодировали въ «Иперъ-

мнестрѣ» въ «Малабарской вдовѣ» и другихъ его піесахъ. Дора (Dorat) утромъ кропалъ стишки одинакого достоинства съ Эпистолою его *къ г-жѣ * * *, по случаю переѣзда ея на новую квартиру*, а вечеромъ, на остатки раздушенной золотообрѣзной бумаги набрасывалъ свою трагедію «Зюлика». Пуансине, ошибкою, кажется, написалъ прекрасную піесу «Le Cercle», вѣрную картину тогдашнихъ парижскихъ нравовъ, и Мариво *пунктировалъ* свои комедіи, исполненныя надутости слога и блестокъ ума.

Въ то время требовали только трагедій и комедій; нынѣшнія французскія драмы показались-бы тогда ужасающимъ безобразіемъ, чудовищностію. *Викторъ Гюго, Дюма, Фредерикъ Сулье* попали-бы подъ опалу «Меркурія» (тогдашній журналъ). Впрочемъ и въ то время, Дидро — охотникъ до новыхъ идей, иногда и вопреки разсудку, дерзалъ пописывать, такъ-называвшіяся, мѣщанскія трагедіи. Прежде его еще *Нивелль де ла Шоссе* отдалъ на театръ подобныя піесы: *Меланиду*, *Школу матерей* и *Гувернантку*; но ихъ не титуловали тогда драмами, а называли, и то, кажется, изъ снисхожденія, *опытами*.

Драматической литературѣ XVIII вѣка дано было ложное направленіе: напыщенность замѣняла въ ней энергію, ужимки кокетки природную миловидность, грацію. Бѣдная эта литература щеголяла въ фижмахъ, румянилась краснѣе всякой тогдашней маркизы или нынѣшней лавочницы. Правда, у нея не было тѣхъ судорогъ, тѣхъ конвульсій, въ которыхъ упрекаютъ нашу драматургію; но за то она часто подвергалась апоплексическимъ припадкамъ.

Теперь отъ театра *Французской Комедіи* обратимся къ театру Оперы. Этотъ послѣдній и царствованіе Лудовика XV, казалось, были созданы одинъ для другаго. Опера, аристократка XVIII вѣка, уснула еще до революціи и проснулась по окончаніи ея, и какъ легла, такъ и встала, въ томъ-же великолѣпномъ нарядѣ, съ тѣми-же ужимками и съ тою-же Помпадурскою граціею.

Въ 1673 году, по смерти Мольера, театръ его, находившійся въ Пале-роялѣ, отданъ былъ Люлли, который сталъ давать на немъ оперы. Орлиное гнѣздо пріютило пѣночекъ, и окрестное эхо, вмѣсто стиховъ Мольеровыхъ,

стало повторять вирши Кино (Quinault). Зала театра и сцена его оставались во мракѣ; но съ 1719 года мракъ этотъ изчезъ: сальныя свѣчи замѣнились, въ двойномъ количествѣ, восковыми. Оставалось сдѣлать еще небольшое улучшеніе, и оно сдѣлано, хотя и спустя сорокъ лѣтъ: извѣстныя нашимъ читателямъ прикулисныя скамьи стѣсняли сцену,—ихъ уничтожили.

6 Апрѣля, 1763 этотъ театръ сгорѣлъ, и съ тѣхъ-поръ театръ въ Тюльери предоставленъ былъ въ распоряженіе лирической труппы; она открыла его для публики, 24 января 1764, оперою «Касторъ и Поллуксъ». Въ 1770 труппа эта перешла снова въ Пале-рояль, на возобновленный свой театръ.

Блистательная эпоха для оперной труппы была при Людовикѣ XV. Взгляните на эту веселую толпу, прыгающую и поражающую, на это селеніе красотъ, которыхъ встрѣтите на всѣхъ ступеняхъ натуральной исторіи отъ соловья до крысы * включительно. Имена этихъ крысъ XVIII столѣтія, намъ неизвѣстны; а о соловьяхъ скажемъ нѣсколько словъ, и начнемъ съ Софіи Арну (Arnould.) До поступленія на сцену, она принадлежала къ хору какого-то католическаго женскаго монастыря. Принцесса Моденская проводила въ немъ время поста. Восхищенная чистымъ, звучнымъ голосомъ юной Софіи, она опредѣлила ее на театръ, гдѣ изъ прелестей своихъ, Арну сохранила только голосъ и дивные глаза. Она была Ниноною своего времени: Дидро, Гельвецій, д'Аламберъ, самъ Руссо, тѣснились въ ея гостинной, чтобъ не проронить ни одной ея остроты. Она славилась умомъ, талантомъ и многочисленностью задушевныхъ друзей. Всѣ современные ей критики превозносили ея голосъ, всѣ современные ей дюки и маркизы превозносили доброту ея сердца. Первый дебютъ Арну въ Парижѣ былъ 15 декабря 1757, на тринадцатомъ году ея возраста, и въ слѣдующемъ году опредѣлили ее въ Оперу. Театръ оставила она въ 1778, умерла въ 1802 году, въ полномъ утѣшеніи, что много

* Читателямъ «Репертуара и Пантеона» извѣстно, кто назывался закулисною *крысою*.

изъ богачей и знати ею осчастливлены, и называя ее при жизни *лихою*, не помянутъ по смерти лихомъ!

Въ оперной клѣткѣ были и другія птички, не безъ достоинствъ, напримѣръ дѣвицы: Шевалье, Ле-Мьеръ, Ле-Моръ. Послѣдняя птичка славилась голосомъ, а не перушками. Едвали не съ ея времени диллетанты стали слушать иныхъ пѣвицъ—зажмурясь. Но странное дѣло! она успѣла на пятидесятомъ году отъ роду выйти за-мужъ и за молодаго человѣка, Монроза. Смерть похитила ея изъ объятій *нѣжно-любившаго* ея супруга, въ 1770 году.

Относительно пѣвцовъ, голоса немногихъ изъ нихъ передало намъ современное имъ эхо. Однакожъ въ 1762 году хвалили баситовъ Желеня, Ларивѐ и тенора Пилло, но знаменитѣе всѣхъ ихъ былъ ихъ предшественникъ Жельоттъ (Gèliotte), любимецъ и простолюдиновъ, знатоковъ музыки, и знати, которая часто приглашала его *попѣть* въ свой, если не артистической то, по-крайней-мѣрѣ, аристократической кругъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ не оставить безъ вниманія упомянутаго нами Ларивѐ. Онъ родился въ Ліонѣ, въ 1733. Въ Парижскую оперу вступилъ въ 1754, гдѣ, къ полному удовольствію тогдашнихъ диллетантовъ, провелъ 32 года. Онъ неподражаемо, въ отношеніяхъ вокальномъ и драматическомъ, велъ роль Агамемнона, въ Глюковой операѣ «Ифигенія»; роль эта создана имъ подъ руководствомъ самаго Глюка. Ларивѐ умеръ въ августѣ 1802 года.

Скажемъ нѣсколько словъ о балетѣ. Хотѣлось-бы мнѣ указать вамъ лучшихъ изъ танцовщицъ, но я никакъ не успѣю этого сдѣлать, по милости *вихрю-подобныхъ* ихъ пируэтовъ. Благодареніе.... хоть Терпсихорѣ, вотъ двѣ изъ нихъ остановились, *едва касаясь пола*. Это Камаргó и Саллѐ (Sallé). Посмотрите, самъ Вольтеръ заглядѣлся на ихъ граціозность, на ихъ позу. Вотъ онъ беретъ перо и пишетъ:

Ah! Camargo, que vous êtes brillante?
Mais que Sallé, grands Dieux, est ravissante,
Que vos pas sont lègers et que les siens sont doux!
Elle est inimitable, et vous êtes nouvelle;
Les nymphes sautent comme vous,
Et les grâces dansent comme elle!

Неправда-ли, что эти конфектные стишки, называвшіеся во время оно мадригалами, были-бы и въ наши дни весьма-кстати для Фанни Эльслеръ и Тальйони?

Но годы летятъ, а съ ними и Салле улетѣла со сцены. Насталъ 1751 годъ, и знаменитая Камаргó сложила свои крылышки, и много, много другихъ танцовщицъ унесло это неумолимое время съ театра Оперы. Не стало дѣвицъ: *Лани*, искусные, отчетливые па которой вызывали общія рукоплесканія; дю-Мире (du Miré), доставившей кому-то случай написать надъ гробомъ одного несчастливца изъ многочисленныхъ ея обожателей, слѣдующую потную эпитафію:

Mi, ré, la, mi, la!

т. е.

Мире уложила его здѣсь!

Г-жи Вестрисъ, Алларъ, и поджарая Гимаръ замыкаютъ ряды этого легконогаго *Фараонова войска*.

Назвавъ Камаргó знаменитою, поставили мы себя тѣмъ въ обязанность познакомить читателей нашихъ хоть нѣсколько съ этою танцовщицею. Исполняемъ эту обязанность: *Марія де Кюпи*, (de Cupis) родилась въ Брюсселѣ 15 марта 1710. Дѣдъ ея, италіянскій дворянинъ, женился на дѣвицѣ Камарго—Испанкѣ благороднаго происхожденія. Марія, вступивъ на сцену, приняла фамилію своей бабки; дебютировала въ Брисселѣ; потомъ танцовала въ Руанѣ и наконецъ явилась въ Парижъ, гдѣ имѣла необыкновенный успѣхъ. Движенія, позы ея исполнены были благородства, живости, легкости и рѣзвости. Сойдя со сцены въ 1734, она вновь на ней явилась, спустя шесть лѣтъ, въ балетѣ «Греческія и Римскія празднества». Восторгу зрителей не было границъ. Вторично и навсегда Камаргó оставила театръ въ 1751, получивъ отъ Двора пенсію. Умерла она въ 1770 г. Артистка эта, скромнымъ и честнымъ поведеніемъ снискала общее уваженіе. Едвали это не единственный, въ то время, примѣръ!

Послѣ танцовщицъ, слѣдуютъ танцовщики—эти четырнадцати-вершковые мотыльки. Между ними отличались тогда Дюпре, Лаваль, и Вестрисъ—крылатый танцоръ, честь и слава антрша! Онъ принадлежалъ къ семейству,

переселившемуся въ 1740 изъ Флоренціи въ Парижъ. Вестрисъ родился въ 1729 году. Ученикъ танцовщика Дюпре, онъ скоро превзошелъ своего учителя въ его искусствѣ. Вестрисъ дебютировалъ на сценѣ Королевской музыкальной Академіи въ 1748 г., опредѣленъ къ ней на слѣдующій годъ, сдѣланъ балетмейстеромъ въ 1776. Названіе *перваго танцора* сохранилъ онъ, съ честію, до 1781 года, до времени увольненія его отъ театра. Умеръ въ 1808 году. Послѣ его оставался сынъ, умершій въ 1842 году (Marie-Auguste Vestris-Allard), поддерживавшій славу ногъ своего отца.

Вотъ передъ нами театры Комической Оперы и Италіянской Комедіи. Первый изъ нихъ долго былъ принадлежностью Сенъ-Жерменской ярмарки, а 3-го февраля 1762 г. присоединенъ онъ къ послѣднему, и двѣ труппы составили одну.

Итальянская Комедія сначала существовала арлекинадами: Коломбины и Полишинели забавляли посѣтителей этого театра фарсами, на итальянскомъ языкѣ; въ 1718 году, присоединили къ нимъ французскія піесы, *съ пѣніемъ* и *танцами*. Вскорѣ царство арлекиновъ потряслось и пало-бы навѣрное, если-бы знаменитый Карлинъ не поддержалъ его, за что, вѣроятно, имя это сдѣлалось безсмертнымъ и дошло до насъ: имъ называется извѣстная порода собакъ.

Карлинъ (настоящая его фамилія была *Бертинацци*) родился въ Туринѣ, въ 1713 году, умеръ въ Парижѣ, въ 1782 г. Онъ занималъ роли арлекина и прославился и своею натуральною игрою, и своими удачными шуточками-экспромтами. До смерти своей, не взирая на глубокую старость, онъ былъ душою веселыхъ обществъ. Имъ написана трехъактная комедія «Превращенія арлекина». Въ какой-то піесѣ хозяинъ ударилъ по спинѣ своего слугу, а этотъ одною рукою третъ свою спину, а другою грозитъ изъ подтишка хозяину. Въ это время, извѣстный Гаррикъ, находившійся въ числѣ зрителей, и восхищенный натуральностью этой пантомимы, сказалъ во-всеуслышаніе: «у Карлина спина говоритъ лучше, чѣмъ у инаго актера лицо»! Одинъ англичанинъ, умиравшій отъ сплина, не-смотря

на всѣ пособія медиковъ, пріѣхалъ, по совѣту ихъ, въ театръ, когда игралъ Карлинъ, и болѣзни какъ-будто не бывало. Карлинъ имѣлъ основательныя познанія во многихъ наукахъ и былъ извѣстенъ своею честностью; а это въ актерѣ (разумѣется, того времени) заслуживаетъ вниманія.

Въ улицѣ Mauconseil, въ той самой отели, гдѣ Бургонскіе Герцоги разыгрывали нѣкогда свои политическія драмы, итальянская труппа играла свои комедіи. Лучшія изъ этихъ комедій писала и въ нихъ участвовала актриса съ огромнымъ талантомъ. Во время оно жили-были голубка и два голубя, одинъ изъ нихъ *козырной*. Голубка эта была исполненная граціи актриса, о которой мы сей-часъ сказали, г-жа Фаваръ; а голуби Маршалъ де Саксъ и водевилистъ Фаваръ, извѣстный и на русской сценѣ комедіею «Три Султанши», въ которой была такъ дивно хороша покойная В. Н. Асенкова. Поговаривали о третьемъ голубѣ; но мы боимся повторить клевету. Маршалъ положилъ на *вѣсы любви* свое званіе, славу побѣдителя при Фонтенуа, свое богатство—кажется, должно потянуть; водевилистъ положилъ свое остроуміе, свои куплетцы.... легче пуху, и, что-же думали-бы вы?—перетянулъ! Но это не прошло даромъ *дерзкой комедіанткѣ*. По проискамъ Маршала она попала въ какое-то заключеніе, гдѣ просидѣла болѣе года. О, блаженный, виноваты, о блажной XVIII вѣкъ! Г-жа Фаваръ, по отцѣ Шанталли, была неподражаема, и въ двухъ крайностяхъ—въ роляхъ первыхъ любовницъ и служанокъ. Она родилась въ 1727, умерла въ 1771 году. Вмѣстѣ съ мужемъ, написано ею до десяти піесъ, имѣвшихъ въ свое время значительный успѣхъ. Супругъ Фаваръ, поклявшійся не пережить ея, раздумалъ.... и умеръ спустя двадцать лѣтъ послѣ нея, на восемдесятъ-второмъ году отъ рожденія.

Лучшими артистами Итальянской Комедіи были Ла-Рюетъ (La Ruette) отличный пѣвецъ; Келло, который, по увѣренію современниковъ, обладалъ всѣми голосами, замѣнялъ и баса, и тенора, и контральто и едвали не сопрано; Рошаръ, де Гессъ, Одино и, наконецъ Клервалъ, перешедшій на этотъ театръ изъ труппы Комической

Оперы. Голосъ сего послѣдняго былъ чистъ, но недостаточенъ для обширной залы Итальянской Комедіи. Изъ актрисъ хвалили г-жъ Пачиленни, Вилетъ, Нессель и Бопрѐ.

Спускаясь постепенно, по *драматической лѣстницѣ*, достигли мы Тампльскаго бульвара и театровъ, принадлежащихъ Одино́ и Николе. Первый изъ нихъ, бывшій актеръ Итальянской комедіи, выстроилъ на бульварѣ небольшой театръ, кукольный. Артисты его безсловесны; а потому не прихотливы, слѣдственно для него выгодны, какъ нельзя болѣе. Въ послѣдствіи Одино́ деревянную труппу замѣнилъ живою—дѣтьми, которые тоже неразорительны. Въ годъ, вмѣсто жалованья, полпуда конфектъ первой любовницѣ, и двѣ дюжины сладкихъ пирожковъ благородному отцу—и довольно! Одино давалъ фарсы и пантомимы, съ *великолѣпнымъ спектаклемъ*.

Теперь не угодно-ли вамъ, наши читатели, пожаловать въ театръ Николе. Онъ славенъ своими канатными плясунами, актеромъ Таконе и обезьяною—*умницею*. Таконе, прозванный бульварнымъ Мольеромъ, писалъ для этого театра піесы, въ которыхъ самъ игралъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то: Les aveux indiscrets, Le baiser donné et rendu, снискали одобреніе и серьезной части публики. Таконе выбиралъ героевъ своихъ, бо́льшею частію, изъ поденьщиковъ, поклонниковъ Бахуса, писакъ. Если нашъ артистъ-писатель ненавидѣлъ кого, то говорилъ объ этомъ человѣкѣ: «Онъ мнѣ противнѣе стакана воды». И былъ правъ, потому-что ничего не пилъ, кромѣ вина и водки, которые и свели его въ гробъ, въ декабрѣ 1774 года. Таконе умеръ въ больницѣ 44 лѣтъ.

Обезьяна, которую мы называли, не безъ основанія, *умницею*, привлекала въ театръ Николе огромную публику и морила ее со-смѣху своими продѣлками. Въ 1766 году Моле́, о которомъ мы говорили выше, заболѣлъ опасно воспаленіемъ въ груди. Вѣсть объ этомъ огорчила почитателей таланта сего артиста. Многіе изъ нихъ, для разсѣянія, зашли въ театръ Николе, и чтожъ?... на сценѣ его явился умирающій Моле́: онъ, точно онъ.... его халатъ, его туфли, его манеры, его походка.... и чтожъ!... это была только обезьяна-*умница*, въ спальномъ костюмѣ Моле́.

Одинó и Николе ежегодно, въ извѣстное время, посѣщали съ своими труппами, ярмарки Сен-Жерменскую и Сен-Лоранскую. Нынѣ театры этихъ господъ, превратясь въ театры Ambigu и Gaîté, конечно, нѣсколько облагородились: это ужъ не ярмарочные балаганы, а все-таки встрѣтите въ нихъ паяса, и не одного.

Вмѣсто эпилога, скажемъ два-три слова о частныхъ театрахъ, о театрахъ любителей. Въ XVIII столѣтіи. Французскіе вельможи, играя, худо-ли, хорошо-ли, комедію въ большомъ свѣтѣ, игрывали ихъ и на домашнихъ своихъ сценахъ. У Герцога Орлеанскаго былъ театръ въ Баньоле (Bagnolet), Герцогъ Ришелье и Герцогиня Виллеруа имѣли ихъ въ своихъ отеляхъ. Въ комнатахъ г-жи Помпадуръ давали не только Мольеровы комедіи, но и балеты, въ которыхъ она занимала, какъ и слѣдовало, роль Венеры. Подражая ей, дѣвицы Верръеръ, которыя.... Но это не по нашей части, и потому молчимъ.... Дѣвицы Верръеръ имѣли два театра, одинъ въ своей деревнѣ, а другой въ Парижѣ; въ послѣднемъ замѣчательны были семь ложъ, изящно-роскошно драпированныхъ. На всѣхъ этихъ домашнихъ театрахъ игрались, большою частію, піесы преплохія—произведенія или самыхъ владѣльцевъ сихъ театровъ, или ихъ родственниковъ и пріятелей; но всѣ эти произведенія осыпались рукоплесканіями, подобныя которымъ едвали когда слышали творенія Шекспира и Мольера: и могло-ли быть иначе? Шекспиръ и Мольеръ не угощали своихъ зрителей, на-убой, обѣдами и ужинами.

Давно прошелъ XVIII вѣкъ и—слава Богу! Не жалѣемъ ни о его румянахъ, ни о его пудрѣ, ни о его мадригалахъ, ни о его надутомъ слогѣ, не жалѣемъ; а желаемъ и, вѣрно, всѣ согласятся съ нами, чтобъ этотъ неугомонный вѣкъ возвратилъ намъ только любовь къ домашнимъ спектаклямъ, въ которыхъ и младенчество и старость, не говоримъ уже о юности, найдутъ свои благородныя наслажденія....

М. ЖКЛНЪ.

ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ.

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СЮ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

I.

ИДИЛЛІЯ.

Пять часовъ било на Буквальской церкви. Холодно; небо ясно; солнце, спускаясь за лѣсъ, золотитъ горизонтъ и бросаетъ косвенные лучи на обширныя равнины, покрытыя инеемъ.

Въ деревнѣ каждое время года представляетъ очаровательныя картины.

Часто блестящій снѣгъ превращаетъ поля въ мраморные пейзажи. Запоздалый фермеръ возвращается домой: плащъ его, шляпа, лошадь, покрыты снѣгомъ; но тамъ, далеко, далеко, окна его фермы освѣщены яркимъ свѣтомъ, а дымъ, выходящій густыми клубами изъ трубы фермы, показываетъ ему, что его ждутъ.

Иногда сцена оживляется: эхо повторяетъ крики охотниковъ и лай сабакъ. Испуганная лань вылетаетъ изъ чащи, перебѣгаетъ съ трепетомъ черезъ поле и исчезаетъ въ противоположномъ лѣсу. За нею несутся быстрыя собаки и охотники; всѣ они летятъ, какъ молнія, и теряются въ лѣсу, куда скрылась лань.

На обширныхъ равнинахъ опять воцаряется мертвое молчаніе; его прерываетъ только однообразное пѣніе пастуха.

. . . . . .

Такія картины часто встрѣчались около Буквaля, который находился близко Парижа, но лежалъ въ какой-то пустынѣ, куда можно было проникнуть только проселочными дорогами.

Ферма, гдѣ жила Пѣвица, лѣтомъ исчезала въ деревьяхъ, какъ гнѣздо въ зелени; но зимою вся была видна, безъ зеленаго покрывала.

Замерзшая рѣчка казалась серебряною лентою. Стая голубей спускалась на голубятню; стада возвращались домой; огромный возъ, съ мукою, въѣзжалъ въ ворота. И животныя, и люди спѣшили избавиться отъ ночнаго холода и искали успокоенія.

Ферма слыла во всемъ околодкѣ *образцовою*, какъ по заведенному въ ней порядку, такъ и по превосходству запашки и произведеній, по богатству и счастію всѣхъ ея рабочихъ.

Вечеромъ Марія, обыкновенно, посѣщала птичій дворъ. Увидавъ ее, куры, утки, индѣйки, голуби, съ радостію спѣшили ей на встрѣчу.

Марія была прелестна по-прежнему, но очень похудѣла и поблѣднѣла. Она была одѣта, какъ одѣваются крестьянки около Парижа: голова повязана краснымъ шолковымъ платкомъ, котораго концы висятъ по плечамъ, а подъ платкомъ маленькій круглый чепчикъ, — живописный и милый головной уборъ, которому могутъ позавидовать Швейцарія и Италія.

Бѣлый батистовый платочекъ прикрылъ грудь; спенсеръ изъ голубаго толстаго сукна, съ узкими рукавами, обрисовывалъ талію, и ярко отдѣлялся отъ юбки изъ сѣрой матеріи съ темными полосами; бѣлые какъ снѣгъ чулки и чорные деревянные башмаки дополняли сельскій ея костюмъ.

Держа одною рукою концы передника, она раздавала другою кормъ своимъ крылатымъ подданнымъ.

Хорошенькій бѣленькій голубокъ, который былъ отважнѣе своихъ товарищей, полетавъ около Маріи, сѣлъ ей на плечо.

Дѣвушка, видно, привыкла къ его отвагѣ, потому-что не перестаетъ разбрасывать кормъ; но повернувъ немного прелестное личико, она приподняла голову и протянула съ улыбкою розовыя губки къ своему любимцу.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца оттѣняли эту очаровательную картину блѣдно-золотымъ отблескомъ.

II.

БЕЗПОКОЙСТВО.

Пока Марія занималась птицами, г-жа Жоржъ и Аббатъ Лапортъ, священникъ фермы, разговаривали про нее, въ гостиной фермы, у камина.

— Вы правы, сказалъ Аббатъ; надобно обо всемъ извѣстить Родольфа. Марія такъ ему благодарна, что вѣрно все ему откроетъ, если онъ станетъ ее распрашивать.

— Такъ я сегодня-же ему напишу, въ улицу Вевъ....

— Бѣдняжка! теперь она должна быть счастлива!... отчего тоска съѣдаетъ ее?

— И ничто не можетъ развлечь ее, ни даже науки, которыми она занимается такъ прилежно....

— А вѣдь она многому научилась, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы начали заниматься ея образованіемъ!

— Какъ-же! И читаетъ, и пишетъ прекрасно; а считаетъ такъ хорошо, что помогаетъ мнѣ вести счетныя книги. Она такъ усердно, такъ дѣятельно старается помогать мнѣ, что я тронута ея усердіемъ и удивляюсь ей.... Ужъ не отъ хлопотъ-ли она больна?

— Чорный докторъ увѣрилъ насъ, что ея кашель не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій.

— Какой онъ добрый! и какъ ею занимается!... Да впрочемъ, здѣсь всѣ ее любятъ.... Бѣдняжка! она всегда какъ-будто проситъ прощенія, а развѣ она одна виновата?

— Вы сказали мнѣ, кажется, продолжалъ Аббатъ, что ея тоска началась съ того времени, какъ здѣсь гостила г–жа Дюбрель, та, которая держитъ на откупу ферму Герцога Люсне, въ Арнувиллѣ?

— Да, кажется, такъ; однакожъ и г-жа Дюбрель, и дочь ея Клара, нѣжная и добрая дѣвушка, обѣ питаютъ къ Маріи самую нѣжную дружбу. Мы всегда ѣздимъ къ нимъ по воскресеньямъ, или онѣ къ намъ пріѣзжаютъ. И что́-же? Каждое свиданіе увеличиваетъ грусть Маріи, хоть Клара любитъ ее какъ сестру.

— Страшная тайна!... Что́ за причина этой тоски?... Между теперешней и прежней жизнію Маріи такая разница!

Въ эту минуту Пѣвица вошла въ гостиную.

— Откуда ты, дитя мое́? нѣжно спросила ее г–жа Жоржъ.

— Изъ фруктоваго погреба.... и заперла птичій дворъ. Фрукты хорошо сохраняются; только нѣкоторые испортились, я ихъ выбросила.

— Отчего не приказала ты Клавдіи сдѣлать все это? ты опять безпокоишь себя....

— Нѣтъ, мнѣ всегда хорошо въ фруктовомъ погребѣ; плоды пахнутъ такъ пріятно!

— Посмотрите когда–нибудь, Аббатъ, какъ Марія распорядилась фруктами: каждый сортъ отдѣленъ виноградными гирляндами, а каждый плодъ окруженъ моховымъ бордюромъ.

— О! я увѣрена, что вы будете мною довольны, говорила Марія съ простодушнымъ восторгомъ. Мохъ такъ красивъ около красныхъ яблокъ или грушъ золотаго цвѣта.

Аббатъ посмотрѣлъ улыбаясь на г–жу Жоржъ и сказалъ Пѣвицѣ:

— Я уже удивлялся твоему коровнику; онъ сдѣлалъ-бы честь самой взыскательной хозяйкѣ; вотъ посмотрю на днихъ и фруктовый погребъ, съ красными яблоками и золотыми грушами. Но солнце садится: ты едва успѣешь

проводить меня домой и возвратиться сюда, какъ ужъ наступитъ ночь.... Возми плащь и пойдемъ.... Но, теперь очень-холодно: останься, кто-нибудь меня доведетъ....

— О! какъ она будетъ несчастна, если кто-нибудь другой проводитъ васъ, сказала г-жа Жоржъ: каждый вечеръ она ждетъ этого наслажденія.

— Я подумаю, что вы мною недовольны, если не позволите проводить васъ, прибавила Пѣвица, поднявъ на Аббата свои голубые и томные глаза.

— Если такъ, бери скорѣе плащъ.... только закрывайся хорошенько.

Марія поспѣшно набросила на плеча плащъ, съ капишономъ изъ бѣлой шерстяной матеріи, обшитый чорной бархатной выпушкой, и подала Аббату руку.

— По-счастію, сказалъ онъ, идти недалеко и дорога безопасна.

— Сегодня вы идете позже обыкновеннаго, замѣтила г-жа Жоржъ: возми-ка, Марія, съ собою кого-нибудь съ фермы.

— Помилуйте, меня сочтутъ за трусиху, отвѣчала Марія съ улыбкою. И зачѣмъ безпокоить для меня служителей? Черезъ четверть часа мы будемъ у церкви, и я вернусь прежде ночи.

— Пожалуй, здѣсь никогда еще не случалось несчастій.

— Иначе я и не согласился-бы брать ее въ проводницы, замѣтилъ Аббатъ, хоть подпора ея мнѣ очень нужна.

Скоро Аббатъ вышелъ изъ фермы, опираясь на руку Маріи; она умѣряла быструю свою походку по медленнымъ и тяжелымъ шагамъ старика....

. . . . . .

Черезъ нѣсколько минутъ, Аббатъ и Пѣвица дошли до того мѣста, гдѣ скрывались Учитель, Сова и Хромой.

III.

ЗАСАДА.

Когда Пѣвица и Аббатъ проходили мимо Совы, она не могла узнать своей жертвы, потому-что Пѣвица была прикрыта капишономъ плаща.

— Тише, сказала Сова Учителю: вотъ прошла дѣвушка съ аббатомъ. Это она,—вѣрно она, по примѣтамъ, какія описывалъ намъ траурный господинъ.... Юбка съ темными полосами и бѣлый плащъ съ чорною вышушкой. Она такъ всякой день отводитъ старика домой, и потомъ возвращается одна. Когда она пойдетъ домой, надобно напасть на нее и отнести въ карету.

— А если она закричитъ! замѣтилъ Учитель: на фермѣ услышатъ ея голосъ; вѣдь вы говорите, что отсюда ферма видна.... Вы можете видѣть.... прибавилъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Да, отсюда видно строеніе, подхватилъ Хромой. Я сейчасъ ползкомъ взобрался на дорогу, и слышалъ, какъ конюхъ разговаривалъ съ лошадьми тамъ, на дворѣ....

— Такъ вотъ какъ мы все устроимъ, сказалъ Учитель подумавъ: Хромой пойдетъ сторожить на дорогу, и лишь завидитъ дѣвушку, тотчасъ заплачетъ, побѣжитъ къ ней, станетъ разсказывать, что старуха, мать его, упала здѣсь въ яму, и упроситъ дѣвушку итти къ ней на помощь.

— А! понимаю! Старуха-то—буду я. Славно выдумалъ! А потомъ что́жъ мнѣ дѣлать?

— Ты уйдешь къ тому мѣсту, гдѣ ждетъ Барбильонъ съ каретой. И я спрячусь возлѣ.... когда Хромой приведетъ дѣвушку, ты бросься на нее, одной рукой схвати за шею, а другою зажми ей ротъ, чтобъ она не кричала.

— Какъ мы уже сдѣлали съ этой женщиной, что обобрали на канавѣ? Знаю! знаю!

— Да; пока ты ее будешь держать, Хромой побѣжитъ за мною; всѣ трое вмѣстѣ, мы завяжемъ ее въ мой плащъ, отнесемъ въ карету и отвеземъ въ равнину Сенъ-Дени, гдѣ насъ ждетъ траурный господинъ.

— Чудо! Нѣтъ тебѣ подобнаго на изобрѣтенія! Слушай ты, мальчишка, если хочешь научиться, такъ смотри прилежнѣе на Учителя.... Вотъ человѣкъ-то! гордо сказала Сова, и потомъ опять обратилась къ слѣпому:— Кстати, я не сказала тебѣ, что Барбильонъ очень боится *воспаленія?* *.

— А почему?

— Онъ убилъ въ дракѣ мужа молочницы, которая всякой день привозитъ изъ деревни молоко и продаетъ его въ *Сите*, возлѣ Бѣлаго Кролика.

Хромой, сынъ Красной-руки, слушалъ ихъ съ жаднымъ любопытствомъ.

— Что ты такъ на насъ смотришь? спросила Сова.

— Я хотѣлъ-бы остаться съ вами.... Мнѣ надоѣло служить у шарлатана, толочь его зѣлье и чистить его лошадь. Еслибъ я зналъ, гдѣ онъ прячетъ *мышиный порошокъ для людей*, такъ давно-бы подсыпалъ его ему въ супъ, чтобъ избавиться отъ него.

— А какъ ты знаешь, что у твоего хозяина есть мышиный порошокъ для людей?

— Онъ самъ это говорилъ.... а я подслушалъ, спрятавшись въ его темномъ кабинетѣ, гдѣ онъ прячетъ свои бутыли, стальные инструменты и разные горшечки....

— Что-же онъ говорилъ? спросила Сова.

— Онъ говорилъ одному господину, отдавая ему порошки: «Кто приметъ три пріема этого порошка, тотъ отправится въ могилу.... и никто не узнаетъ причины.... послѣдствій не будетъ никакихъ....»

— Кому-жъ онъ это говорилъ? спросилъ Учитель.

— Прекрасивому молодому человѣку, съ чорными усами. Онъ приходилъ и въ другой разъ, но тутъ ужъ я пошелъ за нимъ, узнать его квартиру, по приказанію Брадаманти. Онъ вошелъ въ безподобный домъ, въ улицѣ Шальо. Мой хозяинъ говорилъ мнѣ:

— Куда-бы ни пошелъ этотъ господинъ, ступай за нимъ; если онъ войдетъ въ домъ, жди у входа; если онъ

* Смертной казни.

выйдетъ, опять иди за нимъ, и такъ дѣлай до-тѣхъ-поръ, пока узнаешь его квартиру.... Тамъ узнай, какъ хочешь, его имя, или смотри, я не пожалѣю ушей твоихъ.

Я похлопоталъ и узналъ имя красиваго господина.

— Какъ-же ты узналъ? спросилъ Учитель.

— Вѣдь я не дуракъ!... Вошелъ къ швейцару.... Швейцаръ—молодецъ, въ темной ливреѣ, съ желтымъ воротникомъ и серебряными галунами. Я сказалъ ему:

— Я пришелъ къ вамъ, сударь, за пятью франками, которые обѣщалъ мнѣ здѣшній хозяинъ за то, что я отыскалъ ему собаку; баринъ вашъ — брюнетъ, съ чорными усами, въ бѣломъ сюртукѣ, въ свѣтло-голубыхъ брюкахъ; онъ мнѣ сказалъ, что живетъ въ улицѣ Шальо, № 11; зовутъ его Дюпонъ.

— Господинъ, о которомъ ты говоришь, мой баринъ, Виконтъ Сенъ-Реми; здѣсь только одна собака: ты, мерзкій шалунъ.... Ступай вонъ, или я научу тебя выманивать по пяти франковъ.

При этомъ онъ мастерски толкнулъ меня ногою. Не бѣда, прибавилъ философски Хромой: я все-таки узналъ имя господина съ чорными усами, который приходилъ къ шарлатану покупать мышиный порошокъ для людей.... Виконтъ Сенъ-Реми!...

— Дай-ка я расцѣлую тебя!... Ты стоилъ-бы быть моимъ сыномъ! сказала Сова съ радостію.

Эти слова произвели странное впечатлѣніе на Хромаго: его злое и хитрое лицо вдругъ отуманилось печалью; онъ повѣрилъ материнскимъ нѣжностямъ Совы и отвѣчалъ:

— И я васъ очень люблю, потому-что вы поцѣловали меня, когда пріѣхали за мной въ первый разъ въ *Кровавое сердце*.... Съ-тѣхъ-поръ, какъ мать моя умерла, никто не ласкалъ меня; всѣ меня бьютъ или гонятъ, какъ бѣшеную собаку; даже и г-жа Пипле, наша привратница....

— Старая дура! Гнать такого мальчика! Отвергать его любовь! закричала Сова съ досадой, которой Хромой вполнѣ вѣрилъ.

Сова еще разъ поцѣловала Хромаго съ уморительными ужимками.

Сынъ Красной-руки, глубоко-тронутый этимъ новымъ доказательствомъ любви, отвѣчалъ отъ-души:

— Приказывайте!... вы увидите, какъ я буду слушать васъ.... какъ я буду служить вамъ!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Я хотѣлъ-бы съ вами остаться.

— Увидимъ.... если будешь уменъ!

— Да, сказалъ Учитель, ты будешь водить меня, какъ бѣднаго слѣпца; станешь разсказывать, что ты сынъ мой; мы будемъ втираться въ хорошіе дома, и съ помощію Совы, покончимъ не одно удачное дѣльцо. Я докажу этому демону, Родольфу, который ослѣпилъ меня, что я гожусь еще на что-нибудь.... Онъ отнялъ у меня зрѣніе, но не отнялъ страсти ко злу.... Я буду головой, а ты будешь глазами моими, Хромой, а ты, Сова, руками моими....

— Развѣ я не твоя—до висѣлицы? Когда я вышла изъ больницы и узнала отъ товарищей, что ты присылалъ за мной, развѣ я не тотчасъ явилась къ тебѣ?

Слова старухи пробудили въ Учителѣ самыя непріятныя воспоминанія. Онъ быстро перемѣнилъ голосъ и разговоръ съ Совой, и сказалъ раздраженнымъ голосомъ:

— Да, мнѣ было скучно одному, съ этими честными людьми.... я не могъ вытерпѣть мѣсяца.... мнѣ стало страшно.... я послалъ за тобой! И хорошо сдѣлалъ! На другой день, послѣ твоего прихода, у меня украли всѣ деньги, которыя далъ мнѣ демонъ Родольфъ. Да.... у меня украли поясъ, полный золота, когда я заснулъ.... Ты одна могла это сдѣлать: вотъ почему я теперь у тебя въ зависимости.... И когда я объ этомъ вздумаю, самъ не знаю, почему я не убью тебя на мѣстѣ.... старая воровка.

Онъ подвинулся къ Совѣ.

— Берегись, если ты хочешь что-нибудь сдѣлать съ Совой, закричалъ Хромой.

— Обоихъ раздавлю васъ, и тебя и ее, коварныя змѣи! кричалъ Учитель въ бѣшенствѣ.

Хромой бросилъ въ него камнемъ, и попалъ въ лобъ.

Учитель вскочилъ, какъ раздраженный быкъ; сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и упалъ.

— Играй въ жмурки! сказала Сова съ громкимъ хохотомъ.

Не-смотря на связи свои съ этимъ человѣкомъ, она, по многимъ причинамъ, радовалась уничтоженію злодѣя который прежде былъ страшенъ и чванился своею удивительною силою. Она подтверждала страшное изрѣченіе знаменитаго Ларошфуко: «Мы всегда находимъ что-то пріятное въ бѣдствіи лучшихъ друзей нашихъ».

Страшный мальчикъ раздѣлялъ веселость Совы. Когда учитель упалъ во второй разъ, онъ закричалъ:

— Смотри въ оба, почтенный другъ! смотри въ оба. Ты идешь криво.... развѣ ты не видишь? Протри-ка очки!

Не надѣясь поймать мальчишку, слѣпой остановился, съ бѣшенствомъ ударилъ ногою по землѣ, закрылъ лицо грубыми руками и зарычалъ, какъ тигръ въ клѣткѣ.

— Ты кашляешь? спросилъ сынъ Красной-руки. Вотъ тебѣ чудесный солодковой корень.... полечись....

Онъ захватилъ рукою горсть песку и бросилъ въ лицо Учителю.

Учителю показалось это гораздо обиднѣе удара камнемъ. Онъ поблѣднѣлъ, сложилъ крестомъ руки на груди, съ выраженіемъ отчаянія, и поднявъ къ небу страшное свое лицо, вскричалъ умоляющимъ голосомъ:

— Боже! Боже мой!

— Ага, какіе ты дѣлаешь жесты! подхватила Сова.

— Дайте мнѣ можъ.... ножъ!... если всѣ меня оставляютъ, кричалъ злодѣй, кусая съ досады руки.

— Ножъ?... онъ у тебя въ карманѣ.... И славно отпущенъ!... Многіе изъ убитыхъ тобой могутъ это подтвердить....

Учитель тотчасъ перемѣнилъ разговоръ....

— Шуринеръ былъ добръ.... онъ не обокралъ меня.... жалѣлъ обо мнѣ!

— Зачѣмъ-же ты говоришь, что я украла у тебя *твой востокъ?* *

— Ты одна входила въ мою комнату, отвѣчалъ злодѣй: меня обокрали въ ту самую ночь, какъ ты пріѣхала; кого-же подозрѣвать, если не тебя?... Поселяне не могли этого сдѣлать....

— А отчего не могли? развѣ оттого, что они пьютъ молоко, и косятъ траву?

— Все равно; меня все-таки обокрали!

— Такъ виновата я! Подумай хорошенько: еслибъ я украла твое золото, такъ ужъ, вѣрно, бросила-бы тебя.... Я прибрала-бы твои деньги, еслибъ могла; но ты, вѣрно, растратилъ ихъ прежде, чѣмъ прислалъ за мною.... А я все-таки люблю тебя, и безъ глазъ!.,. Ну, будь уменъ, не грызи рукъ....

— Онъ точно грызетъ орѣхи, замѣтилъ Хромой.

— Ха! ха! ха! твое замѣчаніе справедливо. Ну, Учитель, успокойся; пусть Хромой смѣется, ужъ такія его лѣта! Но будь справедливъ.... Когда траурный господинъ, который очень-похожъ на похоронаго лакея, предложилъ мнѣ тысячу франковъ, чтобы увезти эту дѣвушку и доставить къ нему, не я-ли взяла тебя въ долю?... А вѣдь я могла-бы выбрать кого-нибудь другаго, съ глазами? Вѣдь это я тебѣ милостыню подаю!... Я люблю одолжать тебя.... я хочу, чтобъ ты всѣмъ, что имѣешь, былъ обязанъ одной Совѣ! Мы дадимъ двѣсти *пуль* ** Барбиль-йону за то, что онъ насъ привезъ сегодня и привозилъ прежде, когда мы осматривали это мѣсто, съ лакеемъ траурнаго господина.... Намъ останется еще восемь-сотъ *пуль* на двоихъ для пированья.... А! что скажешь? Неужли все еще сердишься?

— Неужли ты удѣлишь мнѣ что-нибудь, когда дѣло устроится? спросилъ злодѣй съ недовѣрчивостію.

— Могу и ничего не дать, правда; ты въ моей власти.... сказала Сова, ударивъ по плечу Учителя, который, казалось, изнемогалъ отъ отчаянія.

---

* Твое золото.

** Двѣсти франковъ.

— Ты права, сказалъ онъ, удерживая ярость.... Я.... я во власти мальчишки и женщины, которыхъ въ прежнее время могъ-бы убить однимъ ударомъ.... О! еслибъ я не боялся смерти!

— Какой ты трусъ! отвѣчала Сова съ презрѣніемъ.... Смотри, если ты будешь такъ трусить, я уйду и брошу тебя....

— И я не могу отмстить этому злодѣю, который ослѣпилъ меня! О! я боюсь смерти, очень боюсь.... но еслибъ мнѣ сказали, что меня бросятъ вмѣстѣ съ нимъ въ пропасть, я отвѣчалъ-бы: бросайте! Я не выпустилъ-бы его изъ объятій, пока мы не долетѣли-бы до дна пропасти. И пока мы летѣли-бы, я грызъ-бы зубами его лицо, шею, грудь....

— Давно-бы такъ! Вотъ это другое дѣло.... Постой, мы найдемъ его..., проклятаго Родольфа.... и Шуринера тоже.... Когда меня выпустили изъ больницы, я ходила въ улицу Вевъ, да домъ запертъ.... Но я сказала траурному господину:

— Вы хотѣли дать намъ денегъ, чтобы мы служили вамъ противъ Родольфа; не нужно-ли сдѣлать ему что-нибудь?

— *Можетъ статься*.... будетъ нужно, отвѣчалъ онъ. Слышишь-ли? *Можетъ статься!* О! мы поймаемъ Родольфа! Онъ будетъ у насъ въ рукахъ.... Я тебѣ говорю!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ?... И ты меня не оставишь? спросилъ злодѣй почтительно, но недовѣрчиво. Если и ты меня бросишь, что со мною будетъ?

— Вотъ штука, если мы съ Хромымъ уѣдемъ и оставимъ тебя здѣсь одного? холодъ ужасный!... Вотъ смѣхъ-то!

При такой угрозѣ, Учитель задрожалъ, подошелъ къ Совѣ и сказалъ ей, ласкаясь:

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь, Совушка?... Да и ты тоже Хромушка.... Вы не такъ злы....

— Ага! а старичокъ въ улицѣ Руль? а купецъ на дорогѣ въ Пуасси? а господинъ этого дома въ улицѣ Вевъ?

Развѣ ты думаешь, что ты казался имъ незлымъ.... съ своимъ длиннымъ ножемъ?... Отчего-же и съ тобою не сыграть какой-нибудь штуки!

— Ну, хорошо.... признаюсь, я напрасно подозрѣвалъ тебя, напрасно хотѣлъ побить Хромаго. Прошу у тебя прощенія.... и у тебя Хромушка.... простите меня оба.

— Проси у Совы прощенья на колѣнахъ, сказалъ Хромой.

— Что за чудесный мальчикъ!... какой веселый!... прервала Сова съ хохотомъ. И мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ ты станешь на колѣна.... Ну, на колѣна, какъ будто ты признаешься мнѣ въ любви!... Скорѣй, или мы тебя бросимъ здѣсь, а черезъ полчаса нагрянетъ ночь....

— День или ночь, ему все равно, подхватилъ Хромой: у него всегда закрыты ставни, онъ боится испортить цвѣтъ лица....

— Вотъ я на колѣнахъ.... прошу прощенія.... Довольны-ли вы? Теперь ужъ не бросите меня на дорогѣ?... Да говорите-же!... продолжалъ Учитель, испугавшись молчанія своихъ товарищей.... Или вы ушли?...

— Мы здѣсь, не бойся.... не брссимъ тебя! Разъ навсегда скажу тебѣ, почему я тебя никогда не оставлю. Мнѣ всегда было нужно мучить кого-нибудь.... Прежде у меня былъ ребенокъ, который умеръ, за что я и просидѣла шесть лѣтъ на *гвоздѣ* *. Въ это время, я кормила птичекъ, приманивала ихъ и ощипывала у живыхъ перья. Потомъ мнѣ попалась *Птвица*, но убѣжала, когда можно было еще надъ нею позабавиться.... Я взяла собаченку, которую помучила нехуже Пѣвицы.... Когда я съ тобой встрѣтилась, у меня была кошка для потѣхи.... Ну, теперь ты все мнѣ, и кошка, и собака, и птицы, и Пѣвица.... забавляюсь тобой!... Понимаешь-ли? Вмѣсто птицъ и ребятъ, мучить волка или тигра.... Это гораздо пріятнѣе.

— Старая фурія! вскричалъ Учитель, вставая. —

* Въ тюрмѣ.

— Опять сердишься!... Ну, разстанемся.... вѣдь я тебя не обманываю.

— Да, дверь открыта, ступай, безглазый, все прямо, прямо! подхватилъ Хромой, съ громкимъ хохотомъ.

— Лучше умереть! бормоталъ Учитель, ломая руки.

— Опять тоже!... Гдѣ тебѣ умереть? Ты крѣпокъ, какъ каменный мостъ. — Живи-ка, для моего счастія. Я иногда буду дѣлать тебѣ зло, для моего наслажденія; ты будешь моей собакой.... Эй! принеси!—ты принесешь.— Кусай!—ты будешь кусать. Впрочемъ, не хочу тебя принуждать. Если ты хочешь жить доходами, ѣздить въ каретѣ, получить почетнаго Легіона.... говори.... не церемонься.... сейчасъ тебѣ все подадутъ.

— Чу! сказалъ Хромой въ полголоса.... Идутъ! спрячемся! Это не наша дѣвушка.

Въ-самомъ-дѣлѣ толстая молодая крестьянка, съ огромною собакою, съ корзиною на головѣ, черезъ нѣсколько минутъ, прошла по оврагу и отправилась въ ту сторону, куда ушли Аббатъ и Пѣвица.

Посмотримъ, что они дѣлаютъ, и оставимъ Сову, Учителя и Хромаго въ засадѣ.

IV.

ДОМЪ АББАТА.

Послѣднія лучи солнца гасли за великолѣпнымъ Экуанскимъ замкомъ и рощами, которыя его окружаютъ. Кругомъ разстилались долины, покрытыя инеемъ; чистое небо было подернуто длинными пурпуровыми полосами,— это вѣрный признакъ вѣтра и холода.

Луна показывалась;—вездѣ тихо.

Аббатъ, взобравшись на холмъ, остановился, любовался восхитительною картиною, и сказалъ Маріи, которая задумчиво стояла возлѣ него:

— Посмотри, дитя мое, на это безпредѣльное пространство; вездѣ тишина.... Тишина и безпредѣльность даютъ намъ понятіе о вѣчности.... Говорю это, Марія, потому,

что ты чувствуешь красоты природы. Часто замѣчалъ я, какой религіозный восторгъ онѣ порождаютъ въ тебѣ. Долго была ты отъ нихъ отторгнута!... Не поражаетъ-ли тебя, какъ и меня, эта торжественная тишина?

Пѣвица не отвѣчала.

Удивленный Аббатъ взглянулъ на нее: она плакала.

— Что съ тобою, дитя мое?

— Батюшка!... Я очень несчастлива!

— Ты?... теперь несчастлива?

— Знаю.... Я не имѣю права жаловаться: для меня такъ много сдѣлали!... Однакожъ....

— Что-же такое?

— О! простите мою печаль; она, можетъ-быть, оскорбляетъ моихъ благодѣтелей!

— Слушай, Марія: мы часто спрашивали, отчего происходитъ твое уныніе, которое такъ печалитъ г-жу Жоржъ, твою вторую мать.... ты не хотѣла отвѣчать; мы уважали твою тайну и жалѣли, что не можемъ облегчить твоихъ страданій.

— Нѣтъ, не могу сказать, что во мнѣ происходитъ. Этотъ вечеръ, спокойный и печальный, взволновалъ мнѣ душу, сердце мое сжалось.... и я заплакала.

— Ты знаешь, какъ мы тебя любимъ, такъ признайся во всемъ.... Скоро придетъ день, когда Родольфъ и г-жа Жоржъ будутъ крестить тебя и примутъ на себя обязанность никогда не оставлять тебя!

— Родольфъ! мой избавитель! Онъ хочетъ еще благотворить мнѣ!... О! я все вамъ открою, батюшка, я боюсь быть неблагодарной.

— Неблагодарной?... какимъ образомъ?...

— Я должна начать съ первыхъ дней моего пріѣзда на ферму....

— Пойдемъ; я буду слушать тебя дорогой.

— Вы меня простите?... Я, можетъ-быть, очень-виновата!

— Господь учитъ насъ милосердію. Говори!

— Когда я узнала, что останусь навсегда на фермѣ, съ г-жею Жоржъ, мнѣ показалось, что это волшебный

сонъ. У меня голова кружилась отъ радости; я все думала о Родольфѣ. Часто, оставшись одна, я поднимала глаза къ небу и искала его, чтобы поблагодарить.... Я все забывала, кромѣ его!... я была счастлива!.. Тогда я воображала, что я достойна только жалости.... а не порицанія!

Аббатъ смотрѣлъ на Пѣвицу съ удивленіемъ; она продолжала:

— Мало-по-малу я привыкла къ этой сладкой жизни. Помогать г-жѣ Жоржъ въ ея трудахъ, слушать ваши уроки—вотъ мои наслажденія! Иногда, вспоминая о прошломъ, я чувствовала стыдъ; но все-таки считала себя равною всѣмъ другимъ, потому-что всѣ были ко мнѣ добры.... Вдругъ, одинъ разъ....

Маріи зарыдала и не могла говорить.

— Успокойся, дочь моя; не унывай!

Пѣвица утерла глаза и продолжала:

— Вы помните, батюшка, что въ день всѣхъ Святыхъ къ намъ пріѣзжала г-жа Дюбрель съ дочерью.... изъ Арнувилля, съ фермы Герцога Люсне...

— Помню, и радовался, что ты познакомилась съ Кларою Дюбрель: она предостойная дѣвушка.

— Настоящій ангелъ.... Когда я узнала, что она пріѣдетъ погостить къ намъ на ферму, на нѣсколько дней, я безпрестанно думала о минутѣ свиданія съ этою милою подругою. Наконецъ она пріѣхала. За мной прислали. Я сошла въ залу, сердце у меня билось.... Клара подбѣжала ко мнѣ и начала цѣловать меня.... Что со мною сдѣлалось, сама не знаю!... Когда я почувствовала, что чистое и свѣжее лицо Клары прикасается къ моей опозоренной щекѣ.... щека моя разгорѣлась, отъ стыда, отъ угрызенія совѣсти.... Я вспомнила, кто я!... Принимать ласки отъ такой честной дѣвушки — казалось мнѣ обманомъ.... недостойнымъ притворствомъ.

— Помилуй, дитя мое....

— О! когда Родольфъ взялъ меня изъ Сите, я уже предчувствовала позоръ свой!.. Но воспитаніе, ваши совѣты, ваши примѣры развили во мнѣ умъ и заставили меня по-

нять, что я болѣе преступна, чѣмъ несчастлива!... До пріѣзда Клары, когда эти мысли начинали терзать меня, я старалась заглушить ихъ, угождая г-жѣ Жоржъ и вамъ, батюшка.... Я краснѣла за прошедшее, но только въ своихъ собственныхъ глазахъ.... Но увидавъ эту дѣвушку, моихъ лѣтъ, милую и добродѣтельную, я поняла, какое разстояніе насъ раздѣляетъ.... навсегда!... Тутъ въ первый разъ я почувствовала, что есть позоръ, котораго ничѣмъ нельзя смыть.... Эта мысль не покидаетъ меня! Не-хотя, я все думаю о ней — и нѣтъ мнѣ ни минуты покоя!

— Подумай, дитя мое, отвѣчалъ Аббатъ: г-жа Жоржъ назначала тебя въ подруги Кларѣ, стало-быть, она считала тебя достойною этой дружбы, по твоему доброму поведенію. Упреки, которыми ты себя мучишь, относятся къ г-жѣ Жоржъ.

— Знаю.... но я не могла преодолѣть стыда и страха; но это еще не все....

— Продолжай, Марія; до-сихъ-поръ всѣ твои опасенія показываютъ только, что у тебя доброе сердце.

— Вечеромъ, когда насъ положили спать въ одной комнатѣ, она заснула, но я не могла спать.... Думая, что она спитъ въ одной комнатѣ со мною.... со мною, которую нашли у Яги-бабы, между мошенниками и ворами, я вся дрожала, какъ преступница.... мнѣ было страшно.... я заснула и видѣла страшный сонъ.... ужасныя лица, давно мною забытыя.... Шуринера, Школьнаго Учителя, Совы, этой кривой женщины, которая такъ жестоко меня мучила.... О какая ночь! какой сонъ! повторяла Пѣвица, дрожа всѣмъ тѣломъ при одномъ воспоминаніи.

— Бѣдная Марія! Зачѣмъ не сказала ты мнѣ все это прежде? Я успокоилъ-бы тебя!... Но продолжай.

— Утромъ, Клара разбудила меня поцѣлуемъ. Для доказательства дружбы, она захотѣла повѣрить мнѣ свои тайны: когда ей будетъ восемьнадцать лѣтъ, ее отдадутъ за-мужъ за молодаго фермера изъ Гуссенвилля, котораго она нѣжно любитъ. Потомъ она разсказала мнѣ всю жизнь свою: она никогда не разставалась съ матерью и никогда

не разстанется, потому-что ея мужъ будетъ содержать ферму вмѣстѣ съ г. Дюбрелемъ. «Теперь, Марія, сказала она мнѣ: ты знаешь меня, какъ сестра; разскажи и ты жизнь свою мнѣ». Я думала, что умру со стыда.... покраснѣла, не помню, что говорила. Я не знала, что г-жа Жоржъ разсказала обо мнѣ, и боялась, что скажу что-нибудь несогласное съ ея словами. Клара непремѣнно хотѣла знать, гдѣ я воспитывалась, въ городѣ или въ деревнѣ? какъ звали моего отца? видала-ли я мать свою? Ея вопросы жгли меня... надобно было отвѣчать ложью, а вы учили меня, что стыдно лгать.... Клара не воображала, что я могу обмануть ее. Неясность моихъ отвѣтовъ я приписывала горести, которую пробуждали во мнѣ печальныя воспоминанія дѣтства. Клара повѣрила, жалѣла обо мнѣ съ нѣжностію, которая терзала мое сердце. Батюшка! вы никогда не поймете, сколько я страдала во время этого разговора! чего мнѣ стóилъ разсказъ, въ которомъ каждое слово — ложь и обманъ.

— Несчастная! Гнѣвъ Божій отмститъ за тебя тѣмъ, которые бросили тебя на путь погибели и принудили нести во всю жизнь тяжкое бремя послѣдствій перваго проступка!

— О! они должны быть очень-злы, прервала Марія съ грустью, потому-что стыдъ мой — вѣчный.... Когда Клара говорила мнѣ о своемъ будущемъ счастіи, о свадьбѣ, о семейной жизни, я не могла не сравнивать моей судьбы съ ея участью; не-смотря на всѣ ваши милости, моя судьба всегда будетъ жалкая; вы и г-жа Жоржъ, растолковавъ мнѣ добродѣтель, заставили меня увидать всю глубину моего прежняго униженія.... Еслибъ оставили меня въ порокѣ, нищета скоро убила-бы меня, и я умерла-бы, не зная чистоты, о которой вѣчно буду жалѣть!...

— Да, Марія, самая добродѣтель, если попадетъ въ грязь, носитъ на себѣ печать позора....

— Видите-ли, батюшка, мнѣ остается одно отчаяніе!

— Нѣтъ, сказалъ Аббатъ печально и торжественно:

на землѣ тебѣ остаются слезы, раскаяніе, но на небесахъ есть прощеніе!

. . . . . .

Дородная крестьянка, о которой мы говорили, догнала Аббата и сказала ему:

— Г–жа Жоржъ приказала мнѣ отнести эту корзинку съ фруктами къ вамъ въ домъ, и проводить назадъ Марію.... Теперь поздно, я взяла съ собою *Турка*, прибавила она, лаская огромную пиринейскую собаку, которая устояла–бы и противъ медвѣдя.

— Очень–умно, Клодина; мы ужъ пришли.... поблагодари отъ меня г–жу Жоржъ. А ты, Марія, приди ко мнѣ завтра, часовъ въ пять: я вижу, что мнѣ надобно еще поговорить съ тобою.

— Благодарю, батюшка; непремѣнно приду, когда вы мнѣ позволяете....

— Вотъ мы у дверей моего дома.... Поставь корзину, Клодина... Ступайте поскорѣй домой; ужъ совсѣмъ темно и очень–холодно. Прощай, Марія, до–завтра!

— До–завтра, батюшка!

Аббатъ вошолъ въ свой домъ.

Пѣвица и Клодина, вмѣстѣ съ *Туркомъ*, пошли поспѣшно назадъ.

V.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Наступила ночь, свѣтлая и холодная.

По совѣту Учителя, Сова спряталась въ оврагъ, подальше отъ дороги и поближе къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ Барбильйонъ, съ каретой.

Хромой стоялъ на караулѣ и поджидалъ Марію; онъ долженъ былъ заманить ее въ оврагъ, увѣривъ, что надобно помочь бѣдной старухѣ.

Скоро сынъ Красной–руки услышалъ разговоръ Маріи съ крестьянкой. Пѣвица не одна—все потеряно! Хромой поспѣшно сбѣжалъ въ оврагъ и увѣдомилъ Сову.

— Она не одна, сказалъ онъ потихоньку.

— Чортъ ее возми! закричала Сова въ бѣшенствѣ.

— Съ кѣмъ она? спросилъ Учитель.

— Вѣрно съ этой крестьянкой, которая недавно здѣсь проходила съ огромной собакой, отвѣчалъ Хромой. Я слышалъ женскіе голоса.... Слышите-ли стукъ ихъ деревянныхъ башмаковъ?

— Ихъ двѣ!... Я слажу съ дѣвочкой въ бѣломъ плащѣ.... да что дѣлать съ другой?... Учитель ничего не видитъ, а ты, Хромой, не сладишь съ толстухой, чтобъ чортъ ее побралъ! Какъ быть? какъ быть? повторяла Сова.

— Я не силенъ, а пожалуй брошусь на крестьянку, схвачу ее за ноги, буду кусать, и не отстану.... А ты между-тѣмъ справишься съ молоденькой!

— А если онѣ закричатъ?не поддадутся? На фермѣ услышатъ, и прибѣгутъ къ нимъ на помощь прежде, чѣмъ мы доберемся до кареты.

— И какая огромная съ ними собака, замѣтилъ Хромой.

— Это не бѣда, я пожалуй однимъ ударомъ башмака выбью ей зубы, сказала Сова.

— Онѣ близко, прервалъ Хромой, прислушиваясь къ топоту башмаковъ:—скоро спустятся въ оврагъ.

— Говори-же, безглазый, закричала Сова: что ты совѣтуешь, толстый дуракъ? Говори, развѣ ты сталъ нѣмымъ!

— Сего-дня нечего дѣлать! отвѣчалъ онъ.

— Какъ! развѣ мы лишимся тысячи франковъ траурнаго господина? Какъ-бы не такъ!... Давай ножъ, скорѣе!... Я убью крестьянку, чтобъ она не мѣшала намъ; а съ молоденькой я справлюсь, коли Хромушка мнѣ поможетъ.

— Но траурный господинъ не велѣлъ убивать!

— Ну что-жъ! мы поставимъ это не въ-счетъ!... Онъ намъ все-таки за это заплатитъ, вѣдь онъ нашъ сообщникъ.

— Вотъ онѣ!... Сошли въ оврагъ!... шепталъ Хромой.

— Давай ножъ!... сказала Сова тоже шопотомъ.

— О! не убивай! умолялъ Хромой: это ужасно, Сова! Не убивай!

— Давай ножъ, говорю тебѣ, повторила Сова, не обращая вниманія на просьбы Хромаго и снимая съ себя башмаки.... Я сниму башмаки, чтобъ онѣ не замѣтили, какъ я къ нимъ подкрадусь.... Теперь темно, но я узнаю молоденькую по плащу, и убью другую.

— Нѣтъ, не нужно, сказалъ Учитель: успѣемъ завтра.

— Ты боишься? Трусъ! прервала Сова, съ презрѣніемъ.

— Не боюсь, возразилъ Учитель, а ты можешь ударить неудачно, и испортить все дѣло.

Между-тѣмъ Турка почуялъ чужихъ, вдругъ остановился, лаялъ съ остервененіемъ и не хотѣлъ слушать Клодины, которая его усмиряла.

— Слышишь, какъ собака ихъ лаетъ!... Давай ножъ или я тебѣ! сказала Сова съ угрозою.

— Пожалуй возми.... силою! отвѣчалъ Учитель.

— Кончено! Онѣ прошли! сказала Сова, послушавъ немножко. Ты мнѣ за это заплатишь, проклятый!... Тысяча франковъ ускользнули отъ насъ по твоей милости.

— А, можетъ-быть, выиграно двѣ, три тысячи! прервалъ Учитель важно. Слушай, Совушка, и ты увидишь, что я имѣлъ причину не дать тебѣ ножа.... Ступай къ Барбильйону и отправляйся съ нимъ на мѣсто свиданія, гдѣ васъ ждетъ траурный господинъ. Ты скажешь ему, что сего-дня нельзя было ничего сдѣлать, но завтра все будетъ кончено....

— А ты куда-же? спросила Сова съ сердцемъ.

— Слушай-же: дѣвушка всякій день провожаетъ старика, одна; сего-дня она встрѣтила кого-то случайно; вѣрно, завтра намъ будетъ удача; завтра вечеромъ пріѣзжай сюда, въ каретѣ, съ Барбильйономъ.

— Да ты куда-же дѣнешься?

— Хромой отведетъ меня на ферму, гдѣ живетъ эта дѣвушка; онъ скажетъ, что мы заблудились, что я его

отецъ, работникъ, ослѣпшій отъ несчастнаго случая.... что мы шли въ Лувръ, къ родственнику, отъ котораго надѣемся получить помощь, и заблудились здѣсь, желая пройдти поближе, полями. Мы попросимъ позволенія ночевать въ фермѣ, въ какомъ-нибудь углу. Въ этомъ никогда не отказываютъ. Поселяне повѣрятъ и пустятъ насъ на ночь.... Хромой разсмотритъ хорошенько двери, окна, переходы въ домѣ. У этихъ людей всегда есть деньги зимою, когда надобно платить откупъ за ферму. У меня у самаго были земли, прибавилъ онъ съ грустію, такъ я знаю.... Ферма, вы мнѣ говорили, стоитъ уединенно; мы придемъ туда съ друзьями.... можно уладить дѣльцо....

— Славно! Вотъ изобрѣлъ! вскричала Сова. Продолжай, другъ мой.... продолжай!

— Завтра утромъ, я не уйду съ фермы, а скажу, что очень-боленъ и не могу идти. Если мнѣ не повѣрятъ, покажу рану на ногѣ, которая осталась у меня отъ цѣпей, и увѣрю, что обжегся.... Такъ я останусь еще на фермѣ, пока Хромой успѣетъ все высмотрѣть порядкомъ. Вечеромъ, когда дѣвушка пойдетъ провожать старика, и я выйду съ Хромымъ.... Мы пойдемъ за нею... и подождемъ ее здѣсь, у оврага; зная насъ, она не испугается, когда встрѣтится съ нами на возвратномъ пути.... Мы подойдемъ къ ней.... и какъ она будетъ въ моихъ рукахъ, такъ я отвѣчаю тебѣ, что и тысяча франковъ отъ насъ не уйдетъ.... Но это еще не все.... Дня черезъ три, мы попросимъ *обдѣлать ферму* Барбильйона или другихъ, и подѣлимся съ ними, потому-что мы все приготовили.

— Нѣтъ тебѣ подобнаго, безглазый, сказала Сова, поцѣловавъ его. А если завтра она не пойдетъ провожать старика?

— Такъ мы дождемся послѣ-завтра: такіе кусочки надобно глотать съ терпѣніемъ и холодные. Изъ этого выдутъ новые расходы, которые мы поставимъ на-счетъ траурному господину. Притомъ-же, въ фермѣ, по разсказамъ, я увижу, можно-ли похитить эту дѣвушку по нашему способу; если нѣтъ, выдумаемъ что-нибудь повѣрнѣе.

— Идетъ! Твоя выдумка—чудо! Послушай, когда ты совсѣмъ заболѣешь, тебѣ можно сдѣлаться совѣтникомъ воровъ; ты будешь наживаться какъ *тюремная крыса*. * Ну, поцѣлуй меня и ступай! Поселяне ложатся спать вмѣстѣ съ курами. Я уѣду, съ Барбильйономъ и буду завтра здѣсь ровно въ четыре часа, если только его не схватятъ за убійство мужа молочницы. Если не онъ, такъ будетъ другой: вѣдь фіакръ-то принадлежитъ траурному господину. Смотри, я буду ждать тебя здѣсь.

— Хорошо.... До завтра, Совушка.

— А, я и забыла дать воску Хромому; вѣдь надобноже снять мѣрку.... Хорошо-ли ты снимешь? спросила Сова, отдавая Хромому кусокъ воску.

— Какъ-же! Батюшка меня научилъ.... Я снималъ для него мѣрку съ замка отъ желѣзной шкатулки, которую нашъ шарлатанъ прячетъ въ темномъ своемъ кабинетѣ.... Ты учишь меня, такъ, стало-быть, хоть немного любишь?

— Люблю.... какъ будто ты мой сынъ отвѣчала Сова, цѣлуя Хромаго, которому это казалось очень лестнымъ. Прощай, безглазый....

— До завтра, Совушка.

Она отправилась къ фіакру.

Учитель и Хромой выбрались изъ оврага и пошли къ фермѣ; свѣтъ изъ ея оконъ служилъ имъ путеводителемъ.

Странная игра судьбы сближала Ансельма Дюронеля съ женою, которой онъ не видалъ съ-тѣхъ-поръ, какъ его сослали на галеры.

VI.

СЕЛЬСКАЯ БЕСѢДА.

Что̀ можетъ быть занимательнѣе кухни большаго сельскаго заведенія, въ минуту ужина, особенно зимою? Что̀

* Какъ адвокатъ.

лучше напоминаетъ о спокойствіи и блаженствѣ сельской жизни?

Доказательствомъ этому служила кухня Буквальской фермы.

Огромная печь, въ восемь футовъ шириною, казалась пылающимъ зѣвомъ; дубовыя дрова трещали въ ней. Этотъ огромный костеръ наполнялъ кухню тепломъ и и свѣтомъ, такъ, что лампа, привѣшенная къ потолку, казалась вовсе безполезною.

Огромные котлы и кастрюли, хорошо вычищенные и разставленные по полкамъ, горѣли какъ жаръ. Посреди стоялъ длинный столъ, покрытый толстою, но чистою скатертью; мѣсто каждаго служителя означалось его приборомъ.

На столѣ, большая чаша, полная супу съ овощами, дымилась, какъ кратеръ. Паръ разстилался по окороку, который стоялъ возлѣ, и по жареному барану, украшенному картофелемъ. Тутъ-же стояли блюдо телятины и два огромные салатника, съ разными салатами. Двѣ корзинки яблокъ и два куска сыра дополняли картину. Три или четыре кружки цидра стояли возлѣ нарѣзанныхъ ломтей бѣлаго хлѣба.

Старая дворовая собака, вся чорная, имѣла право, по старости лѣтъ, грѣться у печки. Это почтенное животное называлась буколическимъ именемъ *Лизандра*.

Можетъ-быть, ужинъ служителей фермы покажется слишкомъ великолѣпнымъ; но г-жа Жоржъ, по приказанію Родольфа, улучшала, сколько возможно, содержаніе работниковъ, выбранныхъ изъ самыхъ честныхъ и трудолюбивыхъ окрестныхъ поселянъ. Имъ дорого платили; доставляли всякія удовольствія; за то сосѣдніе земледѣльцы старались попасть на ферму и считали это величайшимъ счастіемъ.

Такимъ-образомъ Родольфъ создалъ *образцовую ферму*, гдѣ улучшали не только скотовъ и землепашество, но и людей; до этого достигали тѣмъ, что принуждали ихъ быть честными, дѣятельными, умными.

Приготовивъ ужинъ и поставивъ на столъ стараго добраго вина, для дессерта, кухарка позвонила въ колоколъ.

Тотчасъ человѣкъ пятнадцать вошли въ кухню. Всѣ, мужчины, женщины и дѣвушки, казались здоровыми, довольными и веселыми. Они готовились насладиться ужиномъ, наградою за тяжкіе дневные труды.

Старикъ Шателенъ занялъ первое мѣсто. Онъ съ юности находился на фермѣ; когда Родольфъ купилъ ее, старикъ получилъ мѣсто помощника г-жи Жоржъ. Онъ имѣлъ на всѣхъ служителей безграничное вліяніе, пріобрѣтенное лѣтами, знаніемъ дѣла и опытомъ

Всѣ сѣли.

Прочтя молитву, Шателенъ сдѣлалъ ножемъ крестъ на хлѣбѣ и отрѣзалъ кусокъ, который обыкновенно называется *долей бѣднаго*. Потомъ онъ налилъ стаканъ вина, для той-же цѣли, и все это было поставлено на середину стола, на тарелкѣ.

Въ эту минуту, сторожевыя собаки залаяли, какъ бѣшеныя. Старый *Лизандръ* отвѣтилъ имъ глухимъ рычаньемъ и оскалилъ зубы.

— Кто-то идетъ около стѣны нашей, сказалъ Шателенъ.

Онъ еще не кончилъ, какъ ужъ зазвѣнѣлъ колокольчикъ у воротъ.

— Кто пришелъ такъ поздно? спросилъ старикъ.... кажется, всѣ дома.... Рене! поди-ка, посмотри.

Рене, самый младшій изъ служителей, бросилъ ложку и побѣжалъ изъ кухни.

— Какъ это сего-дня не сошли къ намъ г-жа Жоржъ и Марія? онѣ всегда сидятъ у насъ во-время ужина, сказалъ Шателенъ: мнѣ очень хочется ѣсть, но я буду ѣсть безъ вкуса....

— Г-жа Жоржъ пошла въ комнату Маріи; она не совсѣмъ здорова, отвѣчала Клодина, та самая крестьянка, которая проводила пѣвицу домой и помѣшала Совѣ исполнить ея гнусныя намѣренія.

— Наша добрая Марія только нездорова, а не очень-больна? спросилъ Шателенъ съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, г-жа Жоржъ говорила, что это скоро пройдетъ; а то она послала-бы въ Парижъ за чорнымъ докторомъ.... Онъ вѣдь ужъ лечилъ Марію.... Вотъ странность! Арапъ—и докторъ!... Я никогда не могла-бы имѣть къ нему довѣрія. Бѣлый докторъ—другое дѣло....

— Развѣ г. Давидъ не вылечилъ Марію отъ первой болѣзни?

— Вылечилъ; а все-таки чорный докторъ страшенъ....

— А развѣ онъ не вылечилъ старуху Анику, которая не могла сойти съ постели три года сряду?

— И ее вылечилъ; все-таки, онъ чорный.... весь чорный!

— Послушай, Клодина: какого цвѣта твоя *Бѣляночка*?

— Вся бѣлая, какъ лебедь; и даетъ чудесное молоко; можно сказать и похвалить, она не покраснѣетъ....

— А твоя *Чернушка*?

— Чорная, какъ воронъ; тоже даетъ чудесное молоко, надобно быть ко всѣмъ справедливой.

— А молоко этой чорной коровы какого цвѣта?

— Само собою разумѣется, бѣлое.... бѣлое какъ снѣгъ....

— Такое-же бѣлое и вкусное, какъ и отъ *Бѣляночки*?

— Точно такое-же.... Молоку все равно, будь корова рыжая, бѣлая или чорная....

— Если все равно, такъ отчего-же чорный докторъ не стоитъ бѣлаго?

— Такъ.... отвѣчала Клодина, подумавъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если Чернушка даетъ такое-же молоко, какъ Бѣляночка, такъ стало-быть, цвѣтъ кожи ничего не значитъ.

Разсужденія Клодины прерваны приходомъ Рене.

— Какой холодъ! Морозитъ такъ, что камни трещатъ....

— Морозъ, когда начался при восточномъ вѣтрѣ, будетъ силенъ и продолжителенъ; развѣ ты этого не знаешь? Кто звонилъ?

— Слѣпой старикъ, съ проводникомъ — мальчикомъ, отвѣчалъ Рене Шателену.

VII.

ГОСТЕПРІИМСТВО.

— Чего-же хочетъ слѣпой? спросилъ Шателенъ.

— Они шли въ Лувръ по полямъ и заблудились; ночь темная и холодная; они просятъ позволенія переночевать въ фермѣ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ.

— Г-жа Жоржъ никогда не отказываетъ бѣдному въ пристанищѣ; она, вѣрно, согласится пріютить здѣсь бѣднаго слѣпца на-ночь; однакожъ все-таки надобно ей доложить.... Сходи-ка, Клодина.

Клодина вышла.

— А гдѣ онъ теперь?

— Въ маленькомъ сараѣ.

— За чѣмъ-же ты посадилъ его въ сарай?

— Еслибъ его оставить на дворѣ, собаки заѣли-бы его и съ мальчикомъ. Да.... я кричалъ изъ всей мочи: «Тибо, Медоръ!... молчи, Турка!... тише, Султанъ!» Какъ-бы не такъ: они точно съ ума сошли! А вѣдь здѣсь не учатъ ихъ кусать бѣдныхъ людей, какъ въ другихъ мѣстахъ.

— Вотъ, дѣти, сего-дня *доля бѣднаго* сохранилась не напрасно и пойдетъ въ дѣло. Сдвиньтесь немножко.... Хорошо! Поставьте еще два прибора, для слѣпаго и для его сына: вѣрно г-жа Жоржъ позволитъ имъ ночевать у насъ.

— Странно, что собаки такъ осерчали, продолжалъ Рене: особенно *Турка*, съ которымъ сего-дня ходила Клодина къ Аббату.... Я хотѣлъ его усмирить и сталъ гладить,—повѣрите-ли, шерсть на немъ стояла, какъ щетина.... точно дикобразъ.... Что ты объ этомъ скажешь, Шателенъ? вѣдь ты все знаешь!

— Я тебѣ скажу, что животные, можетъ-быть, знаютъ еще больше моего.... Осенью, во время урагана, когда наша рѣчка превратилась въ потокъ, я возвращался домой ночью, на рыжакѣ, и не зналъ, гдѣ бродъ.... Было темно, хоть глазъ выколи.... Я бросилъ поводья, а рыжакъ самъ отыскалъ бродъ, чего мы вѣрно-бы не нашли съ тобою. Кто его научилъ этому?

— Да, кто научилъ рыжака этому?

— Тотъ, Кто научилъ ласточку вить гнѣздо подъ кровлею, а орла—водиться на вершинахъ горъ. А! сказалъ онъ Клодинѣ, вошедшей въ кухню съ двумя чистыми простынями: вѣрно г-жа Жоржъ позволила слѣпцу поужинать и ночевать у насъ, вмѣстѣ съ сыномъ?

— Вотъ и простыни для нихъ, отвѣчала Клодина: они будутъ ночевать въ маленькой комнатѣ, на концѣ коридора.

— Ступай за ними, Рене, а ты, Клодина, поставь два стула къ огню; пришельцы погрѣются до ужина.... сегодня очень холодно.

Снова послышался неистовый лай собакъ; Рене тщетно старался ихъ успокоить.

Дверь въ кухню быстро отворилась: Учитель и Хромой вбѣжали, какъ-бы скрываясь отъ преслѣдованія.

— Смотрите за собаками!... вскричалъ Учитель, онѣ едва насъ не заѣли!

— У меня разорвали блузу въ клочки, прибавилъ Хромой, дрожа отъ-страха.

— Извини, старичокъ, сказалъ Рене, затворяя дверь.... Наши собаки никогда еще такъ не злились.... Вѣрно холодъ подстрекаетъ ихъ! У животныхъ нѣтъ разсудка; они думаютъ, что согрѣются, если укусятъ.

— Вотъ и этотъ туда-же, прервалъ Шателенъ, удерживая *Лизандра*, который рычалъ съ досадой и хотѣлъ броситься на пришельцевъ: онъ слышалъ, какъ прочія собаки лаяли, такъ хочетъ подражать имъ. Ложись сейчасъ, старый дуракъ, сей-часъ!... и ни съ мѣста!

Услышавъ повелѣніе Шателена, приправленное значи-

тельнымъ ударомъ ноги, Лизандръ неохотно воротился на прежнее мѣсто и легъ у огня.

Учитель и Хромой стояли у дверей, не смѣя подвинуться впередъ.

Завернувшись въ синій плащь съ мѣховымъ воротникомъ и надвинувъ шляпу на брови, злодѣй держалъ за руку Хромаго, который жался къ нему и смотрѣлъ на поселянъ съ недовѣрчивостію; честныя ихъ лица пугали сына Красной-руки.

Черты Учителя такъ страшны, что нѣкоторые служители фермы были поражены страхомъ, а другіе почувствовали къ нему отвращеніе. Это первое впечатлѣніе не укрылось отъ вниманія Хромаго. Страхъ поселянъ успокоилъ его; онъ гордился, что товарищъ его вселяетъ такой ужасъ. Послѣ перваго непріятнаго чувства, Шателенъ, подъ вліяніемъ обязанностей гостепріимства, сказалъ Учителю:

— Садись къ огню, старичокъ, и отогрѣйся. Потомъ ты будешь съ нами ужинать: ты вошолъ именно въ то время, какъ мы садились за столъ.... Садись сюда.... Что я тебѣ говорю? Я и забылъ, что ты слѣпъ, и надобно относиться къ твоему сыну. Ну-ка, мальчикъ, проводи его къ печи.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Хромой умильно и съ притворною кротостію: Господь Богъ вознаградитъ васъ за ваши милости.... Ступай за мной, батюшка, да поосторожнѣе.

Мальчикъ довелъ злодѣя до печи.

Сначала Лизандръ зарычалъ; потомъ, обнюхавъ Учителя, онъ завылъ протяжно и печально, что, по мнѣнію простолюдиновъ, значитъ смерть.

— Чортъ возьми! подумалъ Учитель: вѣрно эти проклятыя собаки чуютъ кровь!... Это платье было на мнѣ въ тотъ день, какъ я убилъ купца на дорогѣ въ Пуасси....

— Странно, замѣтилъ Рене,—старый Лизандръ завылъ, почуявъ нашего гостя....

Вой Лизандра былъ такъ пронзителенъ и жалокъ, что другія собаки, на дворѣ, услыхали его, и по собачьему

обыкновенію, принялись на-перерывъ повторять жалобныя завыванья!

Хотя служители фермы не отличались суевѣріемъ, однакожъ смотрѣли другъ на друга съ трепетомъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, тутъ происходило странное происшествіе.

Человѣкъ, на котораго нельзя взглянуть безъ страха, вошолъ въ ферму.... вдругъ собаки, обыкновенно добрыя и тихія, становятся бѣшеными и начинаютъ выть, предвѣщая, по народному преданію, смерть.

Самъ злодѣй, не-смотря на свою загрубѣлость и адскую отвагу, вздрогнулъ, услыхавъ вой смерти....

Только одинъ Хромой, какъ ребенокъ, испорченный съ минуты рожденія, ничего не чувствовалъ отъ этой моральной сцены.

Рене вышелъ изъ кухни и бичомъ разогналъ печальныя *предчувствія* Турка, Султана и Медора. Мало-помалу опечаленныя лица поселянъ развеселились. Страшное безобразіе Учителя внушало имъ болѣе состраданія, чѣмъ ужаса. Они жалѣли о Хромомъ, находили, что у него *плутовское* лицо, и хвалили его за нѣжныя попеченія объ отцѣ.

Аппетитъ служителей снова пробудился съ прежнею силою и, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, слышенъ былъ только стукъ вилокъ. Хромой ухаживалъ за Учителемъ чрезвычайно-усердно: рѣзалъ ему куски, наливалъ пить, давалъ хлѣба. Всѣ не могли нахвалиться его сыновнею услужливостію.

Это была одна сторона медали, а вотъ другая:

По врожденной жестокости и по духу подражанія, свойственному его лѣтамъ, Хромой находилъ особенное наслажденіе мучить Учителя, по примѣру Совы, которой онъ подражалъ съ гордостію и которую любилъ съ особенною преданностію.

Онъ вознаграждалъ свое ухаживанье ударами ногой, подъ столомъ, въ рану Учителя, котораго нога болѣла всегда, какъ обыкновенно бываетъ у всѣхъ галерниковъ.

Злодѣю слѣдовало вооружиться стоическимъ мужествомъ: Хромой, ударяя его ногою по ранѣ, выбиралъ именно, ту минуту, когда Учитель пилъ или разговаривалъ.

Однакожъ онъ выдержалъ испытанія и съ удивительнымъ терпѣніемъ сносилъ боль и гнѣвъ, думая, что весьма-опасно показать собесѣдникамъ, что происходитъ *подъ столомъ*. На это надѣялся и Хромой.

— Возми, батюшка, вотъ тебѣ орѣхъ, совсѣмъ очищенный, сказалъ Хромой, подавая Учителю орѣхъ безъ скорлупы.

— Ты очень жалокъ, добрый человѣкъ, прервалъ Шателенъ: но у тебя такой добрый сынъ.... это должно утѣшать тебя!

— Да, участь моя была-бы ужасна, безъ милаго сына....

Учитель не могъ удержаться и закричалъ.

Сынъ Красной-руки попалъ на этотъ разъ въ самую рану; боль была невыносимая.

— Боже мой! что съ тобой, добрый батюшка? спросилъ Хромой жалобнымъ голосомъ, и бросился къ мнимому отцу на шею.

Въ первую минуту гнѣва и бѣшенства, злодѣй хотѣлъ задушить мальчишку въ своихъ геркулесовскихъ объятіяхъ, и такъ прижалъ его къ груди, что Хромой едва не задохся и застоналъ.

Но, разсудивъ, что нельзя обойтись безъ Хромаго, Учитель удержалъ ярость и оттолкнулъ его къ стулу.

Во всемъ этомъ, поселяне видѣли только изъявленіе отцовской и сыновней любви; они подумали, что блѣдность и тяжелое дыханіе Хромаго происходятъ отъ его душевнаго волненія.

— Что съ тобой, старикъ? спросилъ Шателенъ.... Твой крикъ заставилъ мальчика поблѣднѣть.... Посмотри: онъ едва дышетъ!

— Такъ, ничего, отвѣчалъ Учитель, успокоившись. Я слесарь, и одинъ разъ, во время работы, уронилъ на ногу раскаленное желѣзо.... Съ-тѣхъ-поръ ношу рану,

которая никакъ не можетъ зажить. Сейчасъ я стукнулся о ножку стола, и не могъ выдержать боли.

— Бѣдный батюшка! заговорилъ Хромой, оправившись отъ *волненія:* никакъ не могли вылечить его ногу.... О! лучше-бы я былъ боленъ.... только-бы доставить ему здоровье....

Женщины посмотрѣли на Хромаго съ трогательнымъ участіемъ.

— Жаль, что ты не пришолъ сюда раньше.... У насъ былъ чудесный докторъ изъ Парижа.... Онъ вылечилъ одну старушку, которая не могла ходить.... Теперь она бѣгаетъ, какъ лань, и скоро пойдетъ пѣшкомъ, въ Парижъ, *въ улицу Вевъ*, благодарить своего избавителя.... Что съ тобой?... Опять рана?...

Улица Вевъ пробудила въ Учителѣ такія страшныя воспоминанія, что онъ не могъ не вздрогнуть.

— Да, отвѣчалъ онъ, опять больно....

— Добрый батюшка, успокойся, сего-дня вечеромъ я обмою тебѣ рану....

— Бѣдняжка! замѣтила Клодина: какъ онъ любитъ отца!

— Жаль, продолжалъ Шателенъ, что докторъ ужъ уѣхалъ.... Но онъ предобрый и ты можешь пойти къ нему прямо, когда воротишься въ Парижъ. Адрессъ его не трудно запомнить: въ улицѣ Вевъ, № 17. А если и забудешь, такъ легко отыскать его; въ этомъ кварталѣ мало докторовъ, а онъ еще и негръ....

Учитель страшно поблѣднѣлъ, услышавъ нумеръ Родольфова дома и потомъ намекъ на чорнаго доктора, который казнилъ его, по приказанію Родольфа, ужасною казнію. Онъ ежеминутно чувствовалъ ея жестокія послѣдствія.

Весь этотъ день былъ несчастливъ Учителю.

Утромъ, его мучили Сова и сынъ Красной-Руки. Онъ приходитъ на ферму, — собаки начинаютъ выть, предвѣщаютъ смерть и хотятъ его загрызть; наконецъ случай приводитъ его въ тотъ самый домъ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ находился его палачь.

Въ первый разъ въ жизни, онъ почувствовалъ родъ суевѣрнаго страха, и спрашивалъ у себя: неужели одинъ случай свелъ всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ?

— Впрочемъ, мы дадимъ тебѣ адрессъ чорнаго доктора, когда ты сберешься въ дорогу, а теперь выпьемъ-ка за его здоровье.

— Благодарю.... я не хочу пить.

— Выпей, батюшка, тебѣ будетъ легче.... это полезно желудку, сказалъ Хромой, подавая Учителю стаканъ съ виномъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!... не хочу пить.

— Вѣдь я налилъ тебѣ добраго стараго вина, сказалъ Шателенъ: не вездѣ такого найдешь! Нигдѣ нѣтъ такой фермы, какъ наша.... что скажешь про ужинъ?

— Прекрасный!... отвѣчалъ разсѣянно Учитель, и снова погрузился въ печальныя размышленія.

— Такъ-то у насъ всякій день.... Добрая работа и добрая ѣда, чистая совѣсть и чистая постель—вотъ наша жизнь въ четырехъ словахъ. Насъ здѣсь семь служителей; мы работаемъ за четырнадцать, и намъ платятъ вдвое. Земледѣльцамъ по полутораста экю въ мѣсяцъ, коровницамъ и служанкамъ фермы по шестидесяти.... И еще на насъ дѣлятъ пятую долю дохода съ фермы....

— Такимъ образомъ вашъ хозяинъ не скоро составитъ себѣ состояніе, замѣтилъ Учитель.

— Да онъ не похожъ на другихъ хозяевъ. Онъ обогащается по-своему.

— Какъ-же? спросилъ Учитель, желая продолженіемъ разговора разогнать чорныя свои мысли.

— Онъ необыкновенный человѣкъ во всемъ; и вы не уйдете отсюда, не узнавъ, что такое нашъ хозяинъ и къ чему служитъ наша ферма... Я вамъ все разскажу, но съ условіемъ: повторяйте вездѣ слова мои! Слушайте, это также пріятно слушать, какъ разсказывать.

— Я слушаю, отвѣчалъ Учитель.

VIII.

ОБРАЗЦОВАЯ ФЕРМА.

— Вы будете довольны моимъ разсказомъ, сказалъ Шателенъ.... Одинъ разъ нашъ хозяинъ подумалъ: «Я очень-богатъ, хорошо! но все-таки не могу обѣдать два раза.... Если я дамъ обѣдъ людямъ, которымъ ѣсть нечего или которые ѣдятъ не до-сыта? Прекрасно! примусь-ко за дѣло. Вотъ онъ и принялся за дѣло. Купилъ эту ферму.... Она была премаленькая, съ двумя сохами.... Я знаю, вѣдь я здѣсь родился. Онъ прикупилъ земли и отдалъ ферму женщинѣ, почтенной, но несчастной, и сказалъ ей: «Домъ вашъ будетъ открытъ для добрыхъ, запертъ для злыхъ; прогоняйте лѣнивыхъ пищихъ, но подавайте всегда милостыню, *работою*, трудолюбивымъ.... Такая милостыня не унижаетъ принимающаго, и доставляетъ пользу дающему». Такъ говорилъ хозяинъ, и не только говорилъ, но и подкрѣплялъ слова дѣлами.... Онъ затѣялъ строить дорогу въ Экуанъ.... и всякаго приглашаетъ на работу.... Работай только: вотъ тебѣ обѣдъ, лопатка и ломъ, и потомъ деньги....

— А какъ вспомнишь, что какіе-то два мерзавца, вмѣсто работы, только пообѣдали, да еще украли ломъ и лопатку, такъ и добро дѣлать не хочется, замѣтилъ Рене съ негодованіемъ.

— Правда, сказали другіе служители.

— Что́ вы, дѣти? прервалъ Шателенъ.... Такъ не надобно ни садить, ни сѣять, потому-что есть саранча и другія вредныя насѣкомыя, которыя гложутъ и портятъ хлѣбъ?... Ихъ давятъ, истребляютъ, а Господь-Богъ даетъ новый урожай и вознаграждаетъ за потери. Не такъ-ли, старичокъ?

— Да, да, отвѣчалъ Учитель, погруженный въ глубокую думу.... А мнѣ, калекѣ, дадутъ-ли изъ милости мѣсто въ углу фермы, и кусокъ хлѣба, на послѣдніе короткіе дни моей жизни? О! еслибъ это было возможно.... я всю жизнь благодарилъ-бы вашего хозяина!

Въ эту минуту злодѣй говорилъ отъ-души. Онъ не раскаявался въ своихъ преступленіяхъ; но тихая, счастливая жизнь поселянъ казалась ему завидною въ сравненіи съ будущностію, которую ему готовила Сова.

Шателенъ посмотрѣлъ на Учителя съ изумленіемъ.

— Я не думалъ, что ты нищій?

— Да, я почти нищій.... я ослѣпъ, не могу работать... Иду въ Лувръ просить помощи у родственниковъ.... но родные часто бываютъ эгоисты, грубые.

— О! какіе эгоисты устоятъ противъ несчастія... Слѣпой отецъ, лишенный всѣхъ средствъ, съ хромымъ малолѣтнымъ сыномъ, разжалобитъ камни.... Какъ-же твой хозяинъ тебѣ не поможетъ?

— Онъ умеръ!

— А больница для слѣпыхъ?

— Для нея, я еще молодъ.

— Бѣдный человѣкъ!... Очень жалко тебя!

— Если меня отвергнутъ въ Луврѣ, неужели вашъ хозяинъ, котораго я уже уважаю, ничего для меня не сдѣлаетъ?

— Къ-несчастію, ферма не богадельня.... Колекамъ позволяется прожить здѣсь только день или ночь.... потомъ имъ даютъ денегъ на дорогу и Богъ съ ними!

— Такъ я никакъ не могу заслужить милостивое вниманіе вашего хозяина? спросилъ Учитель со вздохомъ сожалѣнія.

— Я говорю тебѣ здѣшнія правила; а нашъ хозяинъ такъ добръ, такъ великодушенъ и милостивъ, что все можетъ сдѣлать.

— Онъ, можетъ-быть, согласится! вскричалъ Учитель. Я буду малымъ доволенъ и счастливъ.

— Если ты здѣсь останешься, такъ тебя не запрячутъ въ уголъ; ты будешь жить, какъ всѣ мы живемъ.... И сыну твоему дадутъ работу по его силамъ.... Въ добрыхъ совѣтахъ и добрыхъ примѣрахъ не будетъ не достатка; Аббатъ станетъ учить его вмѣстѣ съ другими дѣтьми, и сынъ твой выростетъ въ добрѣ.... Завтра все скажи откровенно нашей *матушкѣ* и попроси ее....

— Кто это? спросилъ Учитель.

— Такъ мы называемъ хозяйку фермы. Если она захочетъ, дѣло твое вѣрное.... Что́ касается до благотворенія, хозяинъ нашъ ни въ чемъ ей никогда не отказываетъ.

— Такъ я попрошу ее, твердилъ Учитель, воображая, что уже избавился отъ тиранства Совы.

Его желанія не очень нравились Хромому; онъ вовсе не хотѣлъ воспользоваться предложеніемъ стараго поселянина, и *выростать въ добрѣ*, подъ надзоромъ почтеннаго Аббата. Сынъ Красной-руки вовсе не чувствовалъ влеченія къ сельской жизни; притомъ, слѣдуя по стопамъ Совы, онъ не желалъ лишиться власти надъ Учителемъ. А потому онъ рѣшился напомнить о дѣйствительности злодѣю, который блуждалъ умомъ среди сельскихъ и веселыхъ мечтаній:

— Да, повторилъ Учитель, я попрошу ее.... она сжалится надо мною.... Хромой ловко ударилъ Учителя въ самую рану.

Боль остановила фразу злодѣя. Онъ остановился и потомъ продолжалъ:

— Я надѣюсь, что она сжалится надо мною!

— Бѣдный батюшка, сказалъ Хромой.... Развѣ ты ни за что́ считаешь добрую тетушку мою.... *Госпожу Сову*, которая такъ тебя любитъ!... Добрая тетушка Сова!... Она тебя не оставитъ.... Она придетъ сюда за тобою, вмѣстѣ съ братцемъ нашимъ *Барбильйономъ*.

— У старика есть родня между птицами, замѣтилъ Рене съ хитрою и довольною улыбкою, толкнувъ локтемъ свою сосѣдку Клодину.

— Экой безчеловѣчный! смѣешься надъ бѣдными! отвѣчала Клодина, отвѣсивъ ему порядочный ударъ тоже локтемъ.

— Г-жа Сова — ваша родственница? спросилъ Шателенъ у Учителя.

— Да, родственница, отвѣчалъ онъ съ печальнымъ и мрачнымъ безпокойствомъ.

— Такъ вы къ ней-то и идете въ Лувръ?

— Да, но я думаю, что сынъ мой ошибается: онъ черезъ-чуръ крѣпко на нее надѣется.

— Нѣтъ, батюшка, я не ошибаюсь, я въ этомъ увѣренъ!... Она такая добрая, моя тетушка Сова.... Она научила меня перевязывать тебѣ рану.... она прислала примочки.... она велѣла мнѣ ухаживать за тобою....

— Правда! правда!... прервалъ Учитель, останавливая словоохотливаго сына, а все-таки я завтра поговорю съ здѣшней хозяйкой, и попрошу ея предстательства у хозяина фермы.... Кстати о немъ.... Вы обѣщали разсказать мнѣ, что необыкновеннаго въ устройствѣ этой фермы?

Такимъ образомъ Учитель хотѣлъ перемѣнить разговоръ и заставить молчать неосторожнаго Хромаго.

— Я обѣщалъ, отвѣчалъ Шателенъ, и сдержу слово. Хозяинъ нашъ, выдумавъ *подавать милостыню работой*, сказалъ себѣ: существуютъ заведенія и преміи для улучшенія лошадей, земледѣльческихъ орудій и разныхъ другихъ предметовъ; пора завести что-нибудь для улучшенія людей.... Хорошіе люди нужнѣе хорошихъ скотовъ.

— Намъ разсказывали, замѣтилъ одинъ изъ служителей, что гдѣ-то есть ферма, на которой молодые мошенники, не совсѣмъ еще погибшіе, учатся земледѣлію.... Ихъ содержатъ какъ принцевъ....

— И это правда, и это хорошо! надобно очищать и злыхъ, но не слѣдуетъ забывать и добрыхъ. На эту ферму не можетъ придти честный человѣкъ и попросить работы; у него тотчасъ спросятъ: воровалъ-ли онъ?

— Да, правда, отвѣчалъ Рене: честнаго не примутъ.

— Чтобы дать такое-же мѣсто честному, хозяинъ нашъ и завелъ нашу ферму. На небесахъ, всякъ получитъ достойную награду; но и на землѣ, пока мы здѣсь, надобно доставить счастіе и довольство достойному и честному человѣку.... Слабыя души, работая и трудясь, и не получая тотчасъ вознагражденія, приходятъ въ отчаяніе и падаютъ духомъ, и думаютъ: зло наказывается, такъ не будемъ дѣлать зла; добро не приноситъ пользы, не будемъ дѣлать и добра.... Эти мысли очень вредны, дѣти мои.... Онѣ ведутъ къ безпечности, а безпечность

сближаетъ съ лѣнью, а отъ лѣни ужъ недалеко до порока.... Этихъ людей, которые не дѣлаютъ ни добра, ни зла, которыхъ нельзя назвать ни добрыми, ни злыми, очень много.... Ихъ-то и хотѣлъ улучшить нашъ хозяинъ.... Онъ хотѣлъ показать имъ, какъ полезны дѣятельность, трудолюбіе, чувство долга; доказать, что если они будутъ лучше, то будутъ и счастливѣе.... Онъ выбралъ шесть поселянъ и шесть поселянокъ, и назначилъ имъ отличное жалованье и содержаніе.... За то съ-тѣхъ-поръ всѣ окружные поселяне трудятся, живутъ честно, ведутъ себя отлично, въ надеждѣ получить мѣсто въ Буквальской фермѣ. Служители живутъ здѣсь по два года, а потомъ выходятъ и опредѣляются къ другимъ фермерамъ.

— Меня ужъ нанялъ г. Дюбрель, въ Арнувиллѣ, сказалъ Рене.

— А меня въ Гонессъ, подхватилъ другой его товарищъ.

— Видите-ли, какъ ферма полезна! продолжалъ Шателенъ: и сосѣди ею пользуются. У насъ только двѣнадцать ваканцій, но, можетъ-быть, образовалось человѣкъ пятьдесятъ честныхъ и трудолюбивыхъ, которые хотѣли попасть сюда.... Иной никогда не попадетъ, а всю жизнь проведетъ честно, изъ того, чтобы имѣть право поступить на эту ферму!... Не правду-ли я говорилъ, что ферма наша — не простая, и хозяинъ нашъ — человѣкъ необыкновенный?

— О! правда! правда! отвѣчалъ Учитель.... Чѣмъ больше его доброта и великодушіе мнѣ кажутся великими, тѣмъ болѣе я надѣюсь, что онъ сжалится надъ моими несчастіями. Такой благотворительный и умный человѣкъ не погонится за лишнимъ благодѣяніемъ!

— Нѣтъ, именно погонится, потому-что никогда не пропускаетъ случая сдѣлать кому-нибудь добро. Мнѣ кажется, что мы увидимся опять на фермѣ, и что ты не въ послѣдній разъ сидишь съ нами за столомъ.

— Да, и я надѣюсь.... О! еслибъ вы знали, какъ я радъ и благодаренъ, сказалъ Учитель: скажите мнѣ скорѣй его имя и имя вашей хозяйки?... Я буду благословлять ихъ!

— Нетерпѣніе твое очень понятно. Ты, можетъ-быть, думаешь услыхать какіе-нибудь громкія имена?... Такъ нѣтъ, имена самыя простыя, но для насъ драгоцѣнныя.... Ее зовутъ г-жею *Жоржъ*, а его—*Родольфомъ*.

— Жена моя.... и палачъ мой.... прошепталъ злодѣй, пораженный этимъ открытіемъ, какъ громомъ.

IX.

НОЧЬ.

— Родольфъ! г-жа Жоржъ!

Учитель чувствовалъ, что это непростое, случайное стеченіе именъ; подвергая его страшной казни, Родольфъ сказалъ ему, что принимаетъ самое живое участіе въ г-жѣ Жоржъ. Наконецъ, недавнее присутствіе негра Давида на этой фермѣ, показывало Учителю, что догадки его совершенно справедливы.

Онъ понялъ, что сама судьба разрушаетъ надежды его на милость и великодушіе хозяина образцовой фермы.

Прежде всего пришло ему на мысль—бѣжать!

Имя Родольфа внушало ему непреодолимый страхъ.... Можетъ-быть, въ эту самую минуту, Родольфъ находится на фермѣ!... Учитель, оправившись отъ изумленія, всталъ изъ-за стола, взялъ Хромаго за руку и кричалъ въ испугѣ:

— Пойдемъ.... веди меня.... уйдемъ отсюда!

Поселяне смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ.

— Уходишь?... въ такую пору?... Да какъ можно! сказалъ Шателенъ. Что съ тобой? Не съ ума-ли ты сошелъ?

— Хромой ухватился за послѣднія слова, вздохнулъ протяжно и кивнулъ головою, для подтвержденія предположеній старика земледѣльца. Приставивъ палецъ ко лбу, онъ показалъ поселянъ, что голова отца его не совсѣмъ въ порядкѣ.

Шателенъ отвѣчалъ ему, тоже знаками, что понимаетъ въ чемъ дѣло и очень жалѣетъ.

— Пойдемъ! Скорѣй! Скорѣй!... повторялъ Учитель, и тащилъ за собою мальчика.

Хромой, рѣшившись не мѣнять теплаго пристанища на прогулку по полямъ въ холодную ночь, отвѣчалъ жалобнымъ голосомъ:

— Бѣдный батюшка!... съ тобой опять начинается припадокъ.... успокойся, не выходи отсюда.... ночь очень-холодна.... Тебѣ будетъ еще хуже. Повѣришь-ли?... я скорѣе рѣшусь огорчить тебя непослушаніемъ, чѣмъ вести тебя отсюда!... Добрые люди! Вы не выпустите отсюда батюшку!

— О! будь спокоенъ, отвѣчалъ Шателенъ: вороты заперты, и мы ихъ не отворимъ.... Ему придется, хоть по неволѣ, провести ночь на фермѣ.

— Нѣтъ, вы не принудите меня остаться здѣсь! кричалъ Учитель: я не хочу безпокоить вашего хозяина, господина.... Родольфа!... Вы сей-часъ сказали мнѣ, что ферма—не богадельня. Такъ позвольте мнѣ уйти.... пустите меня....

— Чѣмъ-же ты безпокоишь нашего хозяина?... Къ несчастію, онъ живетъ не на фермѣ, и ѣздитъ къ намъ не такъ часто, какъ-бы мы желали. Да еслибъ онъ даже былъ здѣсь, такъ чѣмъ можешь ты его обезпокоить?... Правда, наша ферма—не богадельня, но я тебѣ сказалъ, что несчастные и увѣчные, достойные сожалѣнія, какъ ты, на-примѣръ, могутъ провести у насъ ночь и день....

— Такъ вашего хозяина нѣтъ здѣсь.... сего-дня вечеромъ? спросилъ Учитель съ меньшимъ страхомъ.

— Нѣтъ, а онъ пріѣдетъ дней черезъ пять или шесть.... Ты видишь, что безпокоишься изъ пустяковъ.... Даже и хозяйка наша сего-дня не сойдетъ къ намъ.... А она, вѣрно, успокоила-бы тебя.... Она приказала уже постлать вамъ постели?... Впрочемъ, если ты не увидишь ее сего-дня вечеромъ, такъ успѣешь поговорить съ нею завтра утромъ, прежде чѣмъ отправишься въ путь.... Ты попросишь ее, чтобъ она попросила за тебя хозяина.... и тебя оставятъ у насъ на фермѣ....

— Нѣтъ! нѣтъ! закричалъ опять злодѣй съ ужасомъ: я раздумалъ! Сынъ мой правъ: моя родственница въ Луврѣ сжалится надо мною.... Я пойду къ ней!

— Какъ тебѣ угодно! отвѣчалъ спокойно Шателенъ, воображая, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ: Ты пойдешь завтра утромъ; а пускаться въ дорогу теперь, вечеромъ, съ маленькимъ мальчикомъ,—нельзя!

Хотя Родольфа не было на фермѣ, однакожъ страхъ Учителя не прошелъ. Не-смотря на свое искусственное безобразіе, онъ опасался, что жена узнаетъ его, а она могла скоро сойти въ кухню. Онъ воображалъ, что она велитъ захватить его и представить въ полицію: предположеніе свое онъ основывалъ на той мысли, что Родольфъ наказалъ его страшною казнію только для удовлетворенія ненависти и мщенія г-жи Жоржъ.

Но злодѣй не могъ уйти съ фермы; онъ совершенно зависѣлъ отъ Хромаго. Онъ рѣшился остаться; но, избѣгая встрѣчи съ женою, сказалъ Шателену:

— Если я въ-самомъ-дѣлѣ, какъ вы увѣряете, не обезпокою ни хозяина вашего, ни хозяйки.... то я съ благодарностію принимаю ваше гостепріимное предложеніе. Но я очень усталъ; позвольте мнѣ сей-часъ-же лечь спать.... Мнѣ хочется идти завтра, какъ можно раньше....

— Завтра уйдя хоть до разсвѣта, какъ угодно; мы встаемъ очень-рано.... а чтобъ вы опять не заблудились, васъ проводятъ до большой дороги.

— Если угодно, сказалъ Рене, я провожу его; г-жа Жоржъ приказала мнѣ ѣхать завтра за деньгами, къ нотаріусу въ Виллье-Лебель.

— Да, ты его проводишь, да только пѣшкомъ, отвѣчалъ Шателенъ; хозяйка наша передумала: ей показалось, и дѣльно, что не нужно держать на фермѣ огромную сумму денегъ. Успѣемъ взять ихъ въ будущій понедѣльникъ, а до-тѣхъ-поръ денежки полежатъ у нотаріуса.

— Она лучше моего знаетъ, что́ надобно дѣлать; чего бояться за деньги на нашей фермѣ?

— Разумѣется, бояться нечего, а все-таки лучше стеречь пять-сотъ кулей съ мукóю, чѣмъ десять мѣшковъ съ серебромъ.

— Ну, добрые люди, прибавилъ Шателенъ, обращаясь къ Хромому и Учителю: ступайте за мною, я вамъ посвѣчу.

Онъ повелъ ихъ въ маленькую комнату, въ нижнемъ этажѣ, черезъ широкій корридоръ, гдѣ Хромой замѣтилъ нѣсколько дверей.

Шателенъ поставилъ свѣчу на столъ и сказалъ Учителю:

— Вотъ твое убѣжище; спи спокойно.... А ты, дитя, вѣрно, заснешь хорошо; въ твои лѣта вездѣ спятъ пріятно и крѣпко.

Злодѣй, печальный и задумчивый, сѣлъ на кровать, къ которой привелъ его Хромой.

Когда Шателенъ выходилъ изъ комнаты, Хромой кивнулъ ему головою и выбѣжалъ за нимъ въ корридоръ.

— Что́ тебѣ надобно, дитя мое? спросилъ Шателенъ.

— Сжальтесь надо мною! У батюшки, по ночамъ, часто случаются припадки.... какія-то конвульціи!... Одинъ, я не могу съ нимъ управиться.... Если я стану звать на помощь, услышатъ-ли голосъ мой?

— Бѣдненькій! сказалъ земледѣлецъ съ участіемъ.... будь спокоенъ.... Видишь дверь, тамъ у лѣстницы?

— Вижу.

— Тамъ спитъ всегда одинъ изъ служителей; только разбуди его.... Ключъ въ замкѣ.... Служитель тотчасъ придетъ тебѣ на подмогу.

— Да, можетъ-быть, мы и вдвоемъ не сладимъ съ батюшкой, если съ нимъ случится сильный припадокъ.... Нельзя-ли и вамъ придти.... Вы такой добрый!...

— Да я сплю въ другомъ флигелѣ, вмѣстѣ съ другими служителями, далеко отсюда, на концѣ двора; но успокойся, Рене такой силачъ, что съ одного удара можетъ

убить быка. Впрочемъ, если вамъ понадобится еще помощь, онъ сходитъ за кухаркой.... она спитъ въ верхнемъ этажѣ, возлѣ нашей хозяйки и Маріи.... Въ случаѣ нужды, добрая кухарка не откажетъ помочь твоему отцу.

— Покорно благодарю.... Какъ вы милостивы! Богъ вознаградитъ васъ за участіе къ бѣдному моему батюшкѣ....

— Хорошо! хорошо! Авось-либо онъ проведетъ ночь спокойно и тебѣ не нужно будетъ помощи.... Ступай къ нему, онъ тебя ждетъ.

— Прощайте, нашъ благодѣтель!

Когда Шателенъ повернулся и пошелъ, Хромой проводилъ его любимымъ жестомъ парижскихъ шалуновъ: онъ ударилъ себя по затылку ладонью лѣвой руки нѣсколько разъ, и при каждомъ ударѣ прикладывалъ ко лбу правую руку.

Съ удивительною ловкостію, опасный мальчикъ выпыталъ часть свѣдѣній, необходимыхъ для исполненія гнусныхъ намѣреній Учителя и Совы. Онъ зналъ уже, что во всемъ домѣ, гдѣ его пріютили съ мнимымъ отцомъ, спятъ только хозяйка, Марія, старая кухарка и одинъ служитель.

Хромой, войдя въ свою комнату, не подошелъ, разумѣется, къ Учителю; однако слѣпой услыхалъ его шаги и спросилъ:

— Откуда ты, мерзавецъ?

— Ты, безглазый другъ, слишкомъ любопытенъ.

— О! ты заплатишь мнѣ за все, что я перенесъ сегодня отъ тебя, проклятый! вскричалъ Учитель въ бѣшенствѣ, всталъ съ постели и искалъ Хромаго ощупью, держась за стѣны.... Я задушу тебя, проклятая змѣя, если поймаю!

— Бѣдный батюшка!... Мы очень развеселились... Ты играешь въ жмурки съ сынкомъ!... сказалъ Хромой съ хохотомъ. Онъ безъ большихъ хлопотъ укрывался отъ поисковъ слѣпаго.

Учитель увлекся сначала безразсуднымъ гнѣвомъ; но потомъ, какъ и всегда, былъ принужденъ бросить безполезные поиски.

Злодѣй понималъ, что принужденъ оставить мщеніе до болѣе удобной минуты. Онъ скрылъ безполезный гнѣвъ и бросился въ постель съ проклятіями.

— Что съ тобой, добрый батюшка? Не болятъ-ли у тебя зубы, что ты такъ ругаешься? А если услышитъ Аббатъ? Вѣдь онъ тебя поставитъ на колѣнки!

— Чудесно! Безподобно! сказалъ наконецъ Учитель, послѣ долгаго молчанія, принужденнымъ голосомъ.... Смѣйся надо-мною, пользуйся моимъ несчастіемъ!... подлецъ!... какъ это великодушно!

— Вотъ штука! Заговорилъ о великодушіи!... отвѣчалъ Хромой съ хохотомъ: не худо!... А вы изволили-ль надѣвать перчатки, когда раздавали кулачные удары направо и налѣво, всѣмъ и каждому, въ то время, какъ вы еще не были кривы на оба глаза!...

— Я тебѣ никогда ничего не сдѣлалъ дурнаго? За что-же ты такъ меня мучишь?

— А за то во-первыхъ, что ты наговорилъ дерзостей Совѣ.... А потомъ, ты хотѣлъ казаться святымъ, остаться здѣсь, съ земледѣльцами. Не хотѣлъ-ли ты пить ослинаго молока?

— Мерзавецъ.... Да еслибъ я хотѣлъ здѣсь остаться, такъ ты помѣшалъ-бы мнѣ своими дерзостями!

— Остаться здѣсь! Вотъ еще штука!... А кто забавлялъ-бы *госпожу Сову?* Ужъ не я-ли? Покорно благодарю, я ужъ отвѣдалъ!

— Проклятый мальчишка!

— Мальчишка! тѣмъ лучше! Я согласенъ съ *тетушкой* Совой: мнѣ чрезвычайно весело бѣсить тебя до-упаду.... Ты можешь убить меня кулакомъ.... Вотъ это и пріятно!... А еслибъ ты былъ слабъ!... Не стóило-бы труда бѣсить тебя!... Какъ ты смѣшилъ меня сегодня за ужиномъ! Какую комедію я представлялъ самъ себѣ! Точь-въ-точь драма въ Театрѣ Веселостя! При каждомъ моемъ ударѣ

ногою, вся кровь бросалась тебѣ въ голову; твои бѣлые глаза казались мнѣ съ красною каймою; еслибъ у тебя были синіе зрачки, такъ глаза твои совсѣмъ были-бы похожи на трехцвѣтную кокарду.... какъ у полицейскихъ сержантовъ....

— Ну, все равно; ты любишь дурачиться, шутить; это въ твоихъ лѣтахъ! я не сержусь, прервалъ Учитель, ласково, надѣясь разжалобить и умилостивить Хромаго.... Но ты теряешь время на вранье, а не вспомнишь о приказаніяхъ Совы, которую ты такъ любишь. Ты долженъ все высмотрѣть, снять замки.... Они говорили о значительной суммѣ денегъ, которую привезутъ сюда въ понедѣльникъ. Слышалъ-ли ты?... Мы придемъ сюда съ друзьями, и дѣльцо будетъ славное.... Ба! я съ ума сошолъ, что хотѣлъ здѣсь остаться!... Мнѣ черезъ недѣлю до смерти надоѣли-бы эти глупые земледѣльцы! Не правда-ли? спросилъ Учитель у Хромаго, желая польстить его самолюбію.

— Ты меня очень-бы огорчилъ, отвѣчалъ сынъ Красной-руки съ насмѣшкою: даю тебѣ въ этомъ честное слово.

— Да, здѣсь можно нажиться.... А если нечего украсть, такъ я все-таки приду сюда съ Совою.... хочу отмстить за себя.... сказалъ Учитель съ гнѣвомъ и ненавистію.... Вѣрно, жена моя вооружила противъ меня проклятаго Родольфа.... А онъ, ослѣпивъ меня, отдалъ меня на жертву всѣмъ и каждому.... и Совѣ.... и тебѣ, ничтожный мальчишка!.... Я не могу отмстить ему, такъ отмщу женѣ моей! Да, она за всѣхъ заплатитъ, еслибъ даже мнѣ пришлось поджечь ферму и погибнуть подъ ея развалинами.... О! Хочу! непремѣнно хочу!

— Ты хочешь поймать жену, а она отъ тебя въ десяти шагахъ.... вотъ это досадно!... Если я захочу, такъ приведу тебя въ ея комнату. Да.... я знаю гдѣ она спитъ! Знаю, знаю, знаю, запѣлъ Хромой по своему обыкновенію.

— Ты знаешь, гдѣ ея комната? закричалъ Учитель съ звѣрскою радостію.

— Ага! теперь ты становишься на заднія лапки, какъ собаченка, которой показали кость.... Ну, хорошенько, старый *Азоръ*.

— Такъ ты знаешь, гдѣ комната моей жены? повторялъ злодѣй, повернувшись въ ту сторону, гдѣ слышалъ голосъ Хромаго.

— Да, знаю; а что̀ еще лучше—только одинъ мужчина спитъ во всемъ этомъ домѣ.... Я знаю дверь его комнаты; ключъ снаружи.... Поверни ключь, такъ молодецъ и запертъ.... Ну, вставай на заднія лапки, старый Азоръ.

— Кто тебѣ все это показалъ?

— Слушай, Азоръ.... Возлѣ комнаты твоей жены, спитъ старая кухарка.... И ее можно запереть.... Тогда мы полные хозяева дома, властелины твоей жены и дѣвочки въ бѣломъ плащѣ, которую мы хотѣли похитить.... Ну, давай лапку, Азоръ, скорѣй!

— Ты лжешь.... Гдѣ тебѣ все это знать?

— Я хромъ, но не дуракъ.... Сейчасъ я выдумалъ сказать этому глупому старику, что у тебя по ночамъ бываютъ конвульціи, и спросилъ, гдѣ мнѣ искать помощи, если съ тобою случится припадокъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что, въ случаѣ нужды, я могу разбудить служителя и кухарку, и показалъ, гдѣ они спятъ.... одинъ внизу, а другая вверху.... возлѣ твоей жены! твоей жены! твоей жены!

Хромой проглотилъ послѣднія слова.

Послѣ долгаго молчанія, Учитель сказалъ ему спокойнымъ голосомъ, съ искреннею и страшною рѣшимостію:

— Послушай.... Жизнь мнѣ надоѣла.... Сейчасъ, за ужиномъ, во мнѣ родилась надежда, отъ которой будущая участь моя мнѣ кажется еще ужаснѣе.... Тюрма, галеры, гильотина — ничто въ сравненіи съ мученіями, которыя я вытерпѣлъ съ сегоднишняго утра.... И такъ всегда будетъ!... Проводи меня до комнаты моей жены.... вотъ мой ножъ.... я убью ее!... Потомъ меня убьютъ, но мнѣ все равно.... мщеніе душитъ меня.... Я отмщу ей и успокоюсь.... Какъ я страдаю!... Еслибъ ты понималъ мои мученія, и ты сжалился-бы надо мною.... Че-

репъ распадается на части, жилы такъ бьются, что лопнутъ.... мозгъ въ броженіи....

— А! воспаленіе мозга, насморкъ!... знаю.... Чихни, это прослабитъ мозгъ, сказалъ Хромой съ неистовымъ хохотомъ.... Не хочешь-ли табачку? Потомъ онъ началъ громко стучать пальцемъ по сжатому кулаку лѣвой руки, какъ по табакеркѣ и запѣлъ:

У меня въ табакеркѣ
Есть хорошій табачокъ....
Только нюхать табачокъ —
Не тебѣ мой дружокъ!...

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ Учитель. Они хотятъ свести меня съ ума! Онъ въ-самомъ-дѣлѣ выходилъ изъ себя, отъ неистоваго, кровожаднаго желанія мстить, которое его мучило и терзало....

Онъ былъ похожъ на голоднаго, бѣшенаго волка, котораго цѣлый день ребенокъ дразнитъ за стѣнками желѣзной клѣтки.... онъ чуетъ въ двухъ шагахъ жертву.... она можетъ утолить его голодъ и злобу, а достать ее нельзя!

При послѣдней насмѣшкѣ Хромаго, злодѣй потерялъ терпѣніе.

Не имѣя въ рукахъ жертвы, онъ въ бѣшенствѣ захотѣлъ пролить собственную кровь.... кровь его душила....

Онъ рѣшился убить себя. Еслибъ у него въ рукахъ былъ заряженный пистолетъ, онъ не медлилъ-бы ни минуты. Онъ пошарилъ въ карманѣ, вынулъ длинный кинжалъ и хотѣлъ ударить себя.... Но страхъ, размышленіе, помѣшали ему....

Рука съ кинжаломъ опустилась на колѣна....

Хромой внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями, Увидавъ невинную развязку трагической выходки, онъ закричалъ:

— Здѣсь дуэль!... Слуга, ступай скорѣй жарить утокъ!...

Учитель не захотѣлъ (если можно такъ выразиться) слышать послѣдней обиды Хромаго, который безстыдно насмѣхался надъ трусостью злодѣя. Видя, что нельзя избавиться отъ *жестокости* сына Красной-руки, онъ попытался тронуть его за живое, за страсть къ наживѣ.

— О! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.... проводи меня къ женѣ.... Ты возмешь въ ея комнатѣ все, что тебѣ угодно, а потомъ убѣжишь, оставишь меня одного.... Даже созови людей, если тебѣ угодно.... Меня схватятъ, убьютъ на мѣстѣ.... тѣмъ-лучше.... Я умру послѣ мщенія, а самъ не имѣю силъ расквитаться съ жизнію.... Проводи меня, сдѣлай милость.... У ней, вѣрно, много золота, драгоцѣнныхъ вещей; ты все возмешь.... все это тебѣ одному.... слышишь-ли? тебѣ одному! Я только прошу, чтобъ ты проводилъ меня до дверей ея спальни!

— Да, понимаю; надобно довести тебя сначала до дверей, а потомъ до постели.... а потомъ указать, куда ударить.... а потомъ управлять твоею рукою.... Не такъ-ли? Ты хочешь сдѣлать меня рукояткою своего ножа, старое чудовище! отвѣчалъ Хромой съ презрѣніемъ, гнѣвомъ и отвращеніемъ. Во весь день, лицо его было весело и насмѣшливо; теперь оно стало сурово и мрачно. — Нѣтъ, скорѣе умру, чѣмъ провожу тебя до комнаты жены твоей!

— Такъ ты не хочешь?

Хромой ничего не отвѣчалъ.

Онъ снялъ сапоги и потихоньку подкрался къ Учителю, который все еще держалъ ножъ въ рукахъ. Съ неимовѣрною ловкостію и быстротою выхватилъ онъ ножъ изъ рукъ злодѣя и отпрыгнулъ на другой конецъ комнаты.

— Отдай ножъ! отдай! кричалъ Учитель, размахивая руками.

— Не отдамъ; ты, пожалуй, завтра скажешь, что хочешь говорить съ женою, да бросишься на нее и убьешь.... Вѣдь тебѣ жизнь надоѣла, ты самъ признаешься, а самъ съ собою не смѣешь раздѣлаться!

— Теперь онъ защищаетъ жену противъ меня! Да это чудовище, сущій демонъ! За-чѣмъ защищаешь ты ее?

— Хочу побѣсить тебя....

Лицо Хромаго стало по прежнему насмѣшливымъ и веселымъ.

— Такъ-то! прошепталъ Учитель, совершенно забываясь.... Хорошо! Я подожгу домъ.... Мы всѣ сгоримъ!... всѣ!... Гдѣ свѣчка?

— Ха! ха! ха! Еслибъ не погасили твоихъ двухъ свѣчъ, и навсегда, такъ ты зналъ-бы, что наша погашена ужъ цѣлый часъ....

И Хромой началъ пѣть:

Свѣчка погасла,
Темно вездѣ....

Учитель глухо застоналъ, протянулъ руки, и повалился съ постели, лицомъ на полъ. Кровь ударила ему въ голову. Онъ лежалъ безъ чувствъ.

— Стара штука! говорилъ Хромой: притворяется.... ты хочешь приманить меня къ себѣ, да потомъ порядочно поколотить.... Знаю!... Когда тебѣ надоѣстъ, такъ самъ вскочишь....

Рѣшившись не спать, чтобъ Учитель не могъ къ нему подкрасться, Хромой сѣлъ на стулъ и пристально смотрѣлъ на злодѣя. Онъ былъ увѣренъ, что Учитель ловитъ его, и вовсе не думалъ, что мнимый его батюшка находится въ опасности.

Для пріятнаго развлеченія, Хромой таинственно вынулъ изъ кармана красный шолковый кошелекъ, и медленно пересчитывалъ, съ невыразимою жадностію и радостію, семнадцать луидоровъ.

Онъ нажилъ сокровище, когда маркиза Дарвилль едва не попала въ руки мужа, отправляясь на роковое свиданіе съ Маіоромъ. Родольфъ, отдавая красный кошелекъ маркизѣ, научилъ ее идти въ пятый этажъ, къ Морелямъ, и прикрыть свою поѣздку предлогомъ благотворительности. Маркиза быстро бѣжала по лѣстницѣ, съ кошелькомъ въ рукахъ, когда Хромой, выходя отъ шарлатана, увидалъ кошелекъ, притворно упалъ, поровнявшись съ маркизой, толкнулъ ее, и въ ту-же минуту вырвалъ у нея кошелекъ. Маркиза, въ смущеніи, преслѣдуемая мужемъ, вбѣжала въ пятый этажъ, не смѣя остановиться и пожаловаться на дерзкаго вора.

Пересчитавъ золото, Хромой взялъ свѣчу, вышелъ въ корридоръ, осмотрѣлся и пошелъ, босикомъ, снимать мѣрки съ замковъ. Еслибъ его застали, онъ сказалъ-бы, что ищетъ помощи для больнаго отца.

Возвратясь, Хромой увидалъ, что Учитель все еще лежитъ на полу.... Въ первую минуту онъ испугался и началъ прислушиваться: — злодѣй дышалъ свободно. Мальчикъ вообразилъ, что Учитель все еще хитритъ съ нимъ.

— Что? Все тоже? Пора перестать! сказалъ онъ.

Случай спасъ Учителя отъ удара, который могъ быть смертельнымъ. Онъ упалъ лицомъ, разшибъ носъ, и обильное кровотеченіе спасло его.

Потомъ онъ впалъ въ лихорадочное онѣменіе, похожее на сонъ и на бредъ.... Тогда-то ему приснилось страшное сновидѣніе!

X.

СНОВИДѢНІЕ.

Учитель видѣлъ во снѣ Родольфа, въ роковомъ домѣ улицы Вевъ.

Въ залѣ, гдѣ казнили злодѣя, ничто не перемѣнилось.

Родольфъ сидитъ за столомъ, на которомъ лежатъ бумаги Учителя, и маленькій крестикъ, подаренный имъ Совѣ.

Лицо Родольфа печально и строго.

Съ правой стороны возлѣ него стоитъ негръ Давидъ, молча, съ безстрастнымъ лицомъ; съ лѣвой—Шуринеръ, — онъ смотритъ на эту сцену со страхомъ и ужасомъ.

Учитель уже не слѣпъ, но видитъ всѣ предметы сквозь прозрачную кровь, которою наполнены его глаза.

Всѣ вещи кажутся ему красными.

Какъ хищныя птицы носятся плавно въ воздухѣ, надъ жертвою своею, такъ чудовищная сова, съ безобразнымъ

лицомъ кривой старухи, носится надъ Учителемъ.... Она не сводитъ съ него своего круглаго глаза, зеленоватаго и блестящаго.

Этотъ неотводимый взоръ давитъ ему грудь, какъ огромная тяжесть.

Когда глаза привыкнутъ къ темнотѣ, онѣ начинаютъ различать самые мѣлкіе предметы, прежде ими не замѣченные.... такъ и Учитель видитъ, что обширное озеро крови отдѣляетъ его отъ стола, за которымъ сидитъ Родольфъ.

Неподкупный судья, Шуринеръ и Негръ, выростаютъ мало-по-малу до колоссальныхъ размѣровъ.... Всѣ три призрака доросли до потолка, который тоже начинаетъ подниматься выше и выше.

Кровавое озеро спокойно, гладко, какъ красное зеркало.

Учитель видитъ въ немъ отраженіе своего безобразнаго лица; но скоро это изображеніе исчезаетъ въ волнахъ, которыя поднимаются на озерѣ.

Изъ нихъ выходитъ, подобно болотному, заразительному испаренію, блѣдный туманъ, голубоватаго цвѣта, похожаго на цвѣтъ губъ мертвеца.

Пока туманъ поднимается, фигуры Родольфа, Шуринера и чорнаго доктора растутъ неизмѣримо и все стоятъ выше зловѣщихъ испареній.

Посреди тумана, Учитель видитъ блѣдныхъ мертвецовъ и сцены убійствъ, въ которыхъ онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ....

Въ этомъ фантастическомъ *миражѣ*, онъ видитъ вопервыхъ, маленькаго, плѣшиваго старичка.... На немъ темное платье; на глазахъ зеленый зонтикъ. Въ бѣдной комнаткѣ, онъ считаетъ деньги и ставитъ золотыя монеты въ кучки, при свѣтѣ лампы.

Въ окно, освѣщенное печальнымъ свѣтомъ луны, которая серебритъ вершины деревьевъ, качающихся отъ сильнаго вѣтра, Учитель видитъ самого-себя.... Онъ приставилъ къ стеклу окна гнусное лицо свое.

Звѣрскими глазами онъ слѣдитъ за малѣйшими движеніями старика.... потомъ онъ разбиваетъ стекло, отворяетъ окно, бросается на свою жертву и ударяетъ ее ножомъ.

Дѣйствіе такъ быстро, ударъ такъ скоръ, такъ вѣренъ, что трупъ старика сидитъ въ креслахъ неподвижно.

Убійца хочетъ вынуть ножъ.... изъ трупа.

Невозможно вытащить ножа!

Онъ силится, но усилія его тщетны.

Онъ хочетъ бросить ножъ....

Рука убійцы пристала къ рукояткѣ ножа, точно также, какъ самый ножъ приросъ къ трупу убитаго.

Тутъ убійца слышитъ стукъ шпоръ и сабель въ сосѣдней комнатѣ.

Намѣреваясь скрыться во что-бы ни стало, онъ хочетъ унести съ собою трупъ худенькаго старичка, отъ котораго онъ не можетъ оторвать ни руки, ни ножа.

Но и это не возможно!

Трупъ сухаго старика тяжелъ, какъ свинецъ.

Не-смотря на геркулесовскую силу и отчаянныя усилія, Учитель не можетъ даже приподнять это тяжолое бремя.

Стукъ шпоръ и сабель приближается....

Ключъ повернулся въ замкѣ, дверь отворилась.

Видѣніе исчезаетъ!

А сова машетъ крыльями и вопитъ:

— *Это старый богачъ улицы Руль!... Первое убійство!... Убійца! Убійца!*

Помутившись на минуту, туманъ, покрывающій кровавое озеро, опять проясняется, и въ немъ виденъ новый мертвецъ.

День только начинается.... вездѣ темно и мрачно.... Человѣкъ, одѣтый какъ одѣваются мясники, лежитъ убитый у большой дороги. Взбитая земля, помятая трава, показываютъ, что жертва сопротивлялась отчаянно....

На его груди семь ранъ.... Онъ умеръ, а зоветъ собакъ своихъ знакомымъ свистомъ, проситъ помощи и громко кричитъ: *Сюда! Сюда!*

Но онъ свиститъ, но онъ зоветъ своими пятью широкими ранами; ихъ окровавленныя бока движутся, какъ говорящія губы....

— Эти призывы, этотъ свистъ, пять разъ повторяющійся въ одно время, изъ *рта* ранъ этого трупа, невыразимо страшны!

Сова машетъ крыльями и передразниваетъ мертвыя завыванія погибшей жертвы, испуская пять различныхъ хохотовъ, страшныхъ и дикихъ, какъ хохотъ безумнаго, и вопитъ:

— *Купецъ, убитый на дорогѣ въ Пуасси!... Убійца! Убійца! Убійца!*

Подземное продолжительное эхо повторяетъ сначала очень-громко зловѣщій хохотъ совы, а потомъ мало-помалу удаляется въ глубину земли....

Двѣ чорныя собаки, съ глазами, горящими, какъ уголь, и прикованными къ Учителю, начинаютъ лаять и вертѣться... вертѣться... вертѣться около него съ быстротою невыносимою.

Онѣ почти касаются до него, а лай ихъ кажется отдаленнымъ; утренній вѣтеръ едва доноситъ его.

Мало-по-малу привидѣнія блѣднѣютъ, проходятъ, какъ тѣни, и исчезаютъ въ блѣдныхъ испареніяхъ, которыя не перестаютъ подниматься.

Новый туманъ покрываетъ поверхность кроваваго озера и ложится на ней.

Онъ похожъ на что-то зеленоватое, прозрачное.... на вертикальный разрѣзъ канала, полнаго воды....

Сначала видно дно канала, покрытое густымъ иломъ, состоящимъ изъ милліона гадовъ, обыкновенно незамѣтныхъ глазу; но здѣсь, какъ подъ микроскопомъ, они принимаютъ чудовищныя формы, огромные размѣры въ сравненіи съ ихъ настоящею величиною.

Это не простая грязь, а цѣлая живая масса самыхъ нечистыхъ животныхъ, такъ плотно сжатая, что теченіе воды едва колеблетъ только ея поверхность.

Надъ нею медленно протекаетъ грязная вода, тустая, вонючая, которая увлекаетъ съ собою нечистоты изъ го-

родскихъ трубъ, трупы мертвыхъ животныхъ, остатки всего, что̀ выбрасываютъ....

Вдругъ Учитель слышитъ паденіе тѣла, брошеннаго въ эту воду.

Вода, принявъ тѣло, отбрасываетъ брызги свои на лицо Учителя.

Онъ видитъ, какъ упавшая въ воду женщина силится.... силится выплыть на поверхность....

И видитъ еще, какъ онъ самъ и Сова ищутъ спасенія въ быстромъ бѣгствѣ по берегу Сенъ-Мартенскаго канала и уносятъ ларчикъ, зашитый въ чорную холстину.

Однакожъ онъ присутствуетъ при всѣхъ переходахъ агоніи несчастной жертвы, которую онъ и Сова бросили въ каналъ.

Женщина поднимается на поверхность воды и быстро размахиваетъ руками, какъ обыкновенно дѣлаетъ утопающій, не умѣя плавать.

Потомъ онъ слышитъ пронзительный крикъ.

Отчаянный, послѣдній этотъ вопль прерывается глухимъ шумомъ.... и женщина опять идетъ ко дну.

Сова передразниваетъ послѣдній предсмертный стонъ утопленицы, точно также, какъ дразнила стоны купца....

И съ громкимъ зловѣщимъ хохотомъ повторяетъ:

— *Глу! Глу! Глу!*

Подземное эхо повторяетъ ея слова.

Спустясь на дно, женщина по-неволѣ дышетъ сильно, и вдыхаетъ не воздухъ, а воду....

Тутъ голова ея опрокидывается назадъ, лицо синѣетъ, шея раздувается, руки коченѣютъ и въ послѣдней конвульсіи, умирающая потрясаетъ ногами, завязшими въ грязи.

Ее окружаетъ облако изъ чорной грязи и поднимается вмѣстѣ съ нею на поверхность.

Едва утопленица испустила послѣднее дыханіе, какъ ее уже покрываютъ разные гады, въ несмѣтномъ числѣ....

Трупъ остается съ минуту на водѣ, качается немножко; потомъ спускается медленно, горизонтально, ноги ниже головы, и слѣдуетъ подъ водою за теченіемъ канала.

Часто трупъ перевертывается и лицо его обращается прямо къ Учителю; тогда онъ смотритъ на злодѣя пристально и неподвижно, распухшими, мертвыми глазами.... Посинѣлыя губы его приходятъ въ движеніе.

Учитель далеко отъ утопленицы; однакожъ она шепчетъ ему на ухо: *Глу! Глу! Глу!* — и сопровождаетъ эти странныя слова особеннымъ шумомъ, очень похожимъ на шумъ, который слышенъ когда пустая бутылка, брошенная въ рѣку, наполняется водою.

Сова машетъ крыльями, повторяетъ: *Глу! Глу! Глу!* и вопитъ:

— *Женщина, брошенная въ каналъ! Убійца! Убійца! Убійца!*

Подземное эхо отвѣчаетъ ей.... но не исчезаетъ въ землѣ, а раздается громко и, повидимому, все приближается....

Учителю кажется, что хохотъ раздается отъ одного конца земли до другаго.

Привидѣніе утопленицы исчезаетъ.

Кровавое озеро, за которымъ Учитель все еще видитъ Родольфа, становится чорнымъ, потомъ краснѣетъ и превращается въ растопленный металлъ. Огненное озеро поднимается высоко, до небесъ; ослѣпляетъ и жжетъ Учителя, который, какъ прибитый къ мѣсту гвоздями, не можетъ отвернуться.

На этомъ огненномъ полѣ проходятъ медленно, одинъ за другимъ, чорныя и гигантскія привидѣнія людей, имъ убитыхъ....

— *Волшебный фонарь угрызеній совѣсти! . . . совѣсти! совѣсти»!...* вопитъ сова, махая крыльями и заливаясь неистовымъ хохотомъ.

Не-смотря на нестерпимую боль, происходящую отъ безпрерывнаго этого созерцанія, Учитель безпрестанно смотрѣлъ на привидѣнія, являвшіяся на огненной простынѣ....

Пройдя черезъ всѣ степени невыразимой пытки, онъ чувствуетъ, что глаза его, не отдѣляясь отъ огненной картины, становятся горячими, жгучими, растапливаются, горятъ, кипятъ и превращаются въ уголь.

Онъ самъ *видѣлъ* и чувствовалъ, по необъяснимой способности, постепенное превращеніе своихъ глазъ въ пепелъ, и потомъ повергся въ вѣчной мракъ слѣпоты.

Вдругъ нестерпимыя боли утихаютъ....

Ароматическое дыханіе пронеслось по его, горячимъ еще, глазамъ.

Это дыханіе — усладительная смѣсь весеннихъ благоуханій, испускаемыхъ полевыми цвѣтами, когда на нихъ падаетъ роса.

Учитель слышитъ легкое вѣянье, подобное шелесту вѣтерка въ дубравѣ, или шуму живаго ручейка, который журчитъ, извиваясь по мху и камешкамъ.

Тысячи птицъ напѣваютъ самыя увлекательныя мелодіи; когда онѣ умолкаютъ, дѣтскіе чистые голоса поютъ слова невѣдомыя, — крылатыя рѣчи; онъ слышитъ какъ ихъ пѣснь несется въ небеса съ легкимъ колебаніемъ.

Чувство нравственнаго довольства и нѣги овладѣваетъ имъ мало-по-малу....

Учитель чувствуетъ, что сладко онъ плаваетъ въ свѣтлой, эфирной сферѣ; ему кажется, что онъ поднялся на неизмѣримое разстояніе отъ человѣчества.

. . . . . .

Насладившись, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, этимъ блаженствомъ, которому нѣтъ имени, онъ опять низвергается въ мрачную бездну обыкновенныхъ своихъ мыслей.

Раздается звонкій торжественный голосъ!

То голосъ Родольфа!

Учитель дрожитъ отъ страха.... онъ какъ-будто чувствуетъ, что видитъ все это во снѣ; но Родольфъ внушаетъ ему такой трепетъ, что злодѣй всѣми усиліями тщетно старается избавиться отъ этого новаго видѣнія.

Голосъ говоритъ.... злодѣй слушаетъ....

Голосъ Родольфа дрожитъ не отъ гнѣва, а отъ печали, отъ состраданія:

«Жалкій преступникъ! Для тебя не пробилъ еще часъ раскаянія. Только Богъ знаетъ, когда онъ придетъ! Казнь за твои преступленія еще неполна.... Ты страдалъ, но не выстрадалъ вины своей.... Судьба продолжаетъ дѣло правосудія. Твои сообщники стали твоими мучителями.... Женщина и дитя овладѣли тобой и терзаютъ тебя...,

«Подвергая тебя казни, страшной какъ твои преступленія, я все предсказалъ тебѣ, все!... Вспомни слова мои.... Я говорилъ тебѣ:

«Ты во зло употреблялъ силу свою, я уничтожу ее.... Самые сильные, самые жестокіе дрожали предъ тобой.... ты будешь дрожать передъ самыми слабыми!...

«Ты бѣжалъ изъ покойнаго убѣжища, гдѣ могъ жить для раскаянія и для уничтоженія памяти о твоихъ злодѣйствахъ.

«Ты устрашился молчанія и уединенія....

«Недавно ты на-минуту завидовалъ участи поселянъ, живущихъ на этой фермѣ.... но ужъ поздно.... поздно!

«Не имѣя никакихъ способовъ къ защитѣ, ты бросился опять въ омутъ къ преступникамъ и убійцамъ, а боялся жить съ честными людьми....

«Ты хотѣлъ заглушить совѣсть новыми преступленіями.... ты хотѣлъ доказать тому, кто рѣшился отнять у тебя всѣ способы вредить ближнему,—что ты можешь еще вредить.... но нѣтъ! Не-смотря на всю твою дерзость, на злость, на силу, ты прикованъ.... Жажда преступленія тебя мучитъ, но ты не можешь удовлетворить ей.... Въ страшномъ и кровожадномъ бѣшенствѣ, ты хотѣлъ убить жену.... она здѣсь.... одна крыша прикрываетъ васъ.... жена твоя спитъ безъ всякой защиты; у тебя есть ножъ; ея комната въ двухъ шагахъ отъ тебя. Иди туда: препятствій не встрѣтишь.... Ничто не можетъ спасти ея отъ твоего бѣшенства.... ничто, кромѣ твоего безсилія.

«Сонъ, который ты видѣлъ и видишь можетъ служить тебѣ важнымъ урокомъ.... Онъ можетъ спасти тебя! Таинственныя явленія этого сна имѣютъ глубокой смыслъ....

«Кровавое озеро, въ которомъ являлись твои жертвы.... это кровь, тобою пролитая!... Огненная лава, замѣнившая его, это жгучія угрызенія совѣсти, которыя должны-бы очищать тебя, какъ огнемъ, чтобы Господь простилъ тебя и помиловалъ за раскаяніе.... Но этого не будетъ.... всѣ уроки безполезны! Ты не только не раскаешься, но даже ежедневно, съ страшными проклятіями, будешь жалѣть, что прошло то время, когда ты могъ совершать преступленія.... Увы! изъ безпрерывной борьбы твоихъ кровожадныхъ наклонностей съ невозможностію удовлетворить ихъ, изъ борьбы пагубной твоей привычки угнѣтать—съ необходимостію покоряться существамъ слабымъ и жестокимъ, возникнетъ для тебя ужасная, страшная участь! О! жалкій преступникъ»!

Голосъ Родольфа задрожалъ.

Онъ замолчалъ: душевное волненіе и страхъ мѣшали ему говорить.

Учитель чувствовалъ, что волосы его стали дыбомъ.

Какая-же готовится ему участь, отъ которой даже самъ палачъ его содрогнулся?

«Тебѣ готовится такая участь, что еслибъ вздумали на тебѣ одномъ вымѣстить преступленія всего рода человѣческаго, такъ и тогда не выдумали-бы казни страшнѣе.... Горе, горе тебѣ! рокъ хочетъ, чтобы ты зналъ будущую казнь свою, но не хочетъ, чтобъ ты даже пытался избавиться отъ нея.

«Ты увидишь будущее».

Учителю казалось, что зрѣніе его опять невредимо.

Онъ раскрылъ глаза и увидѣлъ....

Но видѣнное имъ было такъ страшно, что онъ пронзительно закричалъ и тотчасъ проснулся.

XI.

ПИСЬМО.

Девять часовъ било на часахъ Буквальской фермы, когда г-жа Жоржъ потихоньку вошла въ комнату Маріи. Дѣвушка спала такъ чутко, что проснулась въ туже минуту. Блестящее зимнее солнце пробивало лучами ситцевыя шторы, подбитыя розовымъ коленкоромъ, разливало по комнатѣ розовой свѣтъ и придавало блѣдному и доброму лицу Пѣвицы яркій румянецъ, котораго обыкновенно на немъ не было.

— Что́, дитя мое, сказала г-жа Жоржъ, садясь на постель къ своей питомицѣ и цѣлуя ее нѣжно въ лобъ: какъ ты сего-дня себя чувствуешь?

— Гораздо лучше.... покорно благодарю.

— Тебя не разбудили сего-дня утромъ.... очень-рано?

— Нѣтъ....

— Тѣмъ-лучше! Бѣдный слѣпецъ и сынъ его, которымъ позволили вчера ночевать на фермѣ, захотѣли уйти отсюда до свѣту. Имъ отпирали ворота, и я боялась.... не разбудилъ-ли этотъ шумъ тебя?

— Бѣдные люди! зачѣмъ они такъ скоро ушли?

— Я и сама не знаю. Вчера вечеромъ, когда ты успокоилась, я сошла въ кухню и хотѣла ихъ видѣть; но оба они такъ устали, что попросили позволенія тотчасъ лечь спать. Шателенъ сказывалъ мнѣ, что слѣпой старикъ, кажется, не въ полномъ умѣ.... Всѣ наши служители глубоко были тронуты нѣжными заботами сына объ отцѣ.... Но, Марія, у тебя, кажется, лихорадка; я не позволю тебѣ выходить на холодъ.... Ты будешь сидѣть безвыходно въ гостиной.

— О! это невозможно! Мнѣ непремѣнно нужно идти сего-дня, въ пять часовъ, къ доброму нашему Аббату; онъ ждетъ меня....

— Какъ можно быть такой неосторожной! Я вижу, что ты дурно провела ночь; глаза у тебя мутные.... ты, вѣрно, спала очень-плохо.

— Да, вы правы.... я опять видѣла страшные сны.... Мнѣ все снилась та ужасная женщина, которая мучила меня, когда я была ребенкомъ. Я тотчасъ проснулась и вся дрожала.... Это смѣшная слабость.... Мнѣ и самой стыдно.

— А меня эта слабость огорчаетъ, потому-что она заставляетъ тебя страдать, бѣдное дитя мое, сказала г-жа Жоржъ съ нѣжнымъ участіемъ, видя, что на глазахъ Маріи навернулись слезы.

Марія бросилась въ объятія своей второй матери и и спрятала лицо на ея груди.

— Боже мой! что́ съ тобою, Марія?... Дитя мое, ты меня пугаешь!

— Вы такъ добры ко мнѣ.... И мнѣ совѣстно, что я не призналась вамъ первымъ во всемъ, что я вчера довѣрила Аббату.... Завтра онъ самъ все вамъ разскажетъ.... Я не въ-силахъ повторить вамъ мою исповѣдь.... это было-бы для меня слишкомъ тяжело.

— Полно, перестань, душенька.... Будь разсудительна. Я увѣрена, что въ тайнѣ, которую ты повѣрила Аббату, больше похвальнаго, чѣмъ дурнаго. Не плачь... мнѣ становится грустно.

— Простите меня.... я сама не знаю, почему, вотъ уже два дня, сердце мое разрывается.... Противъ воли моей, слезы текутъ изъ глазъ.... Самыя мрачныя предчувствія меня осаждаютъ.... Мнѣ кажется, что со мною скоро случится несчастіе.

— Марія!... я стану бранить тебя, если ты не перестанешь мучиться воображаемыми бѣдствіями.... Развѣ у насъ мало дѣйствительныхъ горестей?

— Вы правы, добрая матушка; я виновата, я постараюсь побѣдить мое слабодушіе.... Боже мой! Еслибъ вы знали, какъ часто я упрекаю себя за то́, что не могу быть всегда веселою, довольною, счастливою?... Моя печаль должна казаться вамъ неблагодарностію!

Г-жа Жоржъ хотѣла еще успокоивать Марію, какъ вдругъ вошла Клодина, постучавши напередъ въ дверь.

— Зачѣмъ ты, Клодина?

— Сударыня, Петръ пріѣхалъ изъ Арнувилля въ кабріолетѣ г-жи Дюбрель: онъ привезъ вотъ это письмо и говоритъ, что очень-нужное.

Г-жа Жоржъ распечатала и прочитала:

«Любезная и милая г-жа Жоржъ!

«Вы очень одолжите меня и избавите отъ большихъ «хлопотъ, если сей-часъ пріѣдете ко мнѣ на ферму. «Петръ привезетъ васъ ко мнѣ и потомъ, послѣ обѣда, «отвезетъ обратно. Право не знаю, къ кому обратиться «за совѣтомъ; мой мужъ уѣхалъ въ Понтуазъ, продавать «шерсть.... Я прибѣгаю къ вамъ и къ Маріи. Клара цѣ-«луетъ добрую свою сестрицу и ждетъ ее съ нетерпѣні-«емъ. Постарайтесь пріѣхать въ одиннадцать часовъ, къ «завтраку».

«Преданная вамъ душою

«*Дюбрель*».

— Для чего зоветъ она насъ? сказала г-жа Жоржъ Маріи.... къ-счастію, тонъ письма г-жа Дюбрель показываетъ, что дѣло идетъ не о чемъ-нибудь слишкомъ-важномъ.

— А мнѣ надобно ѣхать съ вами?

— Можетъ-быть и не надобно-бы; сего-дня очень-холодно.... Но впрочемъ, поѣздка доставитъ тебѣ развлеченіе.... Ты потеплѣе одѣнешься, и это маленькое путешествіе, вѣрно, принесетъ тебѣ пользу....

— Однакожъ, отвѣчала Марія, не много подумавъ: Аббатъ ждетъ меня сего-дня, въ пять часовъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Но я обѣщаю тебѣ, что мы воротимся гораздо раньше пяти часовъ.

— Какъ я рада! Мнѣ такъ хочется повидаться съ Кларой!

— Одѣвайся поскорѣе и потеплѣе.... Мы можемъ пріѣхать въ Арнувилль прежде одиннадцати часовъ.

Выходя, г-жа Жоржъ сказала Клодинѣ:

— Пусть Петръ подождетъ насъ; мы будемъ готовы черезъ минуту....

XII.

СТАРАЯ ЗНАКОМАЯ.

Черезъ полчаса послѣ этого разговора, г-жа Жоржъ и Марія садились въ огромный кабріолетъ, обыкновенный экипажъ богатыхъ фермеровъ въ окрестностяхъ Парижа. Сильная лошадь, управляемая Петромъ, быстро понесла кабріолетъ по дорогѣ изъ Буквиля въ Арнувилль.

Огромныя зданія и многочисленныя принадлежности фермы Дюбреля показывали всю важность этого богатаго имѣнія, которое Цезарина Нуармонъ принесла въ приданое герцогу Люсне.

Стукъ бича, которымъ мастерски хлопалъ Петръ, извѣстилъ г-жу Дюбрель о пріѣздѣ г-жи Жоржъ съ Маріей. Когда онѣ вышли изъ кабріолета, ихъ весело встрѣтили жена фермера и дочь ея.

Г-жѣ Дюбрель лѣтъ пятьдесятъ; лицо у ней доброе и ласковое; дочь ея—хорошенькая брюнетка, съ голубыми глазами, свѣжими и розовыми щочками. Лицо ея выражаетъ душевную чистоту.

Когда Клара бросилась на шею къ гостьѣ, Марія съ удивленіемъ замѣтила, что ея пріятельница одѣта, не какъ барышня, а какъ простая поселянка.

— Какъ, Клара, и вы *наряжаетесь* крестьянкой? спросила г-жа Жоржъ у молодой дѣвушки, цѣлуя ее.

— О! она во всемъ хочетъ подражать сестрицѣ своей Маріи, отвѣчала г-жа Дюбрель. Она не успокоилась, пока ей не сшили спенсера изъ сукна, простой юбки, какъ у вашей Маріи.... Но дѣло не о прихотяхъ этой дѣвочки, добрая моя госпожа Жоржъ, прибавила жена фермера со вздохомъ: подите сюда, я разскажу вамъ мою бѣду....

Взойдя въ залу вмѣстѣ съ матерью и г-жею Жоржъ, Клара сѣла возлѣ Маріи, усадила ее на лучшее мѣсто возлѣ камина, ухаживала за нею съ удивительнымъ усердіемъ, взяла ея руки, чтобъ узнать, не холодно-ли Маріи, цѣловала ее и называла ее злою сестрицей, упре-

кая за то, что между ихъ свиданіями случаются такіе длинные и скучные промежутки.

Кто помнитъ разговоръ бѣдной Пѣвицы съ Аббатомъ, тотъ поймет, что она принимала эти нѣжныя, простодушныя ласки съ удовольствіемъ, стыдомъ и страхомъ.

— Что у васъ такое происходитъ? спросила г-жа Жоржъ у хозяйки дома,—и чѣмъ могу я служить вамъ?

— О! вы можете быть мнѣ очень-полезны. Я вамъ сей-часъ все объясню. Вы, можетъ-быть, не знаете, что эта ферма принадлежитъ собственно герцогинѣ Люсне. По всѣмъ дѣламъ мы относимся прямо къ ней.... не спрашивая вовсе управляющаго, которому герцогъ поручилъ свое имѣніе.

— А! я этого и не знала!

— Вы увидите, для чего я вамъ это говорю.... Мы платимъ деньги самой герцогинѣ или г-жѣ Симонъ, ея старшей камеръ-юнферѣ. Герцогиня такъ добра, такъ добра, не-смотря на свою вспыльчивость, что съ нею очень-пріятно имѣть дѣло. Дюбрель и я готовы броситься въ огонь, если для нея нужно.... И это очень-просто: я знавала ее ребенкомъ, когда она пріѣзжала сюда съ отцомъ своимъ, покойнымъ Княземъ Нуармонъ.... Еще недавно просила она у насъ денегъ за ферму, за полгода впередъ.... Сорокъ тысячъ франковъ! На улицѣ не найдешь, какъ говорится, но у насъ были деньги, мы собрали ихъ на приданое нашей Кларѣ.... и на другой-же день герцогиня все получила сполна, чистымъ золотомъ.... Вѣдь герцогинѣ нужны денежки на роскошь.... Однакожъ, только въ послѣдній годъ, она начала требовать съ насъ деньги непремѣнно въ срокъ, а прежде она никогда не нуждалась и ждала.... Теперь другое дѣло!...

— До-сихъ-поръ я ещѣ не вижу, чѣмъ могу служить вамъ, милая г-жа Дюбрель.

— Сей-часъ, не спѣшите; я разсказала вамъ все это, чтобъ вы поняли, какое довѣріе имѣетъ къ намъ герцогиня.... тринадцати лѣтъ она крестила у насъ Клару; отцомъ крестнымъ былъ ея отецъ, покойный Князь.... И она до-сихъ-поръ обожаетъ дочь мою!... Вчера вечеромъ

я получила съ нарочнымъ письмо отъ герцогини; вотъ оно:

«Устройте маленькій павильонъ у оранжереи, такъ, чтобъ «въ немъ можно было жить послѣ завтра вечеромъ, до- «брая моя госпожа Дюбрель; уберите его мебелью, ко- «врами, занавѣсками.... и пр. и пр. Смотрите, чтобъ ни «въ чемъ не было недостатка, и чтобъ во всемъ былъ *комфортъ*»....

— *Комфортъ*! слышите, г-жа Жоржъ? И это слово еще подчеркнуто! сказала жена фермера, посматривая на свою пріятельницу съ безпокойствомъ и замѣшательствомъ; потомъ она продолжала читать:

«Топите павильонъ днемъ и ночью, чтобъ выгнать «изъ него сырость, вѣдь въ немъ давно никто не жилъ. «Особа, которая пріѣдетъ къ вамъ и займетъ павильонъ, «должна быть принята вами, *какъ я сама*. Она отдастъ «вамъ письмо, изъ котораго вы узнаете, чего я ожидаю «отъ вашего усердія. Я и теперь надѣюсь на него, не «боясь безпокоить васъ; я знаю, какъ вы добры и пре- «даны мнѣ.... Прощайте, добрая моя г-жа Дюбрель. По- «цѣлуйте за меня милую мою крестницу и примите увѣ- «реніе въ искренней моей привязанности.

Герцогиня Люсне».

«P. S. Тотъ, кому нуженъ павильонъ, пріѣдетъ къ «вамъ послѣ завтра, вечеромъ. Особенно постарайтесь, чтобы во всемъ былъ *комфортъ*».

— Вотъ видите!... Опять это проклятое слово и под- черкнуто, сказала г-жа Дюбрель и спрятала письмо гер- цогини въ карманъ.

— Гдѣ-же бѣда? Все это очень-просто, отвѣчала г-жа Жоржъ.

— Какъ, просто!... Вы, стало-быть, не разслушали... Особенно герцогинѣ хочется, чтобы въ павильонѣ былъ *комфортъ*.... Для этого-то я и просила васъ пріѣхать.... Мы съ Кларой думали, думали, что значилъ-бы этотъ *комфортъ*, и никакъ не могли догадаться.... а вѣдь Кла- ра была въ пансіонѣ въ Виллье-Лебель, и получила нѣ- сколько призовъ за исторію и географію.... но все-таки

стала въ тупикъ при этомъ словѣ, точно, какъ я сама!... Вѣрно, это какое-нибудь выраженіе, употребляемое при дворѣ или въ высшемъ кругу.... Но мнѣ-то все равно: вы понимаете, въ какомъ затруднительномъ положеніи я нахожусь.... Герцогиня хочетъ, чтобъ я поставила *комфортъ* въ павильонъ, подчеркиваетъ слово, повторяетъ его два раза, а мы не знаемъ, что̀ оно значитъ!

— Слава Богу! я могу объяснить вамъ это таинственное, загадочное слово, отвѣчала г-жа Жоржъ съ улыбкою: *комфортъ*, въ этомъ случаѣ, означаетъ всѣ возможныя удобства, т. е. чтобы покои были хорошо вычищены, меблированы, натоплены и чтобъ въ нихъ находилось все, что̀ нужно жильцу, и даже лишнее....

— А! теперь понимаю.... но затрудненіе еще больше....

— Отчего-же?

— Герцогиня пишетъ о коврахъ, мебеляхъ и еще о чемъ-то прочемъ; а у насъ нѣтъ вовсе ковровъ; мебель у насъ самая простая; и притомъ, я не знаю, кого я должна ждать, мужчину или даму, а все должно быть готово завтра вечеромъ.... какъ быть? Что̀ дѣлать? здѣсь нѣтъ никакихъ средствъ подъ рукою.... Голова кругомъ идетъ!

— Маменька, сказала Клара: возьми мебель изъ моей комнаты, а я уѣду погостить дня на четыре къ Маріи, на ферму въ Букваль.

— Твою мебель!... да развѣ она отличная!... отвѣчала г-жа Дюбрель, пожимая плечами.... развѣ въ ней есть какой-нибудь *комфортъ*, какъ говоритъ герцогиня?... Боже мой! Что̀ за слова нынѣче выдумываютъ!

— Такъ въ павильонѣ обыкновенно никто не живетъ? спросила г-жа Жоржъ.

— Никто, никогда; это маленькій бѣлый домикъ, который уединенно стоитъ на концѣ фруктоваго сада. Князь выстроилъ его для дочери, когда она была еще въ дѣвушкахъ. Пріѣзжая на ферму, она всегда въ немъ отдыхала. Въ немъ три комнаты, и не подалеку стоитъ швейцарская молочня, въ которой герцогиня играла, воображая себя молочницей.... Съ-тѣхъ-поръ, какъ она

вышла за-мужъ, мы видѣли ее на фермѣ только два раза, и она каждый разъ навѣщала свой павильонъ.... Въ первый разъ.... этому ужъ лѣтъ шесть.... она пріѣхала верхомъ съ....

Присутствіе Маріи и Клары остановило ея разсказъ; она спохватилась и продолжала:

— Я говорю, болтаю, а дѣло не подвигается впередъ.... помогите мнѣ, добрая г-жа Жоржъ, сжальтесь надо мною....

— Что теперь стоитъ въ павильонѣ?

— Почти нѣтъ никакой мебели.... Въ большой комнатѣ, на полу, лежитъ цыновка, стоитъ камышевый канапе, такія-же кресла, столъ, нѣсколько стульевъ, вотъ и все.... Видите, какъ далеко до *комфорта*!

— Я вотъ что сдѣлала-бы на вашемъ мѣстѣ: теперь только одиннадцать часовъ, — я послала-бы въ Парижъ смышленаго человѣка....

— Нашего главнаго прикащика.... онъ все скоро дѣлаетъ....

— Прекрасно!... Черезъ два часа онъ будетъ въ Парижѣ.... Пусть идетъ къ мебельщику, въ Шоссе-д'Антенъ, къ какому-нибудь, все равно, и отдастъ ему списокъ всего, что намъ нужно.... Я посмотрю, чего не достаетъ въ павильонѣ и составлю списокъ вещей.... Потомъ онъ скажетъ, что денегъ не пожалѣютъ, только-бы....

— Разумѣется, денегъ не пожалѣемъ.... только-бы угодить герцогинѣ!...

— Такъ онъ скажетъ, что денегъ не пожалѣютъ, только съ условіемъ, чтобы всѣ вещи по списку были здѣсь вечеромъ сего-дня или не позже какъ ночью; при нихъ надобно прислать человѣкъ пять мебельщиковъ и обойщиковъ.... они разставятъ и развѣсятъ все по мѣстамъ....

— Они могутъ пріѣхать сюда съ Гонесскимъ дилижансомъ; онъ отходитъ изъ Парижа въ восемь часовъ.

— А въ одинъ день легко можно поставить мебель, разложить ковры и повѣсить занавѣсы; все будетъ готово завтра къ вечеру.

— О добрая моя госпожа Жоржъ!... Отъ какой бѣды вы меня избавили! Я сама никогда-бы не придумала....

Вы моя спасительница! Напишите-ка списокъ вещей, которыя намъ нужны для павильона.

— Сей-часъ все напишу....

— А вотъ еще бѣда.... Мы не знаемъ, кого ждать, мужчину или даму; въ письмѣ герцогиня пишетъ глухо.... какой безпорядокъ!...

— Приготовьте все для дамы, милая моя госпожа Дюбрель; если пріѣдетъ мужчина, такъ ему-же будетъ лучше.

— Вы правы.... всегда правы!...

Служанка доложила, что завтракъ готовъ.

— Позавтракаемъ послѣ, сказала г-жа Жоржъ; пока я буду писать списокъ вещей, прикажите смѣрить комнаты, въ вышину и ширину, чтобъ мебельщикъ зналъ, какой величины вамъ нужны ковры и занавѣски.

— Сударыня, сказала служанка г-жѣ Дюбрель, пріѣхала молочница изъ Стена....

— Бѣдная женщина! отвѣчала г-жа Дюбрель съ участіемъ.

— Что́ эта за женщина? спросила гостья.

— Она изъ сосѣдняго села Стена; она держала коровъ и ѣздила каждое утро въ Парижъ, продавать молоко.... Мужъ ея былъ кузнецъ; ему понадобилось купить желѣза; онъ отправился съ женою въ Парижъ, и обѣщалъ зайти за нею въ ту улицу, гдѣ она обыкновенно продаетъ молоко. Къ-несчастію, она кажется выбрала самую дурную часть города. Когда мужъ воротился, онъ засталъ жену въ ссорѣ съ пьяницами.... Они вылили ея молоко въ канаву.... Кузнецъ заступился за жену.... завязалась драка и его убили!

— Какой ужасъ! вскричала г-жа Жоржъ: а поймали-ль убійцу?

— Нѣтъ, онъ успѣлъ бѣжать во-время суматохи.... Вдова убитаго увѣряетъ, что она узнаетъ убійцу, потому-что часто видала его съ другими товарищами, которые обыкновенно посѣщаютъ эту улицу; но до-сихъ-поръ всѣ поиски не имѣли успѣха.... По смерти мужа, молочница принуждена была продать коровъ и землю свою, для

уплаты долговъ. Мнѣ рекомендовали ее, какъ добрѣйшую женщину.... у нея трое дѣтей: самому старшему только двѣнадцать лѣтъ.... У меня было незанятое мѣсто; я отдала его ей, и она переѣзжаетъ ко мнѣ на ферму....

— Ваша милость къ ней ни мало меня не удивляетъ, прервала г–жа Жоржъ.

— Клара! продолжала хозяйка дома: поди покажи ей квартиру и устрой ей все, что́ нужно для перваго обзаведенія; а я пойду, пошлю прикащика въ Парижъ.

— Извольте, маменька; и Марія пойдетъ со мною?

— Разумѣется, вѣдь вы не можете никакъ разлучиться на минуту....

— А я, сказала г–жа Жоржъ, поспѣшу кончить списокъ; времени терять нельзя; намъ надобно быть дома въ четыре часа....

— Въ четыре часа?... Зачѣмъ такъ рано?

— Марія пойдетъ въ пять часовъ къ Аббату....

— О! если къ доброму Лапорту.... такъ надобно непремѣнно идти. Я такъ и распоряжусь.... У нашихъ дѣтей много секретовъ... надобно дать имъ время переговорить...

— Такъ мы уѣдемъ въ три часа....

— Извольте, все будетъ готово.... Но я должна еще поблагодарить васъ.... Какъ я умно сдѣлала, что позвала васъ на помощь.... Марія! Клара! ступайте!

Г-жа Жоржъ сѣла писать; г-жа Дюбрель вышла въ одну дверь, а молодыя дѣвушки убѣжали въ другую; за ними пошла и служанка, которая докладывала о прибытіи молочницы.

— Гдѣ–же она! спрашивала Клара.

— Она съ дѣтьми стоитъ на заднемъ дворѣ....

— Ты, Марія, увидишь эту несчастную женщину, сказала Клара, взявъ подругу за руку: какъ она печальна, и вся въ чорномъ! Въ послѣдній разъ, какъ она пріѣзжала къ маменькѣ, она растерзала мнѣ душу: она заливалась горючими слезами, разсказывая про мужа.... потомъ вдругъ переставала рыдать и впадала въ бѣшенство противъ убійцы.... Мнѣ становилось страшно.... такъ она

казалось злою!... впрочемъ.... ея гнѣвъ понятенъ: несчастная!... Какіе несчастные люди есть на свѣтѣ, не правда-ли, Марія?

— О! много!... много!... говорила Пѣвица разсѣянно и со вздохомъ: есть пренесчастные.... но вы, сударыня....

— Что такое еще! закричала Клара, топнувъ отъ нетерпѣнія ногою: вотъ ты опять говоришь мнѣ *вы* и называешь *сударынею!* развѣ ты разсердилась на меня?

— О! нѣтъ! нѣтъ!

— Такъ зачѣмъ-же говорить мнѣ *вы*?... Ты знаешь: и маменька и г-жа Жоржъ бранили тебя за это.... Смотри, я опять пожалуюсь, тебя опять побранятъ.... но я тебя предупредила....

— Прости, Клара.... я какъ-то разсѣянна....

— Разсѣянна.... когда мы не видались цѣлую длинную недѣлю! сказала Клара печально. Разсѣянна!... Это былобы уже очень-дурно, но это неправда.... Знаешь-ли, Марія.... я начинаю думать, что ты горда!

Марія поблѣднѣла, какъ смерть, и не отвѣчала...

Увидавъ ее, женщина въ траурѣ закричала отъ негованія и ужаса....

То была молочница, которая всякое утро продавала молоко Пѣвицѣ, когда она жила у Яги-бабы.

XIII.

МОЛОЧНИЦА.

Сцена, которую мы сейчасъ разскажемъ, происходила на дворѣ фермы, въ присутствіи земледѣльцевъ и поселянокъ, которые, оставивъ работу, собирались къ завтраку.

Подъ навѣсомъ стояла тележка съ осломъ; въ ней помѣщалось все имущество несчастной вдовы. Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, при помощи другихъ двухъ дѣтей, выкладывалъ вещи изъ телеги.

Молочница, одѣтая вся въ чорное, — женщина лѣтъ сорока; лицо ея сурово, мужественно и грубо; глаза по-

краснѣли отъ слезъ. Увидавъ Марію, она тотчасъ вскричала отъ ужаса; потомъ горесть, гнѣвъ, негодованіе выразились въ чертахъ ея лица. Она бросилась на Пѣвицу, грубо схватила ее за руку, и говорила, показывая ее жителямъ фермы:

— Вотъ эта несчастная знаетъ убійцу моего бѣднаго мужа!... Она часто съ нимъ разговаривала, я сама ихъ видѣла!... Когда я продавала молоко въ улицѣ Драпери, она всякій день приходила ко мнѣ покупать на одинъ су; она, вѣрно, знаетъ злодѣя, который убилъ моего мужа!... какъ всѣ погибшія, ей подобныя,—она принадлежитъ къ шайкѣ разбойниковъ. О, проклятая! ты не уйдешь отъ меня! кричала молочница, подстрекаемая неосновательными подозрѣніями,—и она схватила Марію за другую руку, когда замѣтила, что жертва ея, въ трепетѣ и смущеніи, хотѣла бѣжать.

Клара, не ожидая такого нападенія, стояла въ изумленіи и не могла произнести слова; но, при послѣднихъ словахъ молочницы, она закричала ей:

— Ты, вѣрно, сошла съ ума!... Отъ печали, отъ горести!... Ты сама не знаешь, что̀ говоришь!

— Не знаю!... повторила крестьянка съ горькою насмѣшкой.... не знаю!... О! повѣрьте, очень хорошо знаю.... Смотри.... вотъ она подлая, какъ поблѣднѣла.... зубы ея стучатъ!... Судьи принудятъ тебя говорить.... пойдемъ-ка къ меру, слышишь-ли?.. О! и не думай сопротивляться.... у меня есть сила въ рукахъ.... я пожалуй донесу тебя туда....

— Дерзкая женщина!... закричала Клара внѣ себя.... Ступай вонъ! какъ ты смѣешь огорчать мою подругу, сестру!

— Вашу сестру?... что̀ вы, сударыня, перестаньте!... Вотъ вы-то сошли съ ума! грубо отвѣчала вдова: хороша сестра!... Таскалась по улицамъ!... Да еще гдѣ? *Въ Сите!* цѣлые полгода я видѣла ее тамъ своими глазами!

Тутъ поселяне заговорили противъ Маріи; они вступались за молочницу, потому-что она принадлежала къ ихъ классу и потому-что ея несчастіе возбуждало въ нихъ участіе.

Дѣти, услыхавъ, что мать ихъ говоритъ такъ громко, подбѣжали и окружили ее; начали плакать, вовсе не зная, о чемъ идетъ дѣло. Смотря на нихъ, одѣтыхъ въ траурныя платья, поселяне чувствовали къ вдовѣ еще болѣе состраданія, а негодованіе ихъ противъ Маріи увеличивалось.

Клара, пугаясь ихъ угрозъ, сказала имъ дрожащимъ голосомъ:

— Уведите отсюда эту женщину; повторяю вамъ, что грусть свела ее съ ума. Марія, прости ее!... Она не знаетъ, что говоритъ!

Блѣдная Пѣвица опустила голову, чтобъ никого не видать, и стояла въ молчаніи, какъ нѣмая, убитая.... Она не старалась даже вырваться изъ рукъ молочницы.

Клара, приписывая ея отчаяніе испугу, необходимому послѣдствію подобной сцены, сказала опять поселянамъ:

— Развѣ вы меня не понимаете? Приказываю вамъ выгнать эту женщину.... она непремѣнно хочетъ оскорбить мою сестру.... такъ ее надобно наказать: она не получитъ мѣста, которое маменька здѣсь ей обѣщала.... Никогда ее не пустятъ ужъ на ферму!

Никто изъ служителей не повиновался Кларѣ; одинъ изъ нихъ осмѣлился даже сказать:

— Сударыня!... Если она таскалась по улицамъ.... да притомъ еще знаетъ убійцу несчастнаго мужа этой бѣдной женщины.... такъ ее непремѣнно надобно свести къ меру.

— Я повторяю тебѣ, что никогда нога твоя не будетъ на фермѣ, говорила Клара молочницѣ, если ты сейчасъ же не выпросишь себѣ прощенія у Маріи.

— Такъ вы меня выгоняете.... Хорошо! отвѣчала горестно молочница.... Ну, дѣти мои, укладывайте все опять въ тележку, заработаемъ хлѣбъ и въ другомъ мѣстѣ.... Господь надъ нами сжалится.... Но уходя отсюда, мы уведемъ и эту несчастную съ собою.... представимъ ее къ меру.... Она назоветъ убійцу моего мужа!... Вѣдь она знаетъ всю эту шайку.... Вы богаты, сударыня, прибавила она, дерзко поглядывая на Клару.... вы водите дру-

жбу съ этакими тварями.... но все-таки не чваньтесь такъ немилосердо надъ бѣдными людьми!...

— Правда, сказалъ одинъ поселянинъ.... Молочница дѣло говоритъ....

— Бѣдная женщина!

— Она имѣетъ полное право....

— У ней убили мужа!... Неужели ей надобно радоваться?

— Нельзя мѣшать ей отыскивать злодѣевъ, которые отняли у ней мужа!

— И ее-же прогоняютъ отсюда...., какая несправедливость!

— Виновата-ли она, что пріятельница доброй нашей Клары ходила въ такія мѣста и зналась съ такими людьми!

— Нельзя выгнать честную женщину.... вдову съ дѣтьми.... изъ угожденія какой-нибудь....

Крики становились грознѣе, какъ вдругъ Клара сказала съ радостію:

— Слава Богу!... вотъ и маменька!...

Въ самомъ дѣлѣ г-жа Дюбрель, возвращаясь изъ павильона, проходила черезъ дворъ.

— Марія! Клара! сказала жена фермера, подходя къ толпѣ: чтожъ вы не завтракаете?... Пойдемте.... Ужъ давно пора!

— Маменька! защитите сестру мою отъ оскорбленій этой женщины. (Она указала на вдову).... Сдѣлайте милость, прикажите ей уйдти отсюда.... Еслибъ вы знали, какія дерзости она говорила Маріи!

— Какъ! она осмѣлилась....

— Да, маменька.... Смотрите на сестрицу: она вся дрожитъ!... едва держится на ногахъ.... Ахъ! какой стыдъ для насъ!... У насъ случились такія непріятности.... Марія! прости намъ.... умоляю тебя....

— Что все это значитъ? спросила г-жа Дюбрель, осматриваясь съ безпокойствомъ, потому-что замѣтила смущеніе Пѣвицы.

— Г-жа Дюбрель будетъ справедлива.... это вѣрно!... безъ-сомнѣнія! повторяли поселяне.

— Г-жа Дюбрель пришла.... такъ не меня, а тебя выгонятъ отсюда, сказала молочница дрожащей Маріи.

— Такъ это правда! закричала г-жа Дюбрель молочницѣ, которая все еще держала Марію за руку.... Ты смѣешь говорить такъ-грубо съ подругою моей дочери? Такъ-то платишь ты мнѣ за мои благодѣянія? Пусти ее, оставь въ покоѣ....

— Я уважаю васъ, сударыня, и благодарю за ваши милости, отвѣчала вдова, выпуская Пѣвицу изъ рукъ своихъ.... Но не обвиняйте меня, не выгоняйте съ дѣтьми, не разспросивъ этой несчастной.... У нея, можетъ-быть, не достанетъ духу сказать, что я ея не знаю и что она меня не знаетъ....

— Марія! слышишь-ли, что говоритъ эта женщина? спросила г-жа Дюбрель съ величайшимъ изумленіемъ.

— Вѣдь тебя зовутъ Пѣвицей? кричала молочница Маріи.

— Да!... отвѣчала несчастная дѣвушка, едва слышнымъ голосомъ, и не смѣя взглянуть на г-жу Дюбрель: Да, меня такъ звали прежде ...

— Ага! закричали раздраженные поселяне.... Небось!... признается!...

— Признается!... Да въ чемъ? Мы еще ничего незнаемъ! прервала г-жа Дюбрель, испугавшись перваго признанія Маріи.

— Оставьте ее, сударыня, пусть сама отвѣчаетъ, говорила молочница: она еще признается, что жила въ презрѣнномъ домѣ, въ улицѣ Офевъ, въ *Сите*, гдѣ я продавала ей каждое утро молоко на су.... Она должна признаться, что часто говорила съ убійцею моего мужа, при мнѣ, въ моихъ глазахъ.... О! она очень-хорошо его знаетъ, я увѣрена!... Блѣдный молодой человѣкъ, вѣчно куритъ, въ фуражкѣ, въ блузѣ, съ длинными волосами.... Она знаетъ его имя.... Да отвѣчай-же, негодная!

— Можетъ-быть, мнѣ случалось говорить съ убійцею твоего мужа; къ-несчастію, въ *Сите* очень много убійцъ, отвѣчала Марія дрожащимъ голосомъ: но я не знаю, о комъ ты теперь говоришь.

— Что?... что ты говоришь? вскричала г-жа Дюбрель съ ужасомъ: ты зналась съ убійцами?

— Такія твари только и знаются съ убійцами, подхватила молочница.

Сначала г-жа Дюбрель была поражена страннымъ признаніемъ Маріи, но потомъ она все поняла, отодвинулась назадъ съ омерзеніемъ и ужасомъ, быстро подозвала къ себѣ дочь, которая хотѣла поддерживать Марію, и сказала:

— А! какой стыдъ и позоръ!.. Клара, будь осторожна, не подходи къ этой несчастной!... какимъ-образомъ могло случиться, что г-жа Жоржъ приняла ее къ себѣ въ домъ?... Какъ смѣла она представить ее ко мнѣ, и допустить, чтобъ дочь моя.... Страшно подумать! Не могу вѣрить тому, что видятъ глаза мои!... Нѣтъ, г-жа Жоржъ не можетъ быть виновата въ такой измѣнѣ! Ее обманули такъ-же, какъ и насъ.... А если нѣтъ, то какой гнусный поступокъ съ ея стороны!

Клара, въ отчаяніи, въ испугѣ отъ этой страшной сцены, думала, что видитъ сонъ. Покоясь въ невинномъ незнаніи, она не понимала, какія ужасныя обвиненія падали на ея подругу. Сердце ея разрывалось на части; глаза наполнились слезами при видѣ Маріи, которая молча и неподвижно стояла, какъ преступникъ передъ судьями.

— Пойдемъ, Клара.... пойдемъ, говорила г-жа Дюбрель.

А потомъ, повернувшись къ Маріи, она прибавила:

— А тебя, недостойную женщину, судьба горько накажетъ за твое безстыдное притворство. Ты смѣла позволять моей дочери называть тебя подругою, сестрою.... Сестрою!... Тебя.... когда ты хуже всего, что есть презрѣннаго въ свѣтѣ!... какое безстыдство!... Ты осмѣлилась придти къ честнымъ людямъ, когда настоящее твое мѣсто — въ тюрмѣ, куда сажаютъ подобныхъ тебѣ!

— Да, да, въ тюрму ее, кричали поселяне, въ тюрму! Вѣдь она знаетъ, кто убійца!

— А, можетъ-быть, она его подруга!

— Видишь-ли, есть на землѣ правосудіе, твердила вдова, показывая Пѣвицѣ кулаки.

— А тебя, добрая женщина, я не прогоню, сказала г-жа Дюбрель молочницѣ: напротивъ-того, я награжу тебя за то, что ты открыла мнѣ, кто эта несчастная!

— Давно-бы такъ! Наша хозяйка справедлива шептали земледѣльцы.

— Пойдемъ-же, Клара! г-жа Жоржъ объяснитъ намъ все это, или я разстанусь съ нею навсегда.... Если она сама не обманута, такъ она поступила съ нами предательски!

— Маменька!... Взгляните на бѣдную Марію!...

— Пусть умретъ со стыда, если хочетъ.... тѣмъ-лучше! Презирай ее.... я не хочу, чтобъ ты оставалась съ нею на минуту.... Съ такою тварью ты не можешь даже поговорить, не обезчестивъ себя!

— Маменька!... говорила Клара, сопротивляясь матери, которая непремѣнно хотѣла ее увести.... я здѣсь ничего не понимаю.... Марія, можетъ-быть, виновата; особенно если вы это говорите.... но посмотрите.... посмотрите.... она едва держится на ногахъ.... по-крайней-мѣрѣ, сжальтесь надъ нею....

— О Клара! какъ вы добры! Вы простили меня!... Если я васъ обманула, такъ повѣрьте, не я того хотѣла.... И какъ часто я раскаявалась! сказала Марія, взглянувъ на свою прелестную покровительницу съ невыразимою благодарностію.

— Маменька! Неужели въ васъ нѣтъ искры жалости? вскричала Клара раздирающимъ голосомъ.

— Жалости.... къ ней? Вотъ еще! Еслибъ не было здѣсь г-жи Жоржъ, которая избавитъ насъ отъ нея.... я приказала-бы выгнать ее за ворота фермы, какъ зачумленную.... отвѣчала г-жа Дюбрель строго. Она насильно повела дочь, которая еще разъ обернулась къ Пѣвицѣ:

— Марія! сестра моя! Не знаю, въ чемъ тебя обвиняютъ, но убѣждена, что ты невиновата.... и всегда вѣчно буду любить тебя!

— Молчи, молчи, сказала г-жа Дюбрель, зажимая ей ротъ рукою: молчи! по-счастію всѣ видѣли, что ты ни

минуты не оставалась на-единѣ съ этою несчастною, съ тѣхъ-поръ, какъ она призналась въ своихъ гнусностяхъ! Не правда-ли? друзья мои!

— Да, сударыня, отвѣчалъ поселянинъ, мы свидѣтели, что дочь ваша ни на минуту не оставалась одна съ этой проклятой женщиной, которая, вѣрно, воровка, потому-что знается съ убійцами.

Г-жа Дюбрель между-тѣмъ увела Клару.

Пѣвица осталась одна посреди грозной толпы, которая ее окружала.

Хотя г-жа Дюбрель бранила и упрекала Марію, однакожъ она ожидала, что все это кончится мирно, пока видѣла возлѣ себя жену фермера и Клару. Но силы ей измѣнили, когда она осталась одна, во власти раздраженныхъ поселянъ. Она облокотилась на загородку, которую былъ обнесенъ прудъ, гдѣ обыкновенно поили лошадей фермы.

Положеніе несчастной дѣвушки было достойно участія.

Угрозы поселянъ безпрерывно возрастали.

Прислонившись къ загородкѣ и спрятавъ голову въ руки, Пѣвица представляла самую жалкую картину горести и рѣшимости.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, вдова убитаго, въ торжествѣ и негодуя на Пѣвицу еще болѣе отъ всего, что говорила г-жа Дюбрель, указывала дѣтямъ своимъ и поселянамъ на бѣдную дѣвушку, съ жестами ненависти и презрѣнія....

Служители фермы, собравшись въ кружокъ, не скрывали своихъ враждебныхъ чувствованій; ихъ суровыя и грубыя лица выражали негодованіе, гнѣвъ, и оскорбительную насмѣшливость.... Женщины кричали и бѣсились еще больше мужчинъ.... Трогательная красота Пѣвицы была непослѣднею причиною женскаго неистовства.

Мужчины и женщины не могли простить Маріи, что хозяева фермы обращались съ нею, какъ съ равною себѣ.

Притомъ еще нѣкоторые изъ поселянъ Арнувильскихъ не-смотря на всѣ свои старанія, не могли по-

лучить на Буквальской фермѣ одно изъ мѣстъ, за которыми всѣ сосѣди гонялись съ такимъ усердіемъ; по этому они не очень любили г–жу Жоржъ, за что доставалось и ея питомицѣ.

Первыя движенія необразованныхъ людей всегда бываютъ или превосходны или совсѣмъ дурны.

Середины никогда нѣтъ.

Но они становятся страшно–опасными, когда толпа воображаетъ, что ея жестокость оправдывается дѣйствительными или воображаемыми проступками того, кого преслѣдуютъ ея ненависть или гнѣвъ и мщеніе.

Хотя нѣкоторые поселяне этой фермы не имѣли правъ слишкомъ презирать Пѣвицу, но всѣ они показывали, что присутствіе ея оскорбляетъ ихъ и приводитъ въ трепетъ, какъ чума. Стыдливость ихъ содрогалась при мысли, что Пѣвица принадлежала къ презрѣнному классу женщинъ, и говаривала съ убійцами!

Что еще было нужно для пробужденія гнѣва въ поселянахъ, подстрекаемыхъ примѣромъ г–жи Дюбрель?

— Надобно отвести ее къ меру! закричалъ одинъ.

— Надобно! Надобно!... А если она не пойдетъ, мы ее *потащимъ*.

— И этакія женщины смѣютъ еще одѣваться, какъ одѣваемся мы, честныя, сказала самая безобразная изъ всѣхъ служанокъ фермы.

— А вѣдь овечкой смотритъ! прибавила другая....

— И туда–же, втерлась прямо къ хозяевамъ нашимъ....

— Какъ–будто мы для нея—дрянь, недостойные люди!

— По–счастію, всякому платятъ по достоинству.

— О! тебя принудятъ говорить и сказать имя убійцы, закричала опять вдова: Всѣ, всѣ вы изъ одной шайки... Мнѣ даже кажется, что я видѣла тебя съ ними въ этотъ день... Ну, перестань-ка хныкать, теперь ужъ знаютъ, кто ты! Покажи–ка намъ личико; вѣдь оно у тебя прекрасное!

Вдова грубо опустила руки, которыми Пѣвица закрывала лицо, орошенное горькими слезами.

Пѣвица, изнемогая отъ стыда, дрожала отъ ужаса, чувствуя, что безъ защиты предана во власть раздраженной толпы; она сложила на груди руки, посмотрѣла на молочницу умоляющими и испуганными глазами, и сказала нѣжнымъ голосомъ:

— Помилуйте.... Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ я живу на фермѣ въ Буквалѣ.... стало-быть, я не могла видѣть въ Парижѣ несчастія, которое съ вами случилось....

Неистовые крики заглушили трепетный голосъ Маріи:

— Поведемъ ее къ меру!... Тамъ она все разскажетъ!

— Ну, красавица, въ путь! Живѣе!

Грозная толпа приступала къ Пѣвицѣ, которая, скрестивъ на груди руки, смотрѣла на всѣ стороны съ неизъяснимымъ страхомъ и молила о помощи.

— Ищи защитниковъ, сказала молочница.... Здѣсь нѣтъ Клары и она не станетъ защищать тебя.... Ты отъ насъ не уйдешь.

— Я и не хочу уйти, отвѣчала она съ смущеніемъ; я готова отвѣчать на вопросы.... если это можетъ быть вамъ полезно.... Что я сдѣлала всѣмъ этимъ людямъ, которые меня окружаютъ и грозятъ мнѣ!

— Что ты намъ сдѣлала? Ты ходила къ нашимъ хозяевамъ, когда мы и почестнѣе тебя, да туда не ходимъ.... Вотъ что!

— А еще, зачѣмъ хотѣла ты, чтобъ выгнали отсюда эту бѣдную вдову съ дѣтьми? сказалъ другой земледѣлецъ.

— Не я, а Клара хотѣла....

— Разсказывай еще! прервалъ ее земледѣлецъ: ты даже не хотѣла заступиться, попросить за нее; ты радовалась, что отнимутъ у нея послѣдній кусокъ хлѣба!

— Да, она не заступилась за нее!

— Вотъ какая злая!

— Выгонять бѣдную вдову.... съ тремя дѣтьми!

— Я не просила за нее — сказала Пѣвица, — потому-что не могла говорить....

— А съ убійцами умѣла говорить!

Добрые, но глупые поселяне сердились, раздражали себя собственными своими словами, и разгорячались помѣрѣ того, какъ упреки и ругательства ихъ надъ жертвою становились жарче.

Такъ простой, необразованный человѣкъ, противъ своей воли, чрезъ постепенное изступленіе, доходитъ до поступковъ самыхъ несправедливыхъ и жестокихъ.

Кружокъ грозныхъ поселянъ становился все тѣснѣе и тѣснѣе около Маріи; всѣ говорили и размахивали руками; вдова кузнеца выходила изъ себя.

Отдѣленная отъ пруда только загородкою, Пѣвица боялась, что ее столкнутъ наконецъ въ воду; она простирала къ нимъ руки и говорила:

— Чего вы отъ меня хотите? Сжальтесь! не мучьте меня!

Молочница продолжала кричать и подступала къ Маріи такъ близко, что кулаки ея почти касались до лица несчастной дѣвушки. Марія пошатнулась назадъ и закричала съ трепетомъ:

— Сдѣлайте милость, не подходите такъ близко! Вы столкнете меня въ воду!

Слова Маріи породили въ умахъ грубыхъ поселянъ жестокую мысль. Имѣя въ виду позабавиться одною изъ тѣхъ *шутокъ* сельскихъ, отъ которыхъ часто люди остаются на мѣстѣ, безъ дыханія, самый сердитый земледѣлецъ сказалъ:

— Бросимъ ее въ воду!... Покупаемъ немножко!

— Хорошо! въ воду! въ воду! повторили всѣ съ громкимъ восклицаніемъ и неистовыми рукоплесканіями.

— Дѣло! Выкупаемъ ее! Вѣдь она отъ этого не умретъ.

— Это выучитъ ее, что значитъ втираться къ честнымъ людямъ!

— Скорѣй! въ воду! Ну, дружнѣе!

— Сего-дня кстати вырубили здѣсь прорубь!

— Уличная красавица долго будетъ помнить Арнувильскую ферму.

Услыхавъ безчеловѣчные крики, жестокія насмѣшки; увидавъ звѣрскія лица безсмысленно-раздраженныхъ людей, которые нападали на нее, Марія думала, что пришолъ часъ ея смерти.

Скоро испугъ замѣнился въ ней горькимъ самодовольствіемъ: будущее представлялось ей въ такомъ чорномъ цвѣтѣ, что она благодарила Небо за избавленіе отъ мученій. Она не сказала ни слова, не жаловалась, опустилась на колѣна, сложила благоговѣйно руки на груди, закрыла глаза и ожидала, что̀ будетъ.

Земледѣльцы, увидавъ положеніе и нѣмую рѣшимость Маріи, остановились и не рѣшались исполнить своей звѣрской выдумки; но женщины стали упрекать ихъ въ слабости и они опять принялись кричать, чтобы придать себѣ болѣе храбрости.

Двое хотѣли ужъ схватить Марію, какъ вдругъ раздался голосъ нетвердый, дрожащій:

— Постойте! куда вы?

Г-жа Жоржъ, пробившись сквозь толпу, подбѣжала къ Пѣвицѣ, подняла ее и спрятала въ своихъ объятіяхъ....

— Встань, дитя мое!... любимая дочь моя!... Только въ церкви должно становиться на колѣна!...

Г-жа Жоржъ стояла и говорила такъ повелительно, что толпа отхлынула и всѣ молчали.

Лицо г-жи Жоржъ, обыкновенно очень-блѣдное, горѣло отъ негодованія. Она строго посмотрѣла на земледѣльцевъ и сказала имъ грознымъ и гордымъ голосомъ:

— Какъ вамъ не стыдно оскорблять безсильную дѣвушку!

— Да вѣдь она просто....

— Она дочь моя, отвѣчала г-жа Жоржъ, прерывая земледѣльца. Аббатъ Лапортъ, котораго всѣ благословляютъ и почитаютъ, любитъ ее и покровительствуетъ ей.... Вы должны почитать всѣхъ, кого онъ любитъ!

Эти простыя слова образумили земледѣльцевъ.

Всѣ почитали и уважали Буквальскаго Аббата; нѣкоторые изъ поселянъ знали, что онъ принимаетъ большое

участіе въ Пѣвицѣ. Однако въ толпѣ все еще ходилъ ропотъ; г-жа Жоржъ поняла смыслъ его и сказала:

— Кто-бы ни была эта несчастная дѣвушка, хоть самая презрѣнная тварь,—все-таки ваши поступки съ нею неизвинительны! За что хотите вы наказывать ее? И кто далъ вамъ право? На чемъ вы основываете вашу власть? На силѣ? Не стыдно-ли, не подло-ли мужчинамъ выбирать жертвою беззащитную дѣвочку? Пойдемъ, Марія, дитя мое.... поѣдемъ домой! У насъ знаютъ тебя и умѣютъ цѣнить!

Г-жа Жоржъ взяла Марію подъ-руку; смущенные земледѣльцы, сознавая всю грубость своего поступка, почтительно дали имъ дорогу.

Только вдова вышла впередъ и рѣшительно сказала г-жѣ Жоржъ:

— Она не выйдетъ отсюда, пока не сдѣлаетъ показаній г-ну меру объ убійствѣ моего мужа.

— Дочь моя не можетъ дѣлать показаній здѣсь, отвѣчала г-жа Жоржъ удерживая гнѣвъ свой: послѣ, если судьи найдутъ нужнымъ, ее потребуютъ въ судъ; она явится и я съ нею! А до-тѣхъ-поръ никто не имѣетъ права допрашивать ее....

— Но я говорю вамъ, сударыня....

— Несчастіе твое едва можетъ служить извиненіемъ твоихъ безразсудныхъ поступковъ. Ты будешь жалѣть, что возбудила поселянъ такъ неосторожно, къ буйнымъ грубостямъ. Марія живетъ со мною на Буквальской фермѣ.... Извѣсти объ этомъ судью, которому поручено твое дѣло.... Мы будемъ ждать его приказаній.

Вдова ничего не могла отвѣчать; она сѣла на загородку пруда, и горько зарыдавъ, цѣловала сиротъ своихъ.

Петръ явился съ кабріолетомъ. Г-жа Жоржъ и Марія отправились домой, въ Букваль.

Проѣзжая мимо Арнувилльской фермы, Марія увидѣла Клару: она плакала, спрятавшись за полу-открытую ставню, и простилась съ Маріею, махнувъ платкомъ....

XIV.

УТѢШЕНІЯ.

— А! какой стыдъ мнѣ! Какое огорченіе вамъ! сказала Марія, оставшись одна съ г-жею Жоржъ въ гостиной Буквальской фермы. Вы, вѣрно, навсегда поссорились съ г-жею Дюбрель, и все черезъ меня!... О! сбылись мои предчувствія.... Судьба наказала меня за то, что я обманула Клару и ея мать! Я причиною раздора между вами и вашей пріятельницей!

— Моя пріятельница—предобрая женщина, но недальняго ума.... Впрочемъ, у ней душа мягкая, и завтра-же она будетъ жалѣть о сегодняшней вспыльчивости.... Я въ этомъ увѣрена!

— Не думайте, чтобъ я хотѣла оправдывать ее, обвиняя васъ... о нѣтъ!... но ваше снисхожденіе ко мнѣ ослѣпляетъ васъ.... Поставьте себя на мѣсто г-жи Дюбрель.... Еслибъ вы узнали, что подруга любимой вашей дочери то, что я была!... Можно-ли сердиться за ея материнское негодованіе?

Г-жа Жоржъ не нашла отвѣта на вопросъ Маріи, которая продолжала говорить съ жаромъ:

— Завтра, здѣсь всѣ узнаютъ позоръ и стыдъ мой! Я не боюсь за себя; но кто знаетъ.... можетъ-быть, репутація Клары навсегда потеряна.... потому-что она называла меня подругой, сестрой? Я должна была покориться первому внушенію совѣсти.... не увлекаться любовію къ Кларѣ.... и удалиться отъ ея дружбы, хоть-бы за это она меня возненавидѣла!... Но я забыла, какое разстояніе отдѣляетъ меня отъ нея!... И за то, какъ я наказана.... жестоко наказана! Вѣдь я, можетъ-быть, повредила Кларѣ такъ, что ничѣмъ поправить нельзя.... а она такая добрая, достойная!...

— Дитя мое, отвѣчала г-жа Жоржъ, подумавъ нѣсколько времени: ты напрасно съ такою жестокою строгостію упрекаешь себя; твоя прошедшая жизнь — преступна, но развѣ ты не загладила ее?... Раскаяніемъ своимъ ты за-

служила любовь нашего почтеннаго Аббата. Онъ и я, мы представили тебя г-жѣ Дюбрель.... Не твои-ли личныя достоинства внушили ей нѣжное чувство участія, къ которому никто не принуждалъ ее? Не она-ли сама просила, чтобъ ты называла Клару сестрой? И могла-ли я разсказывать всѣмъ прошедшую твою жизнь? Я убѣждена въ твоемъ раскаяніи.... и мои разсказы только замедлили-бы твое нравственное возрожденіе.... Вотъ что́ я говорила сейчасъ и г-жѣ Дюбрель, потому-что не хотѣла ничего скрывать отъ нея... Ты не могла даже вовсе переродиться, еслибъ я предала тебя въ жертву отчаянію, заставивъ тебя сносить презрѣніе отъ такихъ людей, которые, можетъ-быть, не сохранили-бы въ себѣ тайнаго инстинкта чести и добродѣтели, какъ ты, еслибъ ихъ бросили, какъ тебя, на несчастія и погибель!... Горько, больно, что молочница все разсказала; но должна-ли я была все разболтать прежде нея, и пожертвовать твоимъ спокойствіемъ для предупрежденія происшествія, котораго, разумѣется, никто не могъ ожидать!

— Вотъ что́ и доказываетъ, что я никогда не буду счастлива: изъ любви ко мнѣ, вы должны скрывать мою прошедшую жизнь, а мать Клары должна презирать меня за ту-же прошедшую жизнь мою, презирать такъ-же, какъ всѣ будутъ презирать меня съ-этихъ-поръ.... потому-что Арнувилльское происшествіе вездѣ узнаютъ, слухъ о немъ скоро распространится.... О! я умру со стыда! Я ужъ не посмѣю взглянуть ни на кого!

— Даже и на меня? Бѣдное дитя! сказала г-жа Жоржъ, зарыдавъ и обнимая Марію.... Однакожъ ты всегда найдешь въ моемъ сердцѣ всѣ чувства нѣжной матери.... Успокойся, Марія, укрѣпи духъ раскаяньемъ! Здѣсь ты окружена друзьями.... ну! пусть ферма замѣнитъ тебѣ весь міръ! Мы сами сдѣлаемъ то, чего-ты такъ боишься: Аббатъ соберетъ всѣхъ жителей фермы, которые всѣ тебя душевно любятъ, и скажетъ имъ всю правду о твоей прошедшей жизни.... Повѣрь, дитя мое: слова его имѣютъ такую силу, что его разсказъ придастъ болѣе цѣны твоимъ достоинствамъ....

— Я вѣрю вамъ и рѣшусь исполнить ваше желаніе; вчера, во время нашего разговора, Аббатъ сказалъ мнѣ, что я должна загладить прошедшее тяжкими испытаніями.... Испытанія начинаются, и я ужъ не удивляюсь.... Онъ мнѣ сказалъ еще, что мои страданія искупятъ мою вину.... я этого надѣюсь.... Если во время испытаній вы и онъ будете меня поддерживать, я не стану жаловаться, ни роптать!

— Ты увидишь Аббата черезъ нѣсколько минутъ; никогда ты не нуждалась такъ въ его совѣтахъ, какъ сегодня.... Теперь ужъ половина пятаго.... приготовься итти къ Аббату, дитя мое. Я напишу Родольфу и разскажу все, что случилось на Арнувилльской фермѣ.... Письмо пошлю съ нарочнымъ.... Потомъ я пойду за тобою къ Аббату, вѣдь намъ непремѣнно надобно говорить всѣмъ троимъ вмѣстѣ....

Черезъ нѣсколько минутъ, Пѣвица вышла изъ фермы и отправилась къ дому Аббата, мимо оврага, въ которомъ должны были ждать ее Учитель и Хромой, по вчерашнему своему уговору.

XV.

РАЗМЫШЛЕНІЯ.

По разговорамъ Маріи съ г-жою Жоржъ и Аббатомъ замѣтно, что она вполнѣ воспользовалась совѣтами своихъ благодѣтелей, и такъ прониклась ихъ правилами, что приходила въ отчаяніе, когда вспоминала о прошедшей своей жизни.

Къ-несчастію, умъ ея развился, по-мѣрѣ того, какъ разростались и цвѣли превосходныя качества ея души въ новой атмосферѣ чести и чистоты, въ которой она теперь жила.

Елибъ она не обладала такимъ высокимъ умомъ, такою тонкою чувствительностію, такимъ живымъ воображеніемъ, то утѣшилась-бы гораздо скорѣе и легче.

Она раскаялась, Аббатъ простилъ ея вину.... она могла-бы забыть ужасы *Сите* среди наслажденій сельской

жизни, въ обществѣ г-жи Жоржъ... могла-бы предаться безъ страха дружбѣ съ Кларою.... и все это не потому, что забыла-бы о прежнихъ проступкахъ, а потому, что слѣпо вѣрила-бы словамъ тѣхъ, кого признаетъ достойными довѣрія....

Они говорили ей: «Теперь отличное поведеніе равняетъ тебя со всѣми другими честными людьми». И она не видала-бы никакой разницы между собою и честными людьми.

Несчастная сцена на Арнувилльской фермѣ подѣйствовала-бы на нее непріятнымъ образомъ; но Марія не предвидѣла, не предугадала-бы этой сцены, не плакала-бы и не мучилась угрызеніями совѣсти при видѣ невинной Клары, спящей въ одной комнатѣ съ бывшею пансіонеркою Яги-Бабы.

Бѣдная дѣвушка!... Какъ часто, въ долгіе часы безсонницы, она упрекала сама себя гораздо строже, гораздо хуже, чѣмъ упрекали ее поселяне Арнувилльской фермы!

Особенно убивало бѣдную Марію то, что она безпрерывно анализировала, разбирала упреки, которыми мучила сама себя. Какъ страдала она, сравнивая будущую участь свою, приготовленную ей неумолимымъ прошедшимъ, съ тою участью, которую она сама создавала себѣ, безъ отношенія къ прошедшей жизни.

Духъ анализа, розысканій и сравненій всегда бываетъ принадлежностію высокихъ умовъ. Въ душахъ мощныхъ и гордыхъ, этотъ духъ порождаетъ сомнѣніе, относящееся ко всему окружающему....

Въ душахъ скромныхъ и нѣжныхъ, онъ порождаетъ сомнѣніе въ самомъ себѣ.

Первыя сами себя оправдываютъ, если ихъ осуждаютъ.

Вторыя сами себя осуждаютъ, если ихъ оправдываютъ.

Аббатъ, не-смотря, на свои достоинства, и г-жа Жоржъ, не-смотря на свои добродѣтели или, лучше сказать, оба, не-смотря на свои достоинства и добродѣтели, не могли представить себѣ, какъ Пѣвица страдала съ той

минуты, когда душа ея, стряхнувъ прахъ порока, могла видѣть страшную бездну, въ которую ее бросили.

Они не подозрѣвали, что горькія воспоминанія Пѣвицы имѣли всю силу, всю мощь дѣйствительности: они не знали, что эта дѣвушка, одаренная тонкимъ чувствомъ, мечтательнымъ и піитическимъ воображеніемъ, удивительною способностію принимать впечатлѣнія, ежедневно не только вспоминала, но даже чувствовала, погружаясь въ тоску, смѣшанную съ отвращеніемъ и страхомъ, всѣ постыдныя низости прежней своей жизни.

Представьте себѣ дѣвушку лѣтъ шестнадцати, чистую и невинную, которая сознаетъ свою чистоту и невинность, но она брошена адскою силою въ презрѣнныя когти Яги-бабы и непремѣнно должна повиноваться этой Фуріи!... Такова была для Маріи реакція прошедшаго на настоящее!

Кто мыслитъ и знаетъ жизнь по опыту, тотъ не приметъ за парадоксъ то, что мы сей-часъ скажемъ:

Марія была достойна участія и состраданія особенно потому, что она никогда еще не любила; чувства ея спали и охолодѣли. Часто у женщинъ, не столь нѣжныхъ какъ Марія, надолго остается послѣ брака отвращеніе отъ мужчинъ; что́жъ удивительнаго, что эта несчастная, упоенная Ягой-бабой и шестнадцати лѣтъ брошенная въ толпу дикихъ или хищныхъ звѣрей, наполняющихъ улицы въ *Сите*, чувствовала только ужасъ и страхъ, и вышла нравственно чистою изъ этого омута?

Простодушные разсказы Клары о чистой любви ея къ жениху разстерзали сердце Маріи.... И она чувствовала, что можетъ любить до безумія; что можетъ понять въ любви все благородное, великое и чистое.... а между-тѣмъ ей нельзя и думать испытать или вселить въ кого-нибудь это чувство! Если она полюбитъ, она изберетъ по мѣркѣ высокаго своего ума, и чѣмъ-больше избранный будетъ достоинъ ея, тѣмъ-болѣе она должна думать, что недостойна его!...

XVI.

ПОХИЩЕНІЕ.

Солнце садилось; въ пустой долинѣ царствовало молчаніе.

Марія подходила къ оврагу, черезъ который ей слѣдовало идти къ дому Аббата, какъ вдругъ показался хромой мальчикъ въ сѣрой блузѣ и синей фуражкѣ; онъ казался очень встревоженнымъ. Увидавъ Пѣвицу, онъ прямо побѣжалъ къ ней....

— Сдѣлайте милость, сударыня, сжальтесь надо мною, говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, сложивъ на груди руки.

— Что тебѣ надобно? Что съ тобой? спросила Пѣвица съ участіемъ.

— Ахъ сударыня! Бабушка моя, старая престарая, упала тамъ, спускаясь въ оврагъ.... и больно ушиблась.... Мнѣ кажется, она переломила ногу.... Я слабъ, не могу поднять ее!... Что мнѣ дѣлать, если вы не придете ко мнѣ на помощь? Бѣдная бабушка! Она, можетъ-быть, умретъ тамъ, въ оврагѣ!

Пѣвица, тронувшись его горестію, отвѣчала:

— Я тоже несильна, но-можетъ быть, вдвоемъ мы какъ-нибудь поможемъ твоей бабушкѣ.... Пойдемъ къ ней поскорѣе!... Я живу вотъ тамъ на фермѣ.... Если старушка не можетъ идти съ нами, такъ я пришлю за ней.

— О, какъ вы добры! Господь заплатитъ вамъ за ваши милости! Пожалуйте сюда.... не далеко отъ оврага.... Бабушка упала, какъ я вамъ сказалъ, спускаясь въ оврагъ....

— Вы нездѣшніе? спросила Пѣвица, поспѣшно слѣдуя за Хромымъ.

— Нѣтъ, мы нездѣшніе, сударыня, мы пришли изъ Экуана.

— А куда-жъ вы шли?

— Къ одному доброму Аббату, который живетъ вотъ тамъ, на возвышеніи, сказалъ сынъ Красной-руки, чтобы пріобрѣсть довѣренность Маріи.

— Къ Аббату Лапорту?

— Точно такъ, сударыня, къ Аббату Лапорту; моя бѣдная бабушка давно съ нимъ знакома и знаетъ его очень коротко.

— И я тоже шла къ нему.... Какая странная встрѣча! отвѣчала Марія, спускаясь въ оврагъ.

— Бабушка!... Вотъ и я!... иду! иду!... Потерпи немножко.... я веду къ тебѣ на помощь.... кричалъ Хромой. Онъ хотѣлъ этимъ увѣдомить Сову и Школьнаго Учителя, чтобъ они имѣли время приготовиться и могли схватить жертву.

— Твоя бабушка, вѣрно, упала недалеко отсюда? спросила Пѣвица.

— Нѣтъ, сударыня.... очень-близко! вотъ за этимъ толстымъ деревомъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дорога поворачиваетъ на право, шагахъ въ двадцати отсюда не дальше.

Вдругъ Хромой остановился.

Топотъ лошадиныхъ копытъ раздался по долинѣ.

— Опять все потеряно! подумалъ Хромой.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ находились Пѣвица и сынъ Красной-руки, дорога очень-круто поварачивала вправо.

На поворотѣ появился какой-то господинъ верхомъ; подъѣхавъ къ Пѣвицѣ, онъ остановился.

Потомъ послышался топотъ другой лошади, которая бѣжала рысью; черезъ нѣсколько секундъ явился и жокей этого господина, одѣтый въ темный сюртукъ съ серебряными пуговицами, въ бѣлыя замшевыя штаны; на немъ были берейторскіе сапоги съ отворотами.

Господинъ, одѣтый очень-просто, въ толстомъ сюртукѣ бронзоваго цвѣта и въ свѣтло-сѣренькихъ брюкахъ, граціозно сидѣлъ на превосходной, красивой лошади, гнѣдой масти, чистой породы; хотя конь совершилъ преуто-

мительное путешествіе, однакожъ на немъ не было видно ни малѣйшихъ признаковъ усталости.

Лошадь жокея, остановившаяся неподвижно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лошади господина, тоже была чистой породы и очень-красива.

Наѣздникъ казался красавцемъ. По его смуглому и прекрасному лицу, Хромой тотчасъ узналъ виконта Сенъ-Реми, котораго считали любовникомъ герцогини Люсне.

Виконтъ тотчасъ замѣтилъ красоту Пѣвицы.

— Сударыня! сказалъ онъ ей: позвольте узнать, какъ проѣхать въ село Арнувилль?

Марія, потупивъ въ землю глаза, потому-что не могла снести дерзкаго взгляда чорныхъ глазъ молодаго красавца, отвѣчала ему:

— Когда выѣдете изъ оврага, ступайте по первой тропинкѣ, которую увидите на правой рукѣ.... Такъ вы пріѣдете къ вишневой аллеѣ, а она прямо ведетъ въ Арнувилль.

— Покорно благодарю васъ, прелестная красавица. Вы больше знаете, чѣмъ эта глупая старуха, которую я сейчасъ видѣлъ, шагахъ въ двухъ отсюда.... Она лежитъ подъ деревомъ и стонетъ, я ничего не могъ добиться отъ нея.

— Бѣдная, несчастная моя бабушка! прошепталъ Хромой жалобнымъ голосомъ.

— Еще одно слово, сударыня, сказалъ виконтъ Сенъ-Реми, обращаясь къ Пѣвицѣ: не можете-ли вы сказать мнѣ, какъ найти въ Арнувиллѣ ферму господина Дюбрель?

Пѣвица невольно вздрогнула при этихъ словахъ, которыя напомнили ей о страшной сценѣ, происходившей въ Арнувиллѣ утромъ; оправившись, она отвѣчала виконту:

— Флигеля фермы выходятъ въ вишневую аллею, по которой вы пріѣдете въ Арнувилль.

— Еще разъ, покорно васъ благодарю!

Виконтъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ въ галопъ. Жокей не отставалъ отъ него.

Пріятныя черты виконта развеселились и выражали удовольствіе, пока онъ разговаривалъ съ Маріей. Отъѣхавъ немного, онъ опять сталъ мраченъ и печаленъ; лицо его выражало сильное безпокойство.

Марія, вспомнивъ, что на Арнувилльской фермѣ спѣшили приготовить, по приказанію герцогини Люсне, павильонъ для помѣщенія какой-то неизвѣстной *особы*,— не сомнѣвалась, что всѣ приготовленія относились къ молодому и красивому ѣздоку.

Удары копытъ лошадей, скакавшихъ въ галопъ, долго еще раздавались и потрясали землю, которая затвердѣла отъ мороза. Мало-по-малу они начали затихать, и наконецъ совсѣмъ затихли.

Повсюду воцарилась прежняя тишина.

Хромой вздохнулъ свободно!

Желая успокоить и извѣстить объ успѣхѣ своихъ сообщниковъ, изъ которыхъ одинъ — (Учитель) — умѣлъ скрыться отъ взоровъ виконта и его жокея, сынъ Красной-руки закричалъ:

— Бабушка! вотъ и я! И не одинъ!... Добрая госпожа идетъ къ тебѣ на помощь.

— Пойдемъ скорѣй, другъ мой... Этотъ господинъ, своими разспросами, отнялъ у насъ нѣсколько минутъ.... говорила Пѣвица и поспѣшно бѣжала, чтобы скорѣй достигнуть до поворота дороги.

Едва дошла она туда, какъ Сова, сидѣвшая тамъ въ засадѣ, прошептала въ пол-голоса:

— Сюда, безглазый! ко мнѣ на помощь!

Потомъ она бросилась на Пѣвицу и схватила ее одною рокою около шеи, а другою зажала ей ротъ; въ то время Хромой бросился на ноги несчастной жертвы и обхватилъ ихъ, чтобы она не могла сойти съ мѣста и двинуться впередъ.

Все это было кончено такъ скоро, такъ быстро, что Сова не успѣла даже разсмотрѣть, кого она поймала; но пока Учитель выбирался изъ ямы, въ которую онъ спрятался, и добирался ощупью до мѣста битвы, съ плащомъ

въ рукахъ, старуха имѣла время узнать прежнюю свою жертву.

— Пегріотка!... вскричала она въ изумленіи.

Потомъ прибавила съ звѣрскою радостію:

— Опять ты въ моихъ рукахъ! *Самъ пекарь* * посылаетъ тебя ко мнѣ! Видно такъ тебѣ на роду написано, что ты безпрестанно попадаешь въ мои когти!... Бутылка съ купоросомъ у меня въ фіакрѣ!... Теперь личико твое непремѣнно попробуетъ купороса.... Мнѣ досадно смотрѣть на твое чистенькое личико. Ну-ка, безглазый, принимайся за работу.... Смотри, остерегайся, чтобъ она тебя не укусила, и держи ее хорошенько, пока мы будемъ завязывать ее въ плащъ.

Мощными руками схватилъ Учитель Пѣвицу, и прежде, чѣмъ она успѣла закричать, Сова набросила ей на голову плащъ и закутала ее со всѣхъ сторонъ.

Въ одну секунду, Марію такъ закутали и увязали, что она не могла ни подвинуться, ни закричать.

— Ну, безглазый, взваливай ношу на плеча.... сказала Сова.... Хе! хе! хе! Какая легонькая! Ларчикъ женщины, которую мы бросили въ каналъ, былъ гораздо тяжелѣе. А! не правда-ли, безглазый?

Злодѣй задрожалъ при послѣднихъ словахъ Совы: они напомнили ему страшный сонъ прошедшей ночи.

Кривая старуха, замѣтивъ эту дрожь, сказала ему:

— Ба! что съ тобой, душа моя?... ты весь дрожишь? Съ сегодняшняго утра, ты не можешь свести зуба съ зубомъ, какъ-будто у тебя лихорадка, и ты все смотришь на верхъ, точно какъ ищешь тамъ чего-нибудь.

— Старый лѣнтяй!... Онъ смотритъ, какъ мухи летаютъ, подхватилъ Хромой.

— Ну скорѣй, поворачивайся.... Взваливай Пегріотку на плеча! Вотъ такъ, хорошо! говорила старуха, видя, что Учитель взялъ на руки Пѣвицу, какъ берутъ спя́ щее дитя.... Пойдемте къ фіакру, пора!

---

* Самъ діаволъ.

— Да кто-же меня поведетъ? спросилъ Учитель печальнымъ голосомъ, сжимая въ рукахъ легкую и пріятную ношу.

— Умница! обо всемъ думаетъ! замѣтила Сова.

Раскрывъ шаль, она сняла съ худой шеи красной фуляръ, которымъ прикрывала безобразную грудь свою, свила изъ него жгутъ и сказала Учителю:

— Раскрой глотку, да захвати зубами конецъ фуляра, да держи его покрѣпче.... Хромой возметъ въ руки другой конецъ; ты и пойдешь за нимъ. Доброму слѣпцу добрая собака! Ну, пойдемте!

Хромой запрыгалъ, прошепталъ въ полголоса что-то похожее на лай собаки, схватилъ руками конецъ фуляра и повелъ Учителя подпрыгивая... Между-тѣмъ Сова поспѣшно ушла впередъ, предупредить Барбильона.

Нельзя описать, какъ испугалась Марія, когда увидала себя во власти Совы и Учителя. Силы ей измѣнили и она вовсе не могла сопротивляться.

Черезъ нѣсколько минутъ, Пѣвицу принесли и посадили въ фіакръ Барбильона. Хотя ночь уже наступила, однакожъ для бо́льшей осторожности тщательно спустили шторы кареты, и три злодѣя отправились, съ своею жертвою, которая едва дышала, въ равнину Сенъ-Дени, гдѣ ждалъ ихъ Томъ.

В. СТРОЕВЪ.

(Четвертая часть — въ слѣдующей книжкѣ.)

КАБИНЕТЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ РѢДКОСТЕЙ.

СТАТЬЯ ЭДУАРДА ФЕТИСА.

Сильные умы безпощадно вооружаются противу мелочной маніи любителей разныхъ коллекцій. Библіофилъ, отказывающій себѣ иногда въ необходимомъ, чтобы пріобрѣсть единственный экземпляръ какой-нибудь старинной книги, любитель картинъ, покрывающій золотомъ произведеніе Рубенса или Тиціана, натуралистъ, закладывающій все серебро свое, чтобы не упустить случая, купить раковину, не имѣющую себѣ подобной въ Европѣ,—вообще подвергаются насмѣшкамъ. Но сравните эти невинныя маніи со страстями, которымъ подвержены люди, и вы поймете, какъ онѣ невинны, безвредны, хотя часто и не приносятъ никому пользы! Человѣкъ, пристрастившійся къ искусствамъ или наукамъ, могъ-бы обратить дѣятельность ума своего къ цѣли менѣе благородной и предаться дурнымъ наклонностямъ. Безвредный посреди своихъ любимыхъ занятій, онъ никому не мѣшаетъ и всѣ желанія его ограничиваются тѣмъ, чтобы и ему никто не мѣшалъ въ занятіяхъ его. Какое дѣло свѣту до того, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ книгу, картину или раковину? Правда, составленіе подобныхъ коллекцій не всегда имѣетъ цѣлію общественную, ни даже частную пользу, и часто любители, руководимые какимъ-то страннымъ пристрастіемъ, собираютъ съ огромными

издержками вещи, неимѣющія никакой цѣнности, въ отношеніи къ искусствамъ, наукамъ или исторіи; но все-таки это весьма невинное занятіе.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я имѣлъ случай осматривать кабинетъ рѣдкостей, собранныхъ съ огромными издержками въ продолженіе 40 лѣтъ и до-нынѣ еще обогащающійся со-дня на день. Прежде, чѣмъ я приступлю къ описанію видѣнныхъ мною вещей, я разскажу, какимъ образомъ мнѣ представился этотъ случай.

Находясь въ одномъ изъ главнѣйшихъ городовъ сѣверныхъ департаментовъ Франціи, во время путешествія, предпринятаго мною съ цѣлію артистическихъ изысканій, я познакомился за общимъ столомъ съ молодымъ человѣкомъ хорошей фамиліи, оставлявшимъ родительскій домъ, чтобы искать развлеченія въ шумныхъ залахъ гостинницы. Я предложилъ ему настоящую гаванскую сигару и мы подружились. Благодаря нескромности новаго пріятеля своего, я вскорѣ узналъ всѣ сплетни и интрижки не только города, въ которомъ тогда находился, но даже всего департамента. Послѣ такой откровенности и мнѣ слѣдовало разсказать ему цѣль моего путешествія.

— Кстати, сказалъ мнѣ мой товарищъ, пустивъ струйку сѣраго дыма къ потолку столовой, въ которой мы допивали бутылку вина: кстати, такъ-какъ вы любитель музыки, то я долженъ познакомить васъ съ однимъ родственникомъ моимъ, старымъ оригиналомъ, который, вѣрно, болѣе васъ еще пристрастился къ этому искусству, на которое онъ уже около полустолѣтія тратитъ лучшую часть доходовъ своихъ, къ великому моему неудовольствію,—я племянникъ его и одинъ изъ наслѣдниковъ,—но, кажется, что наслѣдовать будетъ нечего, благодаря странной маніи дядюшки. Говорятъ, что будто-бы коллекція его стóитъ тѣхъ суммъ, которыя онъ на нее истратилъ, но, признаюсь вамъ откровенно, мнѣ гораздо пріятнѣе было-бъ видѣть на мѣстѣ всего этого старья—блестящую, звонкую монету. Чтó дѣлать? у всякаго свой вкусъ. Не угодно-ли вамъ полюбоваться тѣмъ, чтó дядюшка называетъ своимъ «сокровищемъ»?

— Съ удовольствіемъ. Но когда?

— Завтра.

— Я готовъ.

И мы условились о времени. Послѣ всего, слышаннаго мною о дядѣ новаго пріятеля моего, мнѣ чрезвычайно хотѣлось познакомиться съ нимъ, а потому на слѣдующій день я явился въ назначенный часъ къ молодому человѣку, и вмѣстѣ съ нимъ мы подошли къ старинному дому. Старая служанка отворила двери и ввела насъ къ хозяину. Ему казалось около 70 лѣтъ. Вопрѣки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ и антикваріевъ, считающихъ безпорядочность и неопрятность признаками истиннаго достоинства, онъ былъ одѣтъ съ изысканною опрятностью. Онъ принялъ меня весьма вѣжливо, особенно когда племянникъ объявилъ ему, что я большой любитель музыки. Когда рѣчь зашла о желаніи моемъ осмотрѣть рѣдкую коллекцію, то молодой человѣкъ, по видимому, непитавшій особеннаго уваженія къ древностямъ, удалился, и я одинъ вошелъ съ антикваріемъ въ святилище его.

Пройдя черезъ залу, въ которой находились рояль, контробасъ, скрипки въ футлярахъ и два пюпитра, разставленные такимъ образомъ, какъ будто ожидали музыкантовъ, для сыгранія какого-нибудь квартета Моцарта или Бетховена, мы подошли къ двери, которую старикъ отперъ ключемъ, находившимся у него въ карманѣ. Мы вошли въ комнату, въ которой на полкахъ лежали книги и ноты въ старинныхъ, но тщательно сохраненныхъ переплетахъ.

— Вотъ старые друзья мои, сказалъ мнѣ хозяинъ: ихъ не много, но я могу похвастать тѣмъ, что они прекрасно выбраны. Узнайте, во первыхъ, что въ моей библіотекѣ находятся только экземпляры такихъ книгъ, которыхъ очень трудно или даже совсѣмъ нельзя достать, или-же такихъ, которыя отличаются отъ другихъ какою-нибудь характеристическою и интересною особенностію. Большая-же часть нотъ, у меня находящихся, рѣшительно неизвѣстна всѣмъ библіографамъ. Все это мнѣ стóило многихъ розысканій и большихъ суммъ; но я не сожа-

лѣю ни о потерянномъ времени, ни объ истраченныхъ деньгахъ, потому-что это собраніе доставляло мнѣ, въ теченіе сорока лѣтъ, самыя чистыя наслажденія. Впрочемъ, здѣсь вы видите только самое маловажное изъ коллекціи моей. Я, пользуясь всѣми представлявшимися случаями, собиралъ инструменты, принадлежавшіе знаменитымъ людямъ, или другія вещи, которыя могли-бъ напоминать мнѣ о великихъ артистахъ, произведенія которыхъ хранились уже у меня въ библіотекѣ. Судите сами, сколько нужно было рвенія и постоянства для составленія коллекціи подобныхъ вещей!

При этихъ словахъ старикъ ввелъ меня въ комнату, гдѣ въ удивительномъ порядкѣ разставлены были старинные иструменты, мебель и другія вещи, которыхъ соединеніе удивило-бы всякаго, незнакомаго съ намѣреніями и цѣлію того, кто собралъ и сохранялъ ихъ съ такою заботливостію. Первый, меня поразившій предметъ, былъ шпинетъ (музыкальный инструментъ) изъ чернаго дерева, съ перламутровыми и серебряными украшеніями; форма самаго инструмента и украшеній носила отпечатокъ того времени, которое артисты называютъ *возрожденіемъ* (la renaissance).

— Вотъ, сказалъ хозяинъ, восхищенный любопытнымъ вниманіемъ моимъ, инструментъ, цѣнность котораго вы поймете, когда узнаете, что онъ принадлежалъ англійской королевѣ Елизаветѣ. Тщеславная дочь Генриха VIII весьма дорожила званіемъ искусной музыкантши, которымъ она славилась при дворѣ отца своего. Композиторы Бирдъ, Джильсъ Фернеби и Булль для нея написали собраніе музыкальныхъ піесъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: «Elisabeth's virginal Book.» Гордая принцеса сидѣла предъ самымъ этимъ инструментомъ, когда къ ней явился, въ 1564 году, лордъ Мельвиль съ посланіемъ отъ Маріи Стюартъ. Зная, что соперница ея также играла на этомъ инструментѣ, Елизавета приказала ввесть посланника въ сосѣднюю комнату, изъ которой онъ могъ-бы слышать игру ея, и принялась играть одну изъ блистательнѣйшихъ піесъ. Вся эта сцена, приготовленная съ намѣреніемъ, должна была имѣть видъ случайности; од-

накожъ Мельвиль очень-хорошо понялъ ее, и надѣясь, что искусная, ловкая лесть расположитъ къ доброжелательности ту, которой гордый, неукротимый нравъ надобно было смягчить, онъ притворился, будто не можетъ противиться прелестямъ такой очаровательной игры и поспѣшно отворилъ дверь, отдѣлявшую его отъ высокой артистки. Елизавета, по видимому, была недовольна тѣмъ, что Мельвиль засталъ ее, но внутренно она очень радовалась успѣху своей хитрости. Вы, вѣроятно, желаете узнать, какимъ образомъ инструментъ этотъ попался въ мои руки? Его продали въ Лондонѣ во время революціи, вмѣстѣ съ картинами Рафаэля и другими вещами, принадлежавшими королю Карлу I-му, потомъ перевезли его въ Голландію, гдѣ я и купилъ его у Амстердамскаго купца.

Разсмотрѣвъ внимательно шпинетъ Елизаветы, я подошелъ къ столу, на которомъ, между другими рѣдкостями, находилась великолѣпная чернильница. Ножка, изъ позолоченной бронзы, поддерживалась двумя амурами; тщательно отдѣланныя рѣзныя украшенія были во вкусѣ времени Людовика XV. Верхняя часть была изъ севрскаго фарфора и расписана съ рѣдкимъ совершенствомъ.

— Вы любуетесь этой чернильницей? спросилъ услужливый мой чичероне: она принадлежала кавалеру Глюку, которому подарила ее прекрасная и злосчастная Французская королева Марія-Антоанетта; доказательствомъ тому служитъ записочка, находящаяся въ выдвижномъ ящикѣ, въ которомъ она и была, когда я купилъ эту чернильницу.

И точно старикъ выдвинулъ ящичекъ, находившійся въ нижней части или основаніи чернильницы, вынулъ оттуда записку, тщательно вложенную въ два конверта, подалъ мнѣ ее со всѣмъ уваженіемъ, которое такая замѣчательная вещь заслуживала, и я прочелъ слѣдующее:

«Вся Франція восхищается вами. Парижъ и Версаль, дворъ и городъ, всѣ съ восторгомъ произносятъ имя ваше, между-тѣмъ-какъ аріи, вами сочиненныя, запечатлѣны во всѣхъ сердцахъ. Я почитаю себя счастливой

тѣмъ, что могу объявить вамъ, что вы заслужили августѣйшее вниманіе; Королева, умѣющая такъ хорошо цѣнить истинное достоинство, препоручила мнѣ препроводить къ вамъ эту вещь, въ знакъ уваженія, которое она питаетъ къ таланту вашему».

Съ подписью: Баронесса де-Біашъ.

8-го Марта 1777.

3-го числа того-же мѣсяца, въ первый разъ представлена была *Армида*; весьма-вѣроятно, что успѣху этой оперы Глюкъ обязанъ подаркомъ и поздравленіями королевы. Г-жа де-Мизери, баронесса де-Біашъ, была первая камеръ-фрау Маріи Антоанетты и часто, въ подобныхъ случаяхъ, служила ей секретаремъ. Хозяинъ этой весьма-рѣдкой вещи разсказалъ мнѣ, что ему уступилъ ее одинъ изъ корреспондетовъ его въ Вѣнѣ, которому она досталась въ 1787 году, при распродажѣ вещей, принадлежавшихъ Глюку. Долгое время спустя послѣ пріобрѣтенія, старый антикваріи случайно открылъ секретный ящичекъ и въ немъ записочку.

Нѣсколько подалѣе я увидѣлъ инструментъ, или лучше сказать, остатки какого-то незнакомаго мнѣ инструмента, напоминавшаго однакожъ музыкальные инструменты древнихъ, хотя я никакъ не могъ опредѣлить времени, къ которому его можно-бъ было отнести. Старикъ замѣтилъ, что любопытство мое было сильно возбуждено, и душевно радуясь тому, сказалъ мнѣ наконецъ:

— Радуйтесь, если сердце ваше начинаетъ биться сильнѣе, при воспоминаніи о древнемъ Римѣ. Инструментъ, котораго драгоцѣнные остатки вы здѣсь видите, принадлежалъ Императору!... Это цитра Нерона. Я досталъ ее отъ одного учонаго, въ присутствіи котораго ее вырыли, спустя тому 35 лѣтъ; я дорого заплатилъ за нее. Многіе сомнѣваются въ дѣйствительности ея, хотя всѣ вѣроятности говорятъ въ ея пользу. Эта драгоцѣнная рѣдкость найдена между проѣзжими дорогами Саларіа и Номентана, именно тамъ, гдѣ, какъ извѣстно, находился загородный домъ Ѳеона, вольноотпущеннаго раба Неронова, у котораго скрылся Императоръ, чтобы избѣгнуть заслуженнаго мще-

нія, которымъ угрожалъ ему народъ Римскій. Въ томъ-же мѣстѣ найдены многія другія вещи, находящіяся въ Римѣ, въ кабинетѣ одного богатаго любителя рѣдкостей. Между прочими, особенно замѣчательна маленькая бронзовая статуя, изображающая Нерона, играющаго на цитрѣ. Светоній говоритъ, что подобныя статуи и медали были сдѣланы по приказанію самого Императора. Весьма вѣроятно, что Неронъ, спасаясь бѣгствомъ, взялъ съ собою свой любимый инструментъ, въ воспоминаніе о своей музыкальной славѣ, потому-что передъ смертію онъ воскликнулъ: «Qualis artifex peres! Какой великій артистъ погибаетъ!» Онъ, можетъ быть, игралъ на этой самой цитрѣ, когда съ высоты Меценской башни воспѣвалъ *Разореніе Трои*, любуясь пожаромъ Рима.

Я не хотѣлъ показать сомнѣнія на-счетъ того, что мнѣ разсказывалъ хозяинъ, чтобы не повредить восторгу, въ которомъ онъ находился, хотя я и не былъ убѣжденъ. Конечно онъ, можетъ-быть, и не ошибался, но, по моему мнѣнію, когда нѣтъ вѣрныхъ доказательствъ, то лучше всего—сомнѣваться.

Возлѣ цитры Нерона находилась трость Гайдна—простой камышъ съ набалдашникомъ изъ слоновой кости. Тридцать лѣтъ сряду знаменитый композиторъ, вѣрный привычкамъ своимъ, ходилъ каждый день гулять съ этой тростью, какъ вдругъ, выѣхавъ внезапно изъ Лондона, онъ забылъ ее у одного музыканта, съ которымъ находился въ связяхъ. Трудно было переслать трость изъ Лондона въ Эстергази, гдѣ жилъ Гайднъ, а потому музыкантъ подарилъ ее одному джентльмену, ученику своему. Нашъ антикварій, прочитавъ въ англійскихъ газетахъ, что она продается вмѣстѣ съ богатою музыкальною библіотекою, написалъ къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, чтобы онъ немедленно купилъ ее для него. Дѣйствительность того, что трость принадлежала Гайдну была доказана, и теперешній хозяинъ ея пріобрѣлъ ее за шесть фунт. стерлинговъ.

— Вотъ, сказалъ я, остановившись предъ прекраснымъ фортепіяно, вотъ инструментъ, который, судя по гербу, на-

рисованному на самой срединѣ крыши, вѣроятно, принадлежалъ какому-нибудь высокому лицу?

— Ошибаетесь, возразилъ мой чичероне: это фортепіано принадлежало Люлли. Разсмотрите хорошенько гербъ: онъ самъ сочинилъ его себѣ, когда Людовикъ XIV пожаловалъ ему дипломъ на дворянство. На голубомъ полѣ серебряная шпага съ золотымъ эфесомъ и обращенная концомъ внизъ; вокругъ лезвея обвилась зеленая змѣя съ вышущеннымъ краснымъ языкомъ и золотой полосой, перерѣзывающей все и оканчивающейся двумя красными розами. Прочтите, что̀ написано на внутренней сторонѣ крыши, направо, близъ пюпитра.

Я подошелъ поближе и прочелъ стихи, начертанные твердою и четкою рукою:

A Lully:
Ses ouvrages, brillant de charmes inouis,
L'ont fait prendre ici bas pour dieu de l'harmonie.
Quelle gloire! Il la doit à son rare génie ...
Mais pouvait-il moins faire? Il chantait pour Louis.

Эта надпись отдѣлялась отъ свѣтлой краски, которой выкрашена крышка: она вполнѣ сохранилась. Самый счастливый случай доставилъ эту музыкальную рѣдкость въ руки человѣка, умѣющаго цѣнить ее, и въ такое время, когда она, можетъ-быть, пропала-бъ безъ вѣсти. Старый антикварій, проходя однажды по улицѣ Ж. Ж. Руссо, былъ застигнутъ проливнымъ дождемъ. Онъ зашелъ въ одну изъ залъ отели Бюлліонъ, гдѣ продавались съ аукціона нѣкоторыя вещи. Нѣсколько человѣкъ перебивали другъ у друга разную старую мебель, между которой находилось фортепіяно, въ довольно жалкомъ состояніи. Оцѣнка этого инструмента была въ 20 франковъ, но такъ-какъ никто не давалъ этой цѣны, то она опустилась до 12 и потомъ мало-по-малу опять стала подниматься.

— Двадцать три франка и 90 сантимовъ, говорилъ оцѣнщикъ монотоннымъ голосомъ, разъ, два, никто больше?

— *Двадцать пять франковъ!* Закричалъ нашъ антикварій, который рѣшился оспаривать у другихъ это форте-

піяно, показавшееся ему замѣчательнымъ уже по одной ветхости своей. Но никто не перебивалъ, и старый инструментъ достался ему, хотя онъ еще не зналъ, какую драгоцѣнную покупку сдѣлалъ. Только дома, у себя, когда онъ сталъ счищать вѣковую пыль съ фортепіяно, онъ замѣтилъ, что оно нѣкогда принадлежало знаменитому Люлли, который получилъ его въ подарокъ, вѣроятно, отъ какого нибудь вельможи, можетъ-быть и отъ самого Людовика XIV; впрочемъ старый антикварій не имѣлъ насчетъ этого никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Мы пошли далѣе. Первый предметъ, представившійся мнѣ, былъ огромный парикъ, прикрытый стекляннымъ колпакомъ. Я невольно улыбнулся, но боясь оскорбить этимъ своего чичероне, тотчасъ-же принялъ опять серьезный видъ.

— То, что́ вы здѣсь видите, сказалъ онъ, можетъ показаться многимъ самою обыкновенною вещію; смѣйтесь надо мною, если хотите, но я вамъ скажу, что эта вещь для меня драгоцѣнна. Парикъ парику не равенъ, сударь; этотъ парикъ прикрывалъ голову одного изъ величайшихъ германскихъ музыкантовъ: въ продолженіи 25 лѣтъ онъ служилъ Себастіану Баху!... Въ бытность мою въ Лейпцигѣ, я зашелъ къ одному парикмахеру, и не мало удивился, когда увидѣлъ въ залавкѣ его портретъ Себастіана Баха, надъ которымъ висѣла лавровая вѣтка, пожелтѣлая отъ времени. На вопросы мои касательно этого обстоятельства, парикмахеръ сказалъ мнѣ, что дѣдъ его имѣлъ честь убирать голову славнаго артиста, въ продолженіе послѣднихъ 17 лѣтъ жизни его. Онъ прибавилъ, что послѣдній парикъ С. Баха остался во владѣніи дѣда его, который оставилъ его отцу, а отъ отца онъ достался самому парикмахеру, который крайне сожалѣлъ, что не имѣлъ дѣтей, что-бы можно было оставить его имъ въ наслѣдство, но что, не-смотря на бѣдность свою, онъ не продастъ его ни за что́. Нужно-ли вамъ говорить, какъ мнѣ захотѣлось имѣть въ своей коллекціи эту рѣдкость особеннаго рода? Я началъ съ того, что показалъ глубочайшее уваженіе къ памяти С. Баха и къ твореніямъ его, потомъ предложилъ парикмахеру продать

мнѣ этотъ парикъ. Онъ сначала ничего не хотѣлъ слышать, и я тщетно предлагалъ 20, 30, 40 талеровъ! Когда-же я наконецъ возвысилъ цѣну до 60 талеровъ, то жена парикмахера сказала ему съ живостію, что безразсудно было-бъ отвергать подобное предложеніе въ положеніи, въ которомъ они находились; что впрочемъ наслѣдство С. Баха будетъ хорошо сохранено въ рукахъ такого любителя музыки, какимъ я казался. Мужъ, склоненный этими убѣжденіями, пошелъ за парикомъ, находившемся въ той-же картонкѣ, въ которую положилъ его дѣдъ парикмахера; но когда онъ получилъ деньги и увидѣлъ, что я уношу сокровище его, то двѣ крупныя слезинки потекли по морщинистымъ щекамъ его. Я почти выбѣжалъ на улицу, потому-что если-бъ я остался еще минуту въ лавкѣ, то оставилъ-бы бѣдняку и 60 талеровъ и парикъ.

Возлѣ парика Баха, лежали часы съ эмалью; на одной сторонѣ ихъ представлены были пастухъ и пастушка, пляшущіе менуэтъ, съ картины Ватто. На печаткѣ изъ драгоцѣннаго камня и привѣшенной къ часамъ на цѣпочкѣ отличной отдѣлки, были вырѣзаны на оборотъ буквы W. M.

— Кому, по вашему мнѣнію, принадлежали эти часы? спросилъ я.

— Я и здѣсь не ограниченъ своимъ мнѣніемъ, отвѣчалъ антикварій, почти оскорбленный сомнѣніемъ, проявлявшимся въ вопросѣ моемъ. Эти часы суть подарокъ, сдѣланный г-жею де-Помпадуръ Моцарту, когда онъ, будучи еще ребенкомъ, пріѣзжалъ въ Парижъ. На другой день послѣ того, какъ молодой Вольфгангъ игралъ у фаворитки, она прислала ему этотъ подарокъ, съ однимъ изъ придворныхъ вельможъ. Разсмотрите хорошенько нарисованное и вы увидите, что пастухъ похожъ нѣсколько на Людовика XIV, а пастушка на г-жу де-Помпадуръ. Очень можетъ быть, что король подарилъ эти часы своей фавориткѣ, которая въ то время, когда Моцартъ былъ въ Парижѣ, начинала уже впадать въ немилость, почему этотъ знакъ любви, которая уже болѣе не существовала, потерялъ для нея всю свою цѣнность и ей не жаль было

разстаться съ нимъ, чтобы вознаградить ребенка, который доставилъ ей нѣсколько минутъ истиннаго наслажденія.

Вѣнокъ изъ увядшихъ цвѣтовъ находился возлѣ часовъ Моцарта. Не допустивъ меня сдѣлать вопроса насчетъ этой рѣдкости своего кабинета, хозяинъ сказалъ:

— Знаменитая пѣвица носила этотъ вѣнокъ; только въ то время цвѣты эти были свѣжи и благоухали, въ то время великая пѣвица блистала молодостью, славой и чуднымъ талантомъ своимъ. Теперь-же оба!... Семь лѣтъ тому назадъ, въ послѣднее путешествіе мое, предпринятое для окончанія дѣлъ моихъ, я былъ въ Миланѣ. Въ самый день прибытія моего въ этотъ городъ, я освѣдомился о томъ, что давали на театрѣ della Scala; прислужникъ изъ гостинницы, въ которой я остановился, принесъ мнѣ аффишу, на которой я прочелъ напечатанное крупными буквами объявленіе о «Нормѣ» и имя славной Малибранъ. Я не въ состояніи описать вамъ наслажденія, которое ощутилъ я въ тотъ вечеръ! Къ концу послѣдняго дѣйствія букеты цвѣтовъ и вѣнки посыпались на сцену. По окончаніи спектакля, я вышелъ изъ театра, не зная еще, куда идти, когда одинъ изъ зрителей, возлѣ котораго я сидѣлъ, спросилъ меня, не пойду-ли я во дворецъ Висконти? Я отвѣчалъ, что не получалъ приглашенія, но онъ возразилъ, что въ немъ и не было нужды и предложилъ мнѣ идти съ нимъ вмѣстѣ. Герцогъ Висконти былъ тогда директоромъ Миланскаго театра; сверхъ значительнаго жалованья, которое онъ платилъ знаменитой примадоннѣ, она имѣла еще квартиру во дворцѣ его и готовый экипажъ. Прибывъ ко дворцу, мы вошли въ него, не будучи никѣмъ остановлены. Проводникъ мой, который, по-видимому, хорошо зналъ внутреннее расположеніе дворца, ввелъ меня въ залу, гдѣ Малибранъ ужинала, окруженная многочисленнымъ собраніемъ. Всѣ свободно выходили и входили, разговаривали или слушали. Говорили о представленіи того вечера; всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ изъявляли славной пѣвицѣ восторгъ, возбужденный игрой и пѣніемъ ея. Малибранъ во все время не снимала съ головы вѣнка, который на сценѣ первый упалъ къ

ногамъ ея; но такъ-какъ жаръ сдѣлался нестерпимъ, то она наконецъ сняла его и положила возлѣ себя на стулъ. Пробывъ тамъ около двухъ часовъ, мы удалились, но, долженъ признаться вамъ, я похитилъ этотъ вѣнокъ и тайно унесъ его съ собою.

— А кому принадлежалъ этотъ золотой браслетъ, съ орнаментами изъ платины и съ изумрудомъ, которому я не видалъ еще подобныхъ?

— Извѣстной Габріелли: онъ подаренъ ей Россійской Императрицей, Екатериной II, что доказывается шифромъ, вырѣзаннымъ на фермоарѣ.

— А зачѣмъ вы помѣстили въ вашу коллекцію этотъ грубо выдѣланный кусокъ чорнаго дерева?

— Это одинъ изъ колковъ Оссіановой арфы, найденный на Гебридскихъ островахъ англичаниномъ Мекферсономъ, вмѣстѣ съ манускриптами древнихъ бардовъ.

— А эта струна?

— Она, можетъ-быть, доставила сто тысячь экю тому, кто, употребляя ее, производилъ на слушателей глубочайшее впечатлѣніе. Я занималъ одно изъ первыхъ креселъ въ оркестрѣ въ концертѣ, который Паганини давалъ въ Германіи. Въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ пассажей *Колокольчика* (la clochette), одна изъ струнъ скрипки знаменитаго скрипача лопнула, что его такъ сильно разсердило, что, какъ онъ не бился, не могъ натянуть ея. Струна, будучи сильно натянута, оборвалась совсѣмъ и черезъ лампу слетѣла въ оркестръ, прямо ко мнѣ на колѣни. Другой на моемъ мѣстѣ поторопился-бы возвратить ее славному артисту, который искалъ ее у ногъ своихъ, но я, вспомнивъ о своей коллекціи, оставилъ ее у себя и, боясь, чтобы сосѣди мои не увидѣли у меня струны, спряталъ ее въ шляпу и прикрылъ платкомъ. Я несуевѣренъ, но признаюсь вамъ, меня крайне удивило и поразило одно обстоятельство, которое я вамъ разскажу. 27-го маія, 1840 года, я читалъ въ этой комнатѣ, гдѣ я охотно провожу время, посреди воспоминаній, возбуждаемыхъ въ умѣ моемъ этими предметами; струна была обвита около катышка изъ краснаго дерева, какъ и теперь; вдругъ она развилась и ударилась объ эту скрип-

ку Віотти, которая издала жалобный звукъ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, потому-что всякому извѣстно, что струна обвитая плотно около цилиндра, развивается съ силой, если одинъ конецъ ея оборвется; но представьте себѣ изумленіе мое, когда нѣсколько времени спустя я узналъ, что Паганини умеръ въ этотъ самый день, а именно 27 маія, 1840 года!...

Не будучи суевѣрнымъ, я самъ невольно былъ пораженъ странностію этого случая. Я продолжалъ осматривать прочія рѣдкости этой коллекціи, но мѣсто не дозволяетъ мнѣ продолжать здѣсь исчисленіе ихъ. Впрочемъ всякій можетъ себѣ составить идею о замѣчательности прочихъ предметовъ, по вышеприведеннымъ образчикамъ. Я удалился, поблагодаривъ отъ души стараго антикварія и обѣщалъ придти на другой день осмотрѣть библіотеку его, которая, говорилъ онъ, доставитъ мнѣ неменьшее удовольствіе. Уходя, я нечаянно задѣлъ за кресла и чуть не уронилъ ихъ.

— Эти кресла принадлежали Гретри, сказалъ хозяинъ; они находились вмѣстѣ съ другою мебелью въ *Эрмитажѣ*, и я могу увѣрить васъ, что они долго служили этому композитору.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

(Подражаніе Беранже).

«Ужели, дѣдушка, тамъ, въ этой синей чашѣ,
«У каждаго изъ насъ есть звѣздочка своя»?
— Конечно, дитятко. — «Скажи мнѣ: гдѣ-же наши?
«Которая моя? которая твоя?»
— Не знаю, дитятко: Господь отъ насъ скрываетъ
Родимой звѣздочки непостоянной свѣтъ. —
«Ахъ, дѣдушка, смотри: вонъ, звѣздочка летаетъ!...
«Смотри: летитъ, летитъ — и вонъ, ея ужъ нѣтъ»!

— Вотъ видишь, дитятко: въ кончину человѣка,
И звѣздочка его съ нимъ гаснетъ сей-же часъ;
Чья эта звѣздочка, тотъ прожилъ здѣсь полвѣка
Со страхомъ Божіимъ — и умеръ, причастясь.
Блаженъ, кто съ вѣрою свой смертный часъ встрѣчаетъ:
Предъ вѣчнымъ Судіей онъ смѣло дастъ отвѣтъ —
«Ахъ, дѣдушка: еще вонъ, звѣздочка летаетъ!...
«Смотри: летитъ, летитъ — и, вонъ ея ужъ нѣтъ»!

— Вотъ видишь, дитятко: скончался сынъ вельможи.
Отецъ его, въ звѣздахъ и въ силѣ при Дворѣ,
Мечталъ, что и сынокъ, на батюшку похожій,
Дослужится до звѣздъ при батюшкѣ-Царѣ.
Но смертный думаетъ, а Богъ располагаетъ:
Чиновъ, крестовъ и звѣздъ теперь пропалъ и слѣдъ.... —
«Ахъ, дѣдушка: еще, вонъ звѣчдочка летаетъ!
«Смотри: летитъ, летитъ — и, вонъ, ея ужь нѣтъ»!

— Ахъ, дитятко! вздохнемъ о звѣздочкѣ прекрасной!
Она была свѣтла и дѣвственно чиста:
Женихъ лишился въ ней своей подруги страстной,
Которая теперь невѣстою Христа.
Старушка мать безъ слезъ надъ дочерью рыдаетъ,
Отчаянный женихъ готовитъ пистолетъ.... —
«Ахъ, дѣдушка: еще, вонъ, звѣздочка летаетъ!...
«Смотри: летитъ, летитъ — и вонъ, ея ужъ нѣтъ»!

— Ахъ, дитятко! какъ все здѣсь пролетаетъ быстро!
Ты понимаешь-ли, что это за звѣзда?...
Угасшая звѣзда, временщика-министра,
Которому за зло давно готова мзда.
Кто прежде льстилъ ему, теперь его ругаетъ,
Изъ рамы золотой швырнувъ его портретъ.... —
«Ахъ, дѣдушка: еще, вонъ, звѣздочка летаетъ!...
«Смотри: летитъ, летитъ — и, вонъ, ея ужъ нѣтъ!»

— Перекрестись, мой сынъ: Святой разстался съ нами!...
Смиренный пастырь душъ, онъ понималъ свой санъ:
Не словомъ лишь однимъ, — примѣромъ и дѣлами!...
Терпѣнью и любви училъ онъ христіанъ!...
И съ высоты небесъ онъ насъ благословляетъ,
Напоминая намъ спасительный завѣтъ.... —
«Ахъ, дѣдушка: еще вонъ, звѣздочка летаетъ....
«Смотри: летитъ, летитъ — и, вонъ, ея ужъ нѣтъ»!

— О! страшно, дитятко!... звѣзда любимца славы!...
Какъ грозный сынъ судьбы весь міръ онъ удивилъ,
Низвергъ и покорилъ великія державы, —
Но честолюбія въ себѣ не покорилъ!
Гдѣ-жъ тотъ, который все громитъ и побѣждаетъ?...
За тридевять морей изтлѣлъ его скелетъ!...
Что-жъ нашъ высокій умъ?... какъ звѣздочка — летаетъ, —
Летитъ, летитъ, летитъ и — вонъ, ея ужь нѣтъ!...

дм. ленскій.

21-го марта, 1843.

=

ЭЛЕГІЯ. *

Куда сокрыться отъ желаній?...
Онѣ повсюду мнѣ сопутствуютъ, какъ тѣнь;
Среди безплодныхъ ожиданій
Безплодно погибаетъ день...
И ночи не даютъ мнѣ сна привычной дани!...
Вотще, съ собой-самимъ борьбою утомленъ,
Ищу спокойствія на одинокомъ ложѣ:
Его обходятъ сны, иль въ нихъ я вижу то-же,
Одну и тужъ мечту, одинъ и тотъ-же сонъ.
Прелестный призракъ твой и тамъ всегда со мною;
Твой робкій гласъ въ мой страстный слухъ льется слухъ;
Любовь, надежда, страхъ волнуютъ слабый духъ
И борятся въ груди, пылающей тобою!...
То въ глубинѣ лѣсовъ, разливши по плечамъ
Власовъ каштановыя волны,
Какъ Нимфа, ты бѣжишь, — и по твоимъ слѣдамъ
Твой другъ, надежды страстной полный,
Стремится милую волшебницу догнать.
Усталыя шаги прелестной измѣняютъ;
Вотще спѣшишь Діану призывать!
Безплодныя мольбы въ пространствѣ исчезаютъ....
Уже рука моя касается одеждъ....
Дыханья пламенемъ власы твои объяты....
Уже уста мои трикраты,
Въ восторгѣ сладостныхъ надеждъ,
Касаются твоимъ.... Уже, рука съ рукою....
Но истина кладетъ мечтаніямъ предѣлъ!
Прелестный призракъ улетѣлъ —
И я опять одинъ съ любовью и тоскою!...

* * *

То въ шумныхъ обществахъ блистательнаго свѣта,
Я, вихремъ вальса увлеченъ,
Лечу съ тобой по зеркалу паркета;
Твой легкій станъ моей рукою окруженъ;
Твои шаги сливаются съ моими,
Твое дыханіе съ моимъ;
Нескромный взоръ скользитъ надъ персями младыми;

---

* Стихотвореніе это нигдѣ прежде напечатано не было.

Уста твои почти касаются моимъ
И я въ объятіяхъ прекрасной забываю
Людей и свѣтъ, и жить мечтаю
Лишь наслажденіемъ однимъ.

* * *

То, мнится, я брожу съ тобою
Въ блистающихъ весной Аркадіи поляхъ,
Гдѣ воды свѣтлыя въ душистыхъ берегахъ
Безпечно стелятся прозрачною волною;
Гдѣ нѣга носится прохлады на крылахъ
И звуки сладкіе, какъ голосъ Филомелы,
Встаютъ отъ рѣзвыхъ водъ и съ эхомъ говорятъ,
И пѣснями любви веселой
Глубокіе лѣса и пажити шумятъ.
Тамъ я, забытъ вселенной,
И самъ ее забывъ,
Тебѣ вѣщать дерзаю, другъ безцѣнный,
Съ мольбой колѣна преклонивъ:
«Уединенія и счастія богиня!
«Продлимъ раздѣломъ утро лѣтъ!
«Мнѣ безъ тебя весь свѣтъ — пустыня,
«Съ тобой—въ пустынѣ цѣлый свѣтъ»!

* * *

Пусть годы, въ вѣчность исчезая,
Скрываются покорные судьбѣ:
Число вѣковъ собою умножая,
Они умножатъ страсть мою къ тебѣ!...

А. ПИСАРЕВЪ.

Апрѣля 18 дня, 1821 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ М. Д. ЛЬВОВОЙ-СИНЕЦКОЙ.

(Въ день ея Ангела.)

Маріи въ небесахъ сегодня я молился,
Маріи чтобъ земной Богъ счастье ниспослалъ;
И съ вѣрой теплою къ одной я возносился,
И чувства братскія къ другой я обращалъ:
Марія въ небесахъ — свята и преподобна,
Марія на землѣ — какъ ангелъ всѣмъ мила!
Та — вѣры въ подвигахъ явилась безподобна,
А эта — добротой сердца всѣхъ привлекла!
Небесная! — вонми усердному моленью:
Земной Ты ниспошли счастливы долги дни,
Да не имѣетъ вѣкъ причины къ огорченью,
И только радости вкушаетъ лишь одни.

ЦЫГАНОВЪ.

Іюля 22 дня, 1828 г.

Москва.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

§ 9.

Русскій театръ въ Одессѣ.

Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* напечатана слѣдующая статья о представленіяхъ труппы г-на Мочалова, о которой упомянуто было въ 5-й кн. «Репертуара и Пантеона»:

«Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, какъ труппа г. Мочалова продолжаетъ у насъ свои представленія и, можно рѣшительно сказать, доставляетъ истинное удовольствіе публикѣ. Успѣхъ г. Мочалова неслыханный въ юныхъ лѣтописяхъ нашего юнаго театра: онъ невольно напоминаетъ намъ блаженныя времена Тассистро и Нормы, когда нельзя было добиться билетовъ въ театральной кассѣ, когда стѣны нашего театра потрясались долгими, неистовыми рукоплесканіями, когда во всѣхъ ресторацiяхъ толпившаяся молодежь шумѣла съ восторгомъ объ оперѣ, когда во всѣхъ гостиныхъ разыгрывались и распѣвались мотивы мелодическаго, страстнаго Беллини.... Увы,

эти времена миновались! За наслажденія нашихъ *предковъ* мы, бѣдные *потомки*, платимъ скукою, зѣвая при представленіяхъ «Bravo» и вѣчной «Figlia del regimento». О, Аполлонъ! сжалься надъ нами! пошли намъ тенора не съ Олимпа, не съ Парнаса, а просто изъ Италіи, или откуда хочешь, только не такого, который, проѣхавъ Понтъ-Евксинскій, вдругъ-бы заболѣлъ, охрипъ, осипъ; не такого, который просилъ-бы у публики извиненія въ томъ, что онъ, по причинѣ болѣзни, не можетъ на первомъ дебютѣ пѣть настоящимъ своимъ голосомъ.... А до того вожделѣннаго времени, мы будемъ пока наслаждаться представленіями нашихъ родимыхъ, послушаемъ истой русской рѣчи, посмѣемся, порукоплещемъ и, порою, покричимъ браво и фора.

«Послѣ двѣнадцати или четырнадцати представленій, данныхъ труппою г. Мочалова, можно уже вполнѣ судить о талантахъ актеровъ и о способахъ, которыми они обладаютъ. Постараемся, по возможности, отдать себѣ справедливый отчетъ объ игрѣ ихъ и сдѣлаемъ нѣсколько безпристрастныхъ замѣтокъ, которыя могли-бы принести играющимъ существенную пользу. Въ одномъ изъ предъидущихъ №№ «Одесскаго Вѣстника» сказано уже было, что въ первомъ дебютѣ труппы г. Мочалова всѣ дѣйствовавшія лица выполнили свои роли какъ нельзя лучше, что они хорошо изучили ихъ и вошли въ самыя малѣйшія подробности, ничего не упустивъ изъ виду, что̀ касается до сценическаго искуства. Совершенная правда. Первый дебютъ дѣйствительно доставилъ намъ истинное наслажденіе, тѣмъ-болѣе, что оно было неожиданно: мы до сего времени не видѣли еще на нашей сценѣ ничего подобнаго. (Не говоримъ о г. Щепкинѣ, котораго мы видѣли здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ:— это былъ мимолетный метеоръ). Теперь, пришедши въ себя отъ перваго оглушительнаго восторга, мы можемъ похладнокровнѣе смотрѣть на нашихъ гостей и, слѣдя постоянно за ихъ игрою, видѣть и большія ихъ достоинства, и нѣкоторые незначительные недостатки, сперва нами незамѣченные.

«Начнемъ съ главы—г. Мочалова, которому, безъ со-

мнѣнія, принадлежитъ пальма первенства. Г. Мочаловъ обладаетъ рѣшительнымъ и превосходнымъ комическимъ талантомъ; каждую свою роль онъ понимаетъ и выполняетъ чудесно; костюмъ и мимика совершенно соотвѣтствуютъ его свободной, естественной и благородной игрѣ. Притомъ (важное достоинство въ актерѣ!) онъ никогда не бываетъ однообразенъ, не напоминаетъ вамъ уже видѣнное прежде лицо въ какой-нибудь другой піесѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить напримѣръ слѣдующія его роли: *слугу деньщика*—въ первомъ дебютѣ; *дворецкаго*—въ піесѣ *Жена кавалериста*; *франта*—*Въ людяхъ ангелъ не жена*; другаго франта—въ піесѣ *Барская спѣсь; сумасшедшаго физика*—въ *Домѣ сумасшедшихъ* и *стряпчаго*—въ *Стряпчій подъ столомъ*. Однимъ словомъ, къ г. Мочалову, какъ къ актеру, не за что́ придраться; но, за то, нельзя не пожурить его, какъ содержателя труппы, за выборъ піесъ, иногда весьма плохихъ, иногда вовсе не идущихъ къ нашей сценѣ, иногда избранныхъ не по силамъ. Къ первому разряду можно отнести напр. «*Москаль чарівникъ*», піесу старинную, писанную на малороссійскомъ языкѣ, пошлую, безъ всякаго содержанія, разыгранную дурно, потому-что всѣ дѣйствующіе, за исключеніемъ одного Микульскаго (исполнившаго свою роль прекрасно), говорили Богъ знаетъ какимъ языкомъ—ни малороссійскимъ, ни русскимъ, коверкали слова не на-животъ, а на-смерть, терзали жестоко уши зрителей.... и за все это получили еще нѣсколько аплодисментовъ отъ *благосклонной* публики. Совѣтуемъ, въ предостереженіе гг. русскихъ актеровъ, не слишкомъ безотчетно полагаться на наши рукоплесканія: вы, господа пріѣзжіе, не знаете еще насъ хорошо: вѣдь мы хлопали и *Бинаги*, и *Христофани*, и *Бруначи* и множеству, множеству уже покойниковъ (не будь они зломъ помянуты!) Ко второму разряду относятся бо́льшею частію водевили, переведенные съ французскаго; переведенная драма, трагедія, комедія,—дѣло другое; но водевиль, особливо такіе водевили, какъ мы видѣли.... довольно; не сто́итъ болѣе и говорить о нихъ. Къ третьему разряду можно отнести напр. *Сомнамбулу* и даже не-

лѣпаго *Меринова*, гдѣ нужна большая обстановка сцены и много условій, которыхъ малочисленная труппа г. Мочалова не въ состояніи выполнить. Мы не понимаемъ, для чего г-жа Мочалова выбрала сію послѣднюю піесу для своего бенефиса? Неужели только для того, чтобы покачаться на рыбачьей сѣткѣ и протанцовать качучу?— Г. Максимовъ играетъ роли молодыхъ людей—степенныхъ, вѣтренныхъ, шалуновъ, франтовъ и т. п. (jeune premier), и выполняетъ ихъ отчетливо и прекрасно, въ полномъ смыслѣ этого слова; видно тотчасъ, что онъ обладаетъ быстрою и хорошею памятью: онъ всегда знаетъ свою роль хорошо и вѣренъ бываетъ ей отъ начала до конца. Амплуа г. Максимова есть самое трудное: малѣйшее упущеніе или неловкость, со стороны дѣйствующаго, тотчасъ сдѣлали-бы его пошлымъ или незанимательнымъ. Но здѣсь-то и виденъ талантъ г. Максимова,—онъ даже пустымъ ролямъ умѣетъ придать занимательный характеръ. Къ этому надобно прибавить, что ему теперь только 22 года: чего можно ожидать отъ этого таланта чрезъ нѣсколько лѣтъ постояннаго изученія сценическаго искусства? Нельзя, однакожъ, не замѣтить ему (да не сочтетъ онъ это педантическими придирками!), что онъ говоритъ иногда очень-невнятно, скороговоркою, такъ, что даже въ первыхъ рядахъ креселъ нельзя его разслышать; любимые свои жесты употребляетъ слишкомъ часто, такъ, что они теряютъ свое значеніе, напр. онъ чрезъ-чуръ часто бьетъ себя по берцамъ, хлопаетъ въ ладони, размахиваетъ руками, безпрестанно прикладываетъ руку ко лбу и (важный недостатокъ, который должно рѣшительно исправить) вихляется иногда всѣмъ корпусомъ. Пусть вспомнятъ піесы: *Мужъ, какихъ мало* и *Симонъ сиротинка*.—Г. Микульскій выполняетъ роли пожилыхъ и стариковъ весьма-удовлетворительно и очень-часто даже превосходно; но рѣдко знаетъ свою роль твердо и всегда болѣе другихъ нуждается въ суфлерѣ. Оттого онъ часто растягиваетъ слова, говоритъ, какъ-будто заикаясь, и вѣчно приближается къ суфлерской будкѣ, какъ къ спасительному баркасу. Это незнаніе роли замѣтнѣе всего бываетъ въ сложныхъ живыхъ сценахъ, ко-

гда дѣйствующія лица должны безпрестанно перебивать другъ друга: такія сцены чрезъ г. Микульскаго часто теряютъ эффектъ отъ недостатка въ жизни. При всемъ томъ, онъ имѣетъ большую способность скрывать отъ зрителей этотъ свой недостатокъ, такъ, что только при внимательномъ за нимъ наблюденіи и при знаніи самой піесы, можно видѣть, до какой степени онъ надѣется на суфлера, выходя на сцену. Еще можно замѣтить, что хотя языкъ г. Микульскаго правиленъ, чисто русскій (?); но говоръ, или, какъ выражаются, акцентъ, совсѣмъ не тотъ, что́ у г. Мочалова и Максимова. Само-собою разумѣется, что этого нельзя вмѣнить ему въ вину, ни въ недостатокъ; это зависитъ отъ мѣста рожденія; акцентъ каждаго языка всасывается съ матернимъ молокомъ; его—трудомъ и ученіемъ пріобрѣсти невозможно.—Г-жа Мочалова—это перлъ нашей русской труппы: она всегда вызываетъ самыя громкія рукоплесканія и вполнѣ ихъ заслуживаетъ. Каждую роль свою она тщательно обдумываетъ, изучаетъ и выполняетъ съ рѣдкимъ совершенствомъ; она съ равно-неподражаемымъ искусствомъ исполняетъ роль дамы высшаго общества и крестьянки, ханжи и кокетки, свѣтской молоденькой дѣвушки и гризетки. Для доказательства довольно вспомнить слѣдующія піесы: *Остановитесь* (роль нѣмой); *Въ людяхъ ангелъ—не жена; Въ тихомъ омутѣ черти водятся; Новички въ любви* и *Дебютантка* (собственно роль крестьянки). При всемъ нашемъ уваженіи къ таланту г-жи Мочаловой, мы не можемъ, къ-сожалѣнію, не замѣтить, что она сама не уважаетъ и не оцѣняетъ вполнѣ своего таланта: мы не могли ее видѣть безъ особенно непріятнаго чувства въ роли барабанщика (въ піесѣ *Дебютантка*). Къ чему эти переодѣванья? Къ чему унижать свое достоинство на потѣху партера? Неужели его рукоплесканія и хохотъ могутъ быть лестны артисту? Или къ чему, напримѣръ, ей было участвовать въ этой пошлой піесѣ—*Москаль чаривникъ*, гдѣ она должна была свой милый русскій говоръ ломать Богъ знаетъ на какое нарѣчіе, вовсе ей чуждое? Не чувствовала-ли она сама очень-хорошо, что тамъ она была не въ своей тарелкѣ? Мы отъ души совѣтуемъ г-жѣ Мочаловой, какъ

истинной артисткѣ, избѣгать подобныхъ ролей и являться предъ публикою въ такихъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали-бы ея таланту. Еще нѣсколько словъ о пѣніи. Г-жа Мочалова обладаетъ пріятнымъ голосомъ и для водевиля довольно-сильнымъ; но, должно сказать откровенно, ея голосъ не обработанъ, какъ-бы слѣдовало: грудныя ноты она беретъ хорошо, а горловыя производятъ часто непріятное впечатлѣніе на слухъ. Намъ возразятъ: «вы забываете, что она не оперная пѣвица?» Ни мало, мы слишкомъ далеки отъ этой мысли; мы и не говоримъ о ней, какъ объ оперной пѣвицѣ. Помилуйте! для этого надобно слишкомъ много условій; мы очень хорошо помнимъ, что она актриса, но въ то-же время помнимъ и то́, что ей должно пѣть куплеты и владѣть голосомъ для речитатива: а для этого нужно весьма и весьма изучить музыку, нужно имѣть методу и свободу въ пѣніи, гибкость и самоувѣренность въ голосѣ. Какъ, напримѣръ, непріятно слышать, среди аккомпанимента оркестра, первую скрипку, которая напиливаетъ тотъ-же мотивъ, что́ она поетъ на сценѣ! Не ясно-ли, что скрипка служитъ ей вспомогательнымъ средствомъ не сбиться съ тона? Этого не должно быть и въ водевильномъ напѣвѣ. Слѣдовательно, и водевильный мотивъ надобно хорошенько срепетировать у себя до́ма, заучить его и усвоить такъ, чтобы онъ твердо остался въ памяти, какъ и слова; чтобы оркестръ только аккомпанировалъ пѣнію и, при началѣ, дѣлалъ аккордъ для намека на тонъ, въ какомъ должно пѣть куплеты. Впрочемъ, это замѣчаніе наше относится не къ г-жѣ Мочаловой только, а вообще ко всѣмъ членамъ русской труппы, и болѣе всѣхъ другихъ къ г-ну Максимову. Мы совѣтуемъ имъ обратить особенное вниманіе на этотъ общій ихъ недостатокъ. На средства пожаловаться нельзя въ Одессѣ, лишь-бы была охота трудиться и учиться.—Г-жа Данилова выполняетъ роли молоденькихъ свѣтскихъ дѣвушекъ, вдовушекъ, крестьянокъ, гризетокъ, очень-мило и отчетливо; въ пѣніи она можетъ (если захочетъ изучить основательно это искусство) даже превзойти г-жу Мочалову, потому-что у нея голосъ свѣжій, звонкій, очень пріятный, и грудь го-

разо сильнѣе. Но въ игрѣ она далеко ей уступаетъ: нѣкоторыя роли она выполняетъ вяло, и, какъ намъ кажется, не отъ недостатка дарованія, а отъ нетвердаго знанія своей роли; это особенно было замѣтно въ піесѣ «*Мужъ, какихъ мало и жена, какихъ много*», гдѣ она играла молодую вдовушку. Замѣтимъ также, что г-жа Данилова позволяетъ себѣ иногда забывать, что она на сценѣ, прогуливается и разглядываетъ ложи, если ей приходится молчать нѣсколько минутъ.—Г-жа Ершова и г. Орлеановъ играютъ второстепенныя роли удовлетворительно.

«Надѣемся, что г. Мочаловъ и его сотоварищи не примутъ сдѣланныхъ нами замѣчаній за привязки рецензента, а за мнѣніе, высказанное безпристрастно и съ искреннимъ желаніемъ имъ добра и дальнѣйшихъ успѣховъ. Если они надлежащимъ образомъ оцѣняютъ свои достоинства и понимаютъ собственныя выгоды, то, конечно, не приминутъ воспользоваться нашими замѣтками. Ниспошли имъ Аполлонъ на это добрую волю и русскій смыслъ!

«Надѣемся также, что и дирекція здѣшняго театра, принимающая такое живое участіе въ русской труппѣ, позаботится приготовить нѣсколько новыхъ необходимыхъ декорацій къ пріѣзду дорогихъ гостей-москвичей Щепкина и Мочалова. То-то будетъ furore»! *

=

§ 10.

Таганрогскіе актеры въ Ростовѣ на Дону.

Городъ Ростовъ, Екатеринославской губерніи, по своему положенію занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ на правомъ берегу р. Дона и въ торговомъ отношеніи состав-

* Изъ послѣднихъ №№ Одесскаго Вѣстника мы узнали, что П. С. Мочаловъ, уже пріѣхалъ въ Одессу и началъ свои представленія, а М. С. Щепкинъ на-дняхъ туда будетъ. *Ред.*

ляетъ весьма-важный пунктъ для складки разныхъ товаровъ, перегрузки ихъ съ мелкихъ судовъ на большія и отправки въ другіе приморскіе города и даже заграницу. Такое выгодное мѣстоположеніе Ростова сдѣлаетъ его со-временемъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и цвѣтущихъ коммерческихъ городовъ Новороссійскаго края; сюда будутъ стекаться всѣ произведенія торговли изъ восточной Малороссіи, Донской земли и Великорусскихъ губерній, ближайшихъ къ Дону и ко впадающимъ въ него судоходнымъ рѣкамъ. Необходимость требуетъ учрежденія въ такомъ городѣ ярмарокъ, въ продолженіе коихъ производилась-бы оптовая продажа и покупка товаровъ; и здѣсь дѣйствительно бываютъ двѣ ярмарки: одна весною—Вознесенская, а другая осенью—Рождественская; на послѣднюю пригоняются сюда большіе табуны лошадей и гурты рогатаго скота изъ степей при-Донскихъ и Черноморіи. Обѣ эти ярмарки продолжаются по двѣ недѣли и болѣе, и во время ихъ—каждогодно, какъ и вездѣ, пріѣзжаютъ сюда балаганные штукари, эквилибристы и *комедчики*, также подвижные звѣринцы съ заморскими животными, оптики и космарамисты. Кромѣ этихъ, ежегодно прибываетъ сюда, во время-же ярмарокъ, театральная труппа изъ Таганрога. — Я думаю немногимъ извѣстно, что въ Таганрогѣ существуетъ театръ современи нахожденія здѣсь Блаженной памяти Августѣйшихъ Супруговъ: Императора Александра Павловича и Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и до-сихъ еще поръ поддерживается иждивеніемъ казны. По-крайней-мѣрѣ мнѣ не случалось нигдѣ, даже въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», читать хоть что-нибудь любопытное о таганрогскомъ театрѣ; а потому я и рѣшился въ этой статьѣ сдѣлать краткій очеркъ этому увеселительному заведенію въ одномъ изъ красивыхъ городовъ на прибрежьяхъ Азовскаго моря.— На вспомогательное содержаніе этого театра отпускается по 9,000 руб. ассигнаціями ежегодно, въ дополненіе къ довольно-значительнымъ сборамъ театральной кассы отъ представленій. Труппа театральная состоитъ изъ 15-ти и до 20-ти челов. актеровъ и актрисъ; а оркестръ музыкантовъ—изъ 10 или 12-ти человѣкъ. Какъ актеры, такъ

и музыканты получаютъ хорошее жалованье—отъ 500 до 2,000 руб. асс. каждый, со включеніемъ бенефисныхъ спектаклей, даваемыхъ въ ихъ пользу.

Въ Таганрогѣ есть прекрасное для театра зданіе, довольно-помѣстительное и весьма-хорошо устроенное внутри, даже въ отношеніи акустическомъ.—Ложъ два яруса, большое число креселъ, партеръ, раекъ и галлерея. Декораціи очень живописны и красивы, а машины исправлены и приведены въ лучшее устройство механикомъ Крамесомъ, который былъ здѣсь въ минувшемъ году съ своимъ механическимъ театромъ маріонетокъ. А въ Ростовѣ построенъ для пріѣзда этой труппы и другихъ путешествующихъ артистовъ всякаго рода деревянный балаганъ, принадлежащій купцу Садомцеву. Этотъ лѣтній театръ довольно-выгодно помѣщаетъ всю ростовскую публику, любящую театральныя зрѣлища. Ложъ не болѣе 12-ти, креселъ до 70-ти номеровъ, партеръ и галлерея. Сцена устроена также удобно, но безъ всякаго механизма; декораціи-же и костюмы привозятся изъ Таганрога. Но обратимся къ дѣйствователямъ на аренѣ таганрогскаго театра, подвизающимся теперь на грязныхъ помостахъ ростовскаго балагана. Чтобъ опредѣлить достоинство игры актеровъ и актрисъ этой труппы, надобно разобрать игру каждаго изъ нихъ порознь.

Начну по порядку съ режиссера—*Г. Кочевскаго*, который играетъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ всегда почти первыя роли съ одинаковымъ успѣхомъ. Онъ также хорошъ въ роляхъ почтенныхъ отцовъ, комическихъ мужей, подъячихъ, какъ и въ драмѣ въ роляхъ людей съ энергическими характерами; въ операхъ-же и водевиляхъ онъ не такъ оригиналенъ, отъ неумѣнья пѣть аріи и куплеты. Если-бъ онъ еще болѣе занялся изученіемъ характеровъ и ролей, не-смотря на свое режиссерство, то могъ-бы еще лучше исполнять первыя роли во всѣхъ піесахъ безъ изъятія; онъ имѣетъ способности къ театру весьма-хорошія, только нужно-бы больше имѣть усердія къ сценѣ.

Г. Марксъ—съ замѣчательнымъ артистическимъ талантомъ въ комическомъ родѣ; онъ особенно прекрасенъ въ

роляхъ селадоновъ, отчаянныхъ кутилъ, фашіонеблей, гражданскихъ чиновниковъ, ученыхъ педантовъ и устарѣвшихъ любовниковъ-жениховъ. Въ драмахъ онъ также могъ-бы быть хорошимъ, но къ-сожалѣнію мало беретъ онъ себѣ такія роли.

Г. Дорошенко занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду актеровъ таганрогскаго театра. Онъ играетъ свѣтскихъ людей, любовниковъ, волокитъ, денди и т. п. роли, не вездѣ, впрочемъ, и не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ и стараніемъ. Только въ передѣланныхъ или переведенныхъ съ французскаго языка водевиляхъ и комедійкахъ, онъ довольно-удачно исполняетъ роли парижскихъ петиметровъ и вообще вѣтренныхъ людей, въ разныхъ видахъ; влюбленныхъ-же и страстныхъ обожателей прекраснаго пола онъ рѣшительно не можетъ представлять какъ-бы должно, потому-что не имѣетъ ни хорошей дикціи и не умѣетъ владѣть органомъ и интонаціей голоса; у него вездѣ одинъ и тотъ-же языкъ изъясненія — холодно-звучный, безъ энергіи и нѣжности.

Г. Михайловъ играетъ второстепенныя роли во всѣхъ почти піесахъ; за недостаткомъ лучшихъ актеровъ; онъ даже беретъ себѣ роли любовниковъ въ драмѣ. Лучшія его роли въ піескахъ съ переодѣваньями; еще онъ довольно-сносенъ въ роляхъ промотавшихся вертопраховъ и разбойничьихъ эсауловъ. Въ трагедіяхъ-же и драмахъ онъ до того, въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ, изступляется, что неистовымъ выкрикиваніемъ монологовъ своихъ приводитъ зрителей въ апатическое состояніе. Вообще къ нему идутъ болѣе шутовскія роли, но и въ нихъ онъ иногда дурачится и фарсируетъ выше мѣры. — Еще надобно замѣтить, что всего хуже въ немъ незнаніе ролей.

Г. Дрейсихъ—лучшій комическій актеръ на роли простачковъ, смѣшныхъ слугъ, чудаковъ вообще, и въ малороссійскихъ піесахъ въ особенности. Онъ чудесно разыгрываетъ Деньщика Шельменку; Потапа въ піесѣ: «Бой-Жинка»; Прудіуса въ «Казакѣ Стихотворцѣ», и другія роли въ томъ-же родѣ. Въ этихъ роляхъ онъ совершен-

но освоивается съ характерами представляемыхъ лицъ; притомъ-же знаніе малороссійскаго языка и выговора, ухватокъ и странностей малороссіянъ — придаетъ много эффекта его игрѣ.

Г. Петровскій, заслуженный актеръ, играетъ трагическихъ стариковъ, посѣдѣлыхъ воеводъ и министровъ. Онъ особенно удачно исполняетъ роли престарѣлыхъ отцовъ, феодальныхъ вельможъ, и хитрыхъ интригановъ, только, по дряхлости лѣтъ, память его ослабѣваетъ и языкъ начинаетъ пришепетывать, что́ не всегда идетъ къ дѣйствующему лицу.

Г. Мачихинъ имѣетъ талантъ посредственный въ роляхъ разсудительныхъ отцовъ, слабыхъ мужей, купцовъ, откупщиковъ, отставныхъ и долговременныхъ служащихъ военачальниковъ, съ лагернымъ обращеніемъ и солдатскими ухватками.

Г. Чернявскій играетъ жидовъ, солдатъ и другія незначительныя рольки, и то не всегда сносно.—Еще остаются два или три актера, о коихъ рѣшительно нечего сказать; они исполняютъ такія роли, гдѣ приходится мало являться на сцену, и еще менѣе говорить.

А вотъ и актрисы таганрогскаго театра:

Г–жа Кочевская занимаетъ амплуа трагической и драматической артистки. Она преимущественно хороша въ роляхъ: Кн. Екатерины Шуйской, Молдаванской Цыганки, Мальвины, Елены Глинской, Агнесы Доверстонъ и др. Лучшее-же достоинство ея то́, что она довольно основательно знаетъ сцену. Г-жа Кочевская вполнѣ заслуживаетъ похвалу, но жаль только, что она рѣдко является на сценѣ, оттого, что серьезныя піесы мало играютъ на этомъ театрѣ, а въ водевиляхъ ей очень-мало достается ролей.

Г–жа Дорошенко имѣетъ прекрасный талантъ; она можетъ съ большимъ успѣхомъ играть въ трагедіи, драмѣ, водевиляхъ и комедіяхъ. Лучшія ея роли: Гритли, Картицы, въ «Молдаванской Цыганкѣ», Параши Сибирячки, Лизы въ «Барышнѣ-Крестьянкѣ», и имъ подобныя; вездѣ она очень мила, развязна, характерна. За

эти-то достоинства свои она жестоко наказана: дирекція театра немилосердо заставляла ее играть во всѣхъ піесахъ самыя трудныя и большія роли, а спектакли учащались, особенно зимою; отъ разучиванія и разыгрыванія этихъ піесъ она получила неизлѣчимую болѣзнь—чахотку. Теперь она очень страдаетъ грудью, съ трудомъ поетъ водевильные куплеты и не можетъ такъ произносить сильныхъ выраженій въ монологахъ своихъ, какъ-бы должно было. Чтобъ спасти себя отъ преждевременной смерти, ей непремѣнно слѣдуетъ оставить театръ, а иначе она погибнетъ очень-скоро, что̀ будетъ весьма чувствительною утратою таганрогскому театру. Жаль бѣдную — она рано кончитъ поприще свое, гдѣ представлялось ей еще много блестящихъ успѣховъ!—Надобно притомъ замѣтить, что она весьма хорошо играетъ и въ малороссійскихъ піесахъ.

Г-жа Маркъ также замѣчательная актриса въ роляхъ наивныхъ дѣвушекъ, молоденькихъ пажей и пастушковъ; въ особенности-же она играетъ очень-мило: Сиротку Сусанну, Настеньку, Цецилію (Воръ) и Олиньку (Приключеніе на искусственныхъ водахъ), притомъ-же она очень порядочно поетъ въ операхъ и водевиляхъ. Вообще она хороша вездѣ, а главное занимается своимъ дѣломъ съ большимъ усердіемъ.

Г-жа Михайлова играетъ старушекъ, нянюшекъ, злыхъ женъ, чопорныхъ и жеманныхъ барынь, пожилыхъ вдовъ, торговокъ-свахъ и т. под. Изучая прилежно характеры дѣйствующихъ лицъ, она отъ времени усовершенствуется и съ успѣхомъ занимаетъ амплуа это по смерти актрисы Петровской, которая была лучшею въ этихъ роляхъ.

Д-ца Воробьева исполняетъ весьма удачно роли компаньонокъ, отцвѣтшихъ дѣвицъ—красавицъ, молодыхъ нянюшекъ, кормилицъ и служанокъ. Она также старательно изучаетъ свои роли и весьма нерѣдко бываетъ въ разыгрываніи ихъ хорошею.

Еще въ труппѣ этой находится *Д-ца Харламова*, недавно поступившая на сцену; она еще очень-робка, стыдлива, неразвязна, но если оставитъ всѣ эти недостат-

ки, несвойственныя актрисѣ, то современемъ, можетъ занять амплуа вторыхъ любовницъ, деревенскихъ подружекъ—дѣвушекъ и веселенькихъ сестрицъ.

Итакъ вотъ краткій обзоръ таганрогскаго театра; я старался, по возможности, дать точное понятіе объ игрѣ и способностяхъ каждаго актера и актрисы. Читатели, вѣроятно, замѣтили, что главный недостатокъ этой труппы заключается въ неимѣніи хорошаго актера на роли трагическихъ героевъ, драматическихъ и всякихъ вообще любовниковъ; а какъ-бы легко можно было пріобрѣсти его, еслибъ театральная дирекція * обратила на предметъ этотъ особенное вниманіе. Теперь рѣшительно нельзя поставить на сцену здѣшняго театра какую-бы то ни было трагедію и хорошую драму; да и публика мало любитъ эти серьезныя представленія, потому болѣе, что неслишкомъ пріятно ей видѣть въ нихъ одно кривлянье, страшные клики и бѣснованье какого-нибудь Михайлова.

Наконецъ должно сказать нѣсколько словъ объ оркестрѣ, принадлежащемъ къ этому театру. Онъ состоитъ изъ 10 или 12-ти ч. довольно-хорошихъ музыкантовъ, подъ руководствомъ опытнаго капельмейстера г. Барсова. Дирижируя театральной музыкой, г. Барсовъ успѣлъ разыграть порядочное число партитуръ изъ лучшихъ піесъ. Оркестръ этотъ также весьма хорошо играетъ танцовальныя фигурки, штучки и увертюры во время антрактовъ.

Въ заключеніе скажу, что публика какъ таганрогская, такъ и ростовская, состоитъ бо́льшею частію изъ иностранныхъ негоціантовъ, греческихъ купцовъ, казаковъ; бюрократія-же здѣсь весьма незначительна, а офицеры квартирующихъ здѣсь резервныхъ баталіоновъ Кавказскаго корпуса—за отдаленностію зимнихъ и постоянныхъ квартиръ своихъ, не могутъ часто пріѣзжать на спектакли. Эта-то публика любитъ болѣе и лучше юмористическія піески — передѣлки Каратыгина, Григорьева,

* Театръ таганрогскій состоитъ подъ вѣдѣніемъ градоначальника, и подъ особеннымъ надзоромъ четырехъ директоровъ.

Ленскаго и Ѳедорова изъ французскихъ комедій и водевилей; еще забавою здѣшнихъ зрителей служатъ смѣшныя піесы на малороссійскомъ нарѣчіи соч. Котляревскаго, Квитки, Шевченка и кн. Шаховскаго; въ эти представленія они хохочутъ до упаду, до слезъ, а партеръ съ галлереей приходятъ въ такой энтузіазмъ, что крику и аплодисментамъ ихъ небываетъ и конца. Впрочемъ, между посѣтителями театра есть и истинные цѣнители — диллетанты сценическаго искусства изъ образованныхъ офицеровъ и купцовъ, кои могутъ судить о театрѣ и піесахъ здраво, съ основательнымъ знаніемъ сущности дѣла и предмета.

ХРИСТОФОРЪ ФОНЪ-БОКЪ.

31-го маія 1843.
Эйское Укрѣпленіе.

=

§ 11.

Пензенскій театръ.

(Письмо къ Редактору.)

М. Г.

Извѣстія о губернскихъ театрахъ, помѣщаемыя въ общеполезномъ вашемъ изданіи, даютъ просвѣщенной публикѣ случай постоянно слѣдить за успѣхами сценическаго искусства въ Россіи, а провинціяльнымъ артистамъ служатъ прекрасною школою, въ которой совершенствуется талантъ ихъ чрезъ добросовѣстную критику. Желая содѣйствовать столь благонамѣренной цѣли, я препровождаю къ вамъ мои немногія, но безпристрастныя замѣчанія о пензенскомъ театрѣ; надѣюсь, что вы дадите имъ мѣсто въ «Репертуарѣ».

Со времени паденія стариннаго театра нашего, который во все время своего существованія, никогда не ла-

дилъ съ музами, публика на долгое время была лишена драматическихъ наслажденій; только изрѣдко бродящія труппы ярмарочныхъ актеровъ, заглядывая въ нашъ городъ, давали съ дюжину плохихъ водевилей, сбирали хорошія деньги и опять уѣзжали. Наконецъ въ 1839 году— и этотъ годъ навсегда останется у насъ эпохою—г. *Живокини*, путешествуя съ своею труппою, завернулъ и къ намъ; этотъ чародѣй-артистъ своимъ превосходнымъ талантомъ и одушевленною игрою пробудилъ въ зрителяхъ уснувшую страсть къ театру.—Тутъ-же составились планы, проекты имѣть его постоянно, явились соревнователи, любители изящнаго, предложили способы, и мы опять имѣемъ театръ.

Но живя постоянно въ деревнѣ и пріѣзжая въ губернскій городъ только на дворянскіе выборы, я не былъ еще знакомъ съ нашею сценою и жалѣлъ о томъ тѣмъ-болѣе, что объ игрѣ актеровъ и устройствѣ самаго театра мнѣ наговорили много хорошаго, а почтенная хозяйка гостинницы, гдѣ я остановился на квартирѣ, словоохотная нѣмка, въ числѣ прочихъ губернскихъ новостей, которыя разсказываетъ она на цѣлое трехлѣтіе, сообщила мнѣ, что театръ нашъ устроенъ и заведенъ г. Г-мъ, что онъ недавно прекрасно его перестроилъ, выписалъ отличныхъ актеровъ, которые играютъ прекрасно, а поютъ и танцуютъ еще лучше. Весело было слышать такія пріятныя новости въ родномъ городѣ, и я спѣшилъ удовлетворить своему любопытству.

Въ первое представленіе я отправился въ театръ. При свѣтѣ фонарей я увидѣлъ низенькое зданіе съ фальшивыми окнами, въ два яруса; но какъ послѣ мнѣ сказали, что нашъ храмъ музъ, при своемъ созданіи, имѣлъ другое хозяйственное назначеніе, то и не удивительно, что такъ бѣденъ архитектурою; за-то внутреннее его расположеніе стольже красиво и роскошно, сколь невидна наружность: просторныя, открытыя ложи, достаточное число креселъ, партеръ, оркестръ, все размѣщено на небольшомъ пространствѣ, но съ такимъ удобствомъ и вкусомъ, что нельзя не отдать совершенной справедливости почтенному хозяину и директору театра; въ этомъ отно-

шеніи онъ заслуживаетъ полную нашу благодарность. Освѣщеніе великолѣпно; но по уютности залы кажется слишкомъ сильно: отъ этого можетъ пострадать эффектъ сцены во-время представленія. Щеголеватый голубой занавѣсъ сдѣланъ также съ большимъ вкусомъ и производилъ-бы на зрителей пріятное впечатлѣніе, еслибы не было на немъ латинской надписи: «Ridendo castigat mores», придуманной совершенно некстати. Для нашего времени такая вывѣска слишкомъ ветха и нелѣпа. Если дирекція избрала эти слова за собственный девизъ себѣ, въ такомъ случаѣ нельзя не посмѣяться ея самонадѣянности: да чьи нравы хочетъ исправлять она? Тихіе, мирные жители Пензы, сколько я знаю, вовсе не имѣютъ въ томъ надобности. — Но занавѣсъ взвился, посмотримъ, что́ за нимъ скрывается. Даютъ оперу-водевиль *Кетли*. Кто видѣлъ постановку этой піесы на столичныхъ театрахъ, тотъ конечно можетъ сказать, что видѣлъ самую Швейцарію; но какъ ожидать такого совершенства въ декораціяхъ отъ сцены провинціяльной, столь еще новой и, можетъ-быть, бѣдной средствами? довольно, если она сколько-нибудь приблизится.—Таковы были умѣренныя мысли мои и ожиданія при первомъ взглядѣ на сцену; но не сбылись: декораціи такъ плохи и освѣщены такъ дурно, что нѣтъ возможности представить себѣ, чтобы мѣсто дѣйствія происходило въ Швейцаріи, среди цвѣтущихъ и роскошныхъ долинъ ея, стольже прекрасныхъ, какъ сама Кетли; нѣтъ ни горъ, ни хижинъ; какія-то грубо намалеваныя темныя фигуры, растянуты по сторонамъ сцены, а на мѣсто деревенской гостинницы поставлено что́-то въ родѣ ширмъ; вездѣ пусто и темно, какъ въ лѣсахъ и тундрахъ сибирскихъ. — Жаль, что г. Г–нъ, устроивая театръ свой, лучшую часть его предоставилъ воображенію зрителей.

Теперь перейдемъ къ актерамъ, оцѣнимъ искусство ихъ. Вѣжливость требуетъ начать съ актрисъ, и именно, съ г–жи *Петровой*, какъ занимающей всегда главныя амплуа. Она только нынѣшнюю зиму предстала на судъ публики, и говорятъ, что владѣетъ талантомъ самобытнымъ, открытымъ какъ-то случайно, а потому дирекція

не безъ причины имѣетъ на нее большія надежды. И гдѣ-же г-жа *Петрова* могла оправдать ихъ, какъ не въ роли Кетли, которую можно назвать пробнымъ камнемъ для каждой провинціяльной артистки? гдѣ съ бо́льшимъ блескомъ могла она выказать таланты свои, какъ не въ живомъ выраженіи идиллической любви швейцарской мечтательницы? Но для нашей примадонны эта роль была истиннымъ камнемъ преткновенія: неловкость и принужденность позы ея при первомъ шагѣ на сцену; совершенное отсутствіе мимики, здѣсь столь нужной, слабость голоса, хотя отъ природы пріятнаго, а больше всего неизъяснимая холодность въ мѣстахъ піесы самыхъ энергическихъ, увѣрили, убѣдили публику, что г-жа Петрова взялась за дѣло превосходящее ея понятія. Къ тому-же и посредственность самой наружности, какъ главный недостатокъ въ первой актрисѣ, много вредила ей; одно только бросалось въ глаза: это ярко-красный костюмъ нашей Кетли, странный до крайности, а впрочемъ все въ ней было темно и безцвѣтно, какъ декораціи, холодно и безжизненно, какъ вершины горъ воображаемой на сценѣ Швейцаріи. Что́-же дѣлать? — *Г-жа Шведова* въ роли трактирщицы Вернеръ была несносна. *Г. Быстровъ*, нашъ первый актеръ, въ роли Рутли, былъ очень забавенъ и твердо зналъ свою роль, но только не совсѣмъ понималъ ее, и отъ того часто изъ швейцарскаго простака впадалъ въ русскаго Филатку. Костюмъ его, какъ и г-жи Петровой, былъ драпированъ въ китайскомъ вкусѣ. *Гг. Вертовскій* и *Соколовъ*, первый въ ролѣ капрала Франца, а послѣдній Сенвиля, были весьма посредственны и часто ссорились съ музыкой; но говорятъ, что Вертовскій иногда бываетъ хорошъ.

По окончаніи піесы, я готовъ былъ думать, что театръ нашъ не созрѣлъ еще для оперъ, какъ сосѣдъ мой по кресламъ, какой-то молодой человѣкъ въ очкахъ, предупредилъ меня. Изъ разговоровъ съ нимъ узналъ я, что въ первую зиму, дѣла шли гораздо лучше: сцену нашу украшали *г-жа Боброва* и *г. Глазуновъ*, опытные, искусные артисты, съ прекраснымъ талантомъ.—Особенно первая, говорилъ новый знакомецъ мой, была очаровательь-

на въ такихъ роляхъ, какъ *Кетли*. Что́ за голосъ, что́ за душа въ игрѣ! И вообразите, продолжалъ онъ, что дирекція наша не хотѣла ободрить и удержать у себя такую артистку, а основала надежды свои на небываломъ талантѣ Петровой; не жаль-ли этого?—Я не видалъ г-жи *Бобровой*, но тутъ кстати вспомнилъ, что еще прежде въ деревню, въ глушь, доходили ко мнѣ слухи о ея прекрасныхъ сценическихъ дарованіяхъ.

Во второй піесѣ, водевилѣ: *Отецъ, какихъ мало*, я видѣлъ *г-жу Касосову*. По непринужденности и развязности игры, это, кажется, лучшая изъ трехъ нашихъ актрисъ. Въ роли *Катеньки*, дочери *Разгулина*, она была очень-интересна. Въ этой-же піесѣ комическій талантъ *г. Быстрова* развернулся въ полномъ блескѣ; въ роли *Пузина*, онъ былъ смѣшонъ до крайности; игра, манеры, костюмъ, все въ немъ было сгармонировано, какъ нельзя лучше. *Г-жа Шведова* весьма-удачно выразила характеръ няни *Сысоевны;* а г-жа Петрова, въ ничтожной роли падчерицы *Пузина*, была совершенно на своемъ мѣстѣ; изъ такихъ амплуа ей никогда выходить ненадобно. *Г. Олимпіевъ*, въ роли 38 лѣтняго полковника Разгулина, никуда не годился; онъ слишкомъ старъ для такихъ ролей, да, кажется, и для театра; за вѣрную службу Аполлону, пора-бы дать ему уголокъ на Олимпѣ, гдѣ онъ, конечно, не останется безъ пенсіи. Вообще водевиль слаженъ былъ твердо и шелъ успѣшно, но нельзя было не замѣтить дурной привычки актеровъ—въ разговорахъ и куплетахъ безпрестанно обращаться къ публикѣ, какъ-будто она имѣетъ участіе въ происходящемъ на сценѣ.

Оставался еще дивертисманъ; но говорить-ли о немъ? Лучшимъ доказательствомъ его успѣха могло служить то́, что большая часть публики разъѣхалась; одно это равнодушіе уже показывало, чего должно было ожидать. И весьма естественно. Когда балетъ и на петербургскомъ театрѣ, послѣ несравненной Тальйони, не имѣетъ другой граціи, которая, не говорю уже могла-бы замѣнить ее, но хотя сколько-нибудь сравниться съ нею; то какъ можно ожидать отъ театра провинціяльнаго успѣховъ въ искусствѣ Терпсихоры, гдѣ однѣ и тѣже артистки играютъ въ

трагедіяхъ, водевиляхъ операхъ и сверхъ-того танцуютъ. Дивертисманъ нашъ на этотъ разъ, какъ и всегда, не могъ заслужить похвалы. Большая и лучшая часть публики никогда его не увидитъ, если дирекція не догадается давать его въ началѣ, а не въ заключеніе спектакля; это, кажется, одно средство заставить смотрѣть на искусство нашихъ танцорокъ.

Описавъ вамъ, М. Г., устройство нашего театра, таланты и успѣхи артистовъ, я ничего еще не сказалъ вамъ о музыкѣ; самое лучшее я хотѣлъ сберечь къ концу; но вмѣсто похвалъ довольно сказать вамъ, что г. *Іоганнисъ* долгое время управлялъ ею, а талантъ г. *Герке* теперь ее совершенствуетъ. Въ продолженіе спектакля, и публика и актеры многимъ были обязаны оркестру; первая за удовольствіе, а послѣдніе за искусство, съ какимъ скрывалъ онъ безпрестанные ихъ промахи въ пѣніи. Немногіе изъ провинціяльныхъ театровъ пользуются такою изящною музыкою, я сказалъ, пользуются, потому-что она не принадлежитъ нашей дирекціи.

Располагаясь по дѣламъ моимъ бывать въ нынѣшнемъ году въ губернскомъ городѣ почаще, я буду при всякомъ удобномъ случаѣ посѣщать театръ нашъ и не оставлю увѣдомлять васъ, М. Г. обо всемъ, что̀ увижу тамъ любопытнаго, если вы удостоите благосклоннаго вниманія мои первыя замѣчанія. *

М.

Пенза.
1843 г.

=

§ 12.

Замѣчанія на Статью объ Орловскомъ Театрѣ.

Нѣкто, означившій себя литерами Д. Г. Т., помѣстилъ въ V. книжкѣ «Репертуара и Пантеона» на нынѣшній годъ любопытную и занимательную статью объ орловскомъ театрѣ, три года находившемся подъ управленіемъ особой

* Покорнѣйше просимъ! *Ред.*

дирекціи, а нынѣ уже не существующемъ. Сочинитель сей статьи отдаетъ полную справедливость усердным и безмезднымъ трудамъ сей дирекціи, а изъ артистовъ однихъ выхваляетъ за прекрасный талантъ ихъ и за превосходное исполненіе ролей, о другихъ-же отзывается нестоль выгодно, строго обсуживая ихъ недостатки и несовершенства. Вообще-же онъ негодуетъ на дирекцію за то, что она давала чаще водевили, маленькія комедіи и другія легкія піесы, напротивъ драмы и хорошія комедіи очень рѣдко появлялись на орловской сценѣ, такъ, что въ числѣ 50 или болѣе видѣнныхъ имъ спектаклей, едва мелькнуло 5—6 драмъ и 2—3 комедіи, да и то случалось лишь въ бенефисные дни. При семъ г. сочинитель удивляется невзыскательности орловской публики, которая довольствуется одними водевилями, тогда-какъ въ ней примѣтно большое расположеніе къ драмѣ и хорошей комедіи. Въ заключеніе убѣждаетъ онъ дирекцію уничтожить свое farniente (бездѣйствіе, безпечность) и озаботиться введеніемъ на свою сцену произведеній Кукольника, Полеваго, Гоголя и другихъ замѣчательныхъ драматурговъ, а не держаться однихъ шутливыхъ произведеній юной Франціи, пропущенныхъ сквозь тиски плохаго перевода гг. Кони, Григорьева, Перепельскаго, Соколова и т. п.

Прочтя эту статью, я, какъ членъ бывшей театральной дирекціи, три года сряду участвовавшій въ неусыпныхъ ея трудахъ и заботахъ по управленію орловскимъ театромъ, считаю долгомъ сказать г. сочинителю, что многія изъ его заключеній весьма ошибочны, и основаны по-видимому, на однихъ предположеніяхъ, безъ малѣйшихъ свѣдѣній о мѣстныхъ подробностяхъ орловскаго театра и о средствахъ его. Публика орловская дѣйствительно имѣетъ большое расположеніе къ драмѣ, хорошей комедіи и даже къ трагедіи. Въ этомъ отношеніи вкусы ея весьма различны. Люди образованные, принадлежащіе къ высшему кругу, готовы смотрѣть драму, хорошо и отчетливо выполненную, и во всякомъ случаѣ дадутъ ей предпочтеніе предъ водевилемъ или комическимъ фарсомъ; но они именно требуютъ отчетливаго во всѣхъ отношеніяхъ исполненія и соблюденія всѣхъ сценическихъ потребно-

стей въ обстановкѣ піесы, въ костюмахъ, декораціяхъ и т. п. Другая часть публики, менѣе образованная или совсѣмъ необразованная, также предпочитаетъ драматическія представленія легкимъ водевильнымъ піесамъ; но эти вовсе невзыскательны за отчетливость, и не требуютъ изящества ни въ чемъ. Имъ нужны пролитіе крови, взрывы, пожары, убійства, дикіе крики актера, бѣснованіе его на сценѣ и т. п., и когда все это они видятъ, то восторгъ свой изъявляютъ громкими рукоплесканіями и безпрестанными взываніями «фора». Само-по-себѣ разумѣется, что орловская дирекція исключительно желала удовлетворять вкусу первыхъ, тѣмъ-болѣе, что хорошая драма лучше всякаго водевиля возвышаетъ достоинство театра; а артиста, съ истиннымъ талантомъ, любящаго свое искусство, вѣрнѣе ведетъ къ славѣ и извѣстности. Но еслибъ г. сочинитель, сколько-нибудь былъ знакомъ съ средствами для составленія въ провинціи хорошей драматической труппы, то онъ-бы самъ сознался, что это весьма трудно и часто даже невозможно. Много-ли найдется хорошихъ драматическихъ артистовъ даже и на столичныхъ сценахъ, гдѣ средства огромныя и гдѣ на постановку одной піесы, или балета часто издерживаются многіе десятки тысячь рублей? Въ провинціи-же сего рода артисты такъ рѣдки, что едва-ли г. сочинитель статьи не попалъ на истину, сказавъ въ шутку, что Рыбакову одному суждено восхищать провинціяльную публику своимъ драматическимъ талантомъ и срывать лавры на помостахъ провинціяльныхъ театровъ. Дѣйствительно, Рыбаковъ есть артистъ первокласный, и каждый театръ долженъ гордиться, имѣя его на своей сценѣ. Но отыщите-же въ провинціи другаго Рыбакова!!.. Безспорно, что много есть такихъ смѣльчаковъ, которые, не взвѣсивъ своихъ способностей на вѣсахъ скромности и благоразумія, выдаютъ себя за драматическихъ артистовъ. И въ орловскую дирекцію являлись таковые. Одинъ увѣрялъ, что онъ часто игралъ съ Рыбаковымъ или Мочаловымъ, другой былъ идоломъ такого-то города, иной похвалялся, что на Х.....мъ театрѣ три раза былъ вызванъ въ ролѣ Гамлета, и пр. и пр. Но при первыхъ дебютахъ, всѣ эти хва-

ступны оказывались столь слабыми и бездарными, что не токмо въ драматическіе артисты, но даже и въ актеры третьяго разряда принять ихъ было невозможно. О! подобныхъ артистовъ много и въ провинціи; но для орловскаго театра они не годились. Вотъ, напримѣръ, спекуланты антрепренеры за этимъ не останавливаются, за талантами не гонятся, а набираютъ въ свои труппы людей безъ разбора, лишь-бы они обходились имъ дешевле. Они не заботятся объ изяществѣ, правильности и отчетливости представленій. Имъ нуженъ хорошій сборъ, и для достиженія этой цѣли, они не совѣстятся предпринимать подвиги выше силъ и способовъ своихъ и нагло обманываютъ публику заманчивыми аффишами.—Орловская-же дирекція руководствовалась совсѣмъ другими правилами и сколько ни желательно было для нея разнообразить свои представленія соединеніемъ высокаго и изящнаго съ веселымъ и комическимъ, но, находясь въ совершенной невозможности имѣть порядочную труппу драматическую, она давала такія лишь піесы, которыя соотвѣтствовали способностямъ ея артистовъ, стараясь однакожъ, чтобы и онѣ никогда не были искажаемы. Впрочемъ, изъ названій піесъ, приведенныхъ г. сочинителемъ статьи, видно, что онъ посѣщалъ орловскій театръ въ третьемъ году дирекціоннаго управленія; но если-бы онъ видѣлъ его во второмъ году, то, вѣроятно, не упрекнулъ-бы дирекцію въ недостаткѣ драматическихъ представленій, ибо тогда въ орловской труппѣ находились: *Г. Бабанинъ*, весьма замѣчательный, хотя и не первокласный драматическій артистъ, и *Г-жа Ѳедорова*, очень-хорошая драматическая актриса. Дирекція охотно удержала-бы ихъ у себя и на третій годъ, чтобъ не прерывать драматическихъ спектаклей; но г. Бабанинъ вызванъ былъ домашними обстоятельствами въ Харьковъ и съ сожалѣніемъ оставилъ орловскую сцену; а г-жа Ѳедорова зависѣла отъ своего мужа, котораго невозможно было терпѣть ни въ какой порядочной труппѣ, а тѣмъ менѣе въ орловской. Дирекція, лишась сихъ двухъ артистовъ, употребляла всю свою заботливость къ пріисканію на ихъ мѣсто другихъ, но всѣ ея старанія были безуспѣшны. Такимъ-образомъ

она должна была ограничить свой репертуаръ водевилями, небольшими оперетками, комедіями и т. п. Но желая испытать силы свои въ драмѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ удовлетворить, сколько возможность дозволяла, вкусу образованной публики, она рѣшилась дать нѣсколько драмъ. Для этого надлежало посвятить *Г. Лаврова* и *Дѣв. Кравченко* въ драматическихъ артистовъ. По условію, заключенному ими съ дирекціею, оба они въ правѣ были отказаться отъ драматическихъ ролей, какъ непринадлежащихъ къ ихъ амплуа; но къ чести ихъ должно сказать, что они не только этого не сдѣлали, но изъявили полную готовность и самое горячее усердіе исполнить волю дирекціи и соотвѣтствовать ея намѣреніямъ, такъ, что если на орловскомъ театрѣ, въ продолженіе третьяго театральнаго года, дано было нѣсколько хорошихъ драматическихъ піесъ, то публика и дирекція обязаны за это единственно благонамѣренному и похвальному усердію вышепомянутыхъ двухъ артистовъ, въ особенности-же дѣв. Кравченко, не щадившей, для исполненія трудныхъ и тяжкихъ ролей, своего слабаго здоровья, которое одно могло-бы уже служить для нея законною причиною отказаться отъ нихъ. Послѣ этого справедливо-ли-бы поступила дирекція, если-бы, не уважая такого самоотверженія,—стала жертвовать силами и здоровьемъ сей отличной и достойной артистки и во зло употреблять ее благонамѣренное усердіе? Вотъ причины, по коимъ на орловской сценѣ не такъ часто являлись драмы и трагедіи, какъ-бы того желала дирекція, и, кажется, причины эти довольно-уважительны! Впрочемъ, въ продолженіе третьяго театральнаго года, въ числѣ 122 спектаклей, 39 дано съ драмами и трагедіями, изъ коихъ 12 въ бенефисные дни, прочіе-же всѣ въ обыкновенные. Что́ касается до лицъ, изъ коихъ составлена была орловская труппа, то въ ней, какъ и во всякой другой, были сюжеты и отличные и посредственные и такіе, которые ниже посредственности. Къ симъ послѣднимъ принадлежитъ и г-жа Кочеткова, и сужденіе объ ней сочинителя статьи весьма правильно и нисколько не преувеличено. Впрочемъ она играла очень-рѣдко, и роль содержатель-

ницы магазина (въ комедіи *Модная лавка*) она занимала только однажды по болѣзни другой актрисы: слѣдовательно, г. сочинитель поступилъ-бы правильнѣе, еслибы, не говоря объ ней въ особенности, помѣстилъ ее въ общій разрядъ съ тѣми, о коихъ онъ упоминаетъ въ заключеніи. Но объ игрѣ г. Лаврова судитъ онъ слишкомъ строго и пристрастно. Безспорно, что, не будучи актеромъ драматическимъ и исполняя это амплуа, какъ выше объяснено, по одной необходимости,—г. Лавровъ не можетъ равняться игрою своею съ тѣми артистами, которые собственно для сего амплуа образованы; но за всѣмъ тѣмъ, природный его талантъ, любовь къ искусству и отличное усердіе, много ему способствовали къ удачному исполненію нѣкоторыхъ высокихъ и важныхъ драматическихъ ролей, которыми онъ и заслужилъ общее одобреніе дѣльной публики. Наилучшая изъ этихъ ролей была роль Доверстона въ драмѣ Ободовскаго *Отецъ и Дочь*. Онъ глубоко вошелъ въ характеръ этой прекрасной роли и всегда выполнялъ ее съ такимъ отличнымъ успѣхомъ, съ такою строгою во всемъ отчетливостію, что самый взыскательный любитель и знатокъ театральнаго искусства не нашелъ-бы въ ней ничего къ порицанію. Далѣе г. сочинитель, увлекаясь, по-видимому, какимъ-то нерасположеніемъ къ г. Лаврову, весьма-ошибочно утверждаетъ, будто онъ изъ самонадѣянности, изъ пустаго тщеславія и почитая творенія Шекспира дѣтскою азбукою, избиралъ для себя, по праву режиссерства, самыя первыя роли въ драмахъ и трагедіяхъ, одному В. А. Каратыгину доступныя, и пренебрегалъ тѣми, кои исполняетъ г. Максимовъ. Это ложное и оскорбительное, какъ для г. Лаврова, такъ и для самой дирекціи заключеніе, опровергается тѣмъ, что въ Орлѣ режиссеръ никогда не занимался назначеніемъ ролей, особливо-же въ піесахъ серьезныхъ и болѣе значительныхъ. Эта обязанность лежала на членѣ дирекціи, по части репертуарной, чаще-же самъ директоръ дѣлалъ это назначеніе, надписывая оное на ролѣ собственно-ручно. Притомъ г. Лавровъ есть артистъ умный и достаточно-образованный, чтобы понимать важность твореній Шекспира, благоговѣть къ высокому сему генію и не по-

читать его дѣтскою азбукою. Слѣдовательно, все сказаное на сей счетъ г. сочинителемъ статьи, есть наборъ словъ, составленный въ явную обиду и несправедливое порицаніе хорошему и достойному артисту, неимѣвшему счастія угодить чѣмъ-нибудь г. сочинителю, но постоянно пользовавшемуся въ Орлѣ вниманіемъ образованной публики и выгоднымъ о себѣ мнѣніемъ дирекціи. Что касается до дѣв. Мещерской, помѣщенной г. сочинителемъ статьи, въ общей категоріи дополнительныхъ сюжетовъ труппы, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ его, что у сей 13-ти лѣтней дѣвушки есть точно природный талантъ, который, вѣроятно, со-временемъ получитъ развитіе и обнаружится въ полномъ блескѣ. Но она еще не носитъ званія актрисы и къ орловской труппѣ вовсе не принадлежала; допускалась-же на сцену въ нѣкоторыхъ небольшихъ роляхъ, по просьбѣ воспитательницы и покровительницы своей дѣв. Кравченко, которая случайно съ нею гдѣ-то встрѣтилась, сжалилась надъ ея бѣдностью и сиротствомъ, приняла ее къ себѣ и, не имѣя средствъ дать ей состоянія, вознамѣрилась сообщить тайны сценическаго искусства и образовать изъ нея хорошую актрису. Если прекрасное это намѣреніе, внушенное Аграфенѣ Павловнѣ добрымъ ея сердцемъ, исполнится, то будущность сироты Мещерской навсегда обезпечена, и за это она будетъ обязана великодушію своей покровительницы. Пріятно встрѣчать такія прекрасныя черты на поприщѣ жизни, въ какомъ-бы то состояніи ни было!

Исправивъ такимъ образомъ ошибочныя по нѣкоторымъ предметамъ сужденія и заключенія г. сочинителя статьи, дополнивъ ихъ тѣми мѣстными подробностями, которыя по-видимому были ему неизвѣстны, не излишнимъ считаю сказать въ заключеніе, что по закрытіи орловскаго театра, главные сюжеты здѣшней труппы, какъ-то: д-ца Кравченко, г. Лавровъ съ женою, г. Орловъ, г. Новицкій, г. Кравченко съ женою и г. Кравченко 2 поступили на воронежскій театръ; но не тотъ, котораго содержателемъ былъ г. Грабовскій, столь піитически описанный въ V. книжкѣ «Репертуара», а театръ прекрасный, благоустроенный и состоящій подъ управленіемъ такой-же дирекціи,

какая была въ Орлѣ и даже по образцу ея учрежденной. Нельзя не пожалѣть, что обстоятельства воспрепятствовали отличной и превосходной артисткѣ г-жѣ Ладиной опредѣлиться туда-же. Ею теперь украшается сцена харьковская.

Н. Ф.

Орелъ.
27 мая 1843 г.

СМѢСЬ.

ВОСПОМИНАНІЕ О МОСКОВСКОЙ КАРУСЕЛИ И ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ ВЪ 1811 ГОДУ. Подъ этимъ заглавіемъ въ *Прибавленіяхъ къ Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* напечатана любопытная статья, которую мы сочли долгомъ внести на страницы нашего изданія, долженствующаго быть хранилищемъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Русскаго Театра.

Два особенно замѣчательныя событія, въ 1811 году, останутся памятниками въ лѣтописяхъ Москвы: это карусель и драматическія представленія, французскія и русскія, въ которыхъ участвовали: извѣстная дѣвица Жоржъ и незабвенная Семенова. Старожилы московскіе до сего времени вспоминаютъ объ этихъ событіяхъ, которыя уже не возвратятся для нихъ, а, можетъ-быть, и для молодыхъ современниковъ.

Первая карусель была въ Москвѣ при *Императрицѣ Екатеринѣ II-й*, въ 1774 году, а послѣдняя при *Александрѣ* Благословенномъ, въ 1811 г. На обширной равнинѣ, противъ нынѣшняго Александринскаго Дворца и Сада Нескучнаго, построенъ былъ великолѣпный и огромный *амфитеатръ* съ галлереями и ложами для 5000 человѣкъ, въ окружности до 250 саженъ. Въ назначенные дни, зрители, почти изъ однихъ дворянъ, и по билетамъ, наполняли амфитеатръ; а кругомъ его стеченіе народа бывало до 30,000 человѣкъ. По первому сигналу, главныя ворота въ циркѣ отворялись и рыцарскія кадрили, каждая съ особенною своею музыкою, выѣзжали изъ ближайшаго двора, и въ виду народа, восхищавшагося такимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, приближались къ воротамъ. Всѣ рыцари, составлявшіе кадрили, были вер-

хами на лошадяхъ рѣдкой красоты, съ богатыми чепраками. Одежда ихъ поражала зрителей своимъ вкусомъ и великолѣпіемъ. Почти на всѣхъ блистали драгоцѣнные камни. Проѣхавши нѣсколько разъ кругомъ у ложъ и галлерей, рыцари производили свои турниры съ копьями, на всемъ быстрѣйшемъ скаку попадали въ цѣль и повѣшенныя небольшія кольца, копьями. Много было и другихъ эволюцій, совершаемыхъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ этомъ особенно отличались: *Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій* и *Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ*. При кадрилѣ Всеволожскаго былъ хоръ музыкантовъ, едвали не первый тогда въ Россіи. Его сравнивали даже съ оркестромъ К. Эстергази, въ Вѣнѣ, гдѣ великій *Гайднъ* былъ капельмейстеромъ. Хоромъ Всеволожскаго управлялъ знаменитый *Мауреръ*, отецъ. Правила каруселя заимствованы изъ историческихъ свѣдѣній временъ *Людовика XIV*, Короля Французскаго. При немъ, каруселя были любимымъ занятіемъ высшаго дворянства. Иногда участвовалъ въ нихъ и самъ Король, изумлявшій Парижанъ искусствомъ своимъ въ рыцарскихъ турнирахъ и богатствомъ наряда.

Устройство московской каруселя произведено, съ Высочайшаго соизволенія, Генераломъ отъ Кавалеріи *Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ*. Объ этомъ устройствѣ и правилахъ онъ первый подалъ мысль, а потому супруга его, Статсъ-Дама *Екатерина Владиміровна*, избрана была для раздачи отличившимся рыцарямъ приличныхъ призовъ, при звукѣ трубъ и литавръ. Они, подъѣзжая къ ложѣ г-жи Апраксиной, салютовали своими копьями и получали изъ рукъ ея назначенные призы.

Такъ оканчивались эти достопамятные турниры, и публика отправлялась для гулянья въ ближайшій садъ, при домѣ Графини *А. А. Орловой-Чесменской*, нынѣшнемъ Дворцѣ Александринскомъ. Этотъ садъ и тогда почитался первымъ въ столицѣ, а теперь, при улучшеніи его отъ Придворной Конторы, представляетъ картину, на которой развѣ только *Брюловъ* или *Вернетъ* въ совершенствѣ могутъ изобразить всѣ прелести живописнаго мѣстоположенія его. Москва рѣка, съ набережною, протекающая у самаго сада, за нею необозримые прелестные луга, великолѣпный готическій Дѣвичій Монастырь; влѣво Воробьевы горы, а вправо Москва, съ величественнымъ Кремлемъ, и Дворецъ, сооруженный благополучно нынѣ царствующимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ; нѣсколько ближе великолѣпный Храмъ во Имя

Христа Спасителя, Его-же Державною рукою воздвигаемый на память вѣкамъ грядущимъ о событіяхъ 1812 года — все это составляетъ панораму, которую, если-бы извѣстная г-жа Душе показала Парижу или Лондону, то, вѣроятно, многіе-бы изъ любителей рѣдкихъ видовъ захотѣли пріѣхать въ Москву и прогуляться въ саду Дворца Александринскаго.

Передаемъ нѣсколько очерковъ московскихъ драматическихъ представленій въ томъ-же 1811 году. Подробности ихъ здѣсь могутъ составить цѣлую книгу. Сообщаемъ самое любопытнѣйшее: Дирекція театра, прекраснаго и обширнаго, бывшаго на Арбатской площади и пожаромъ истребленнаго до основанія, при нашествіи непріятелей въ 1812 году, пригласила осенью, для представленія драмъ и трагедій, французскую труппу, вмѣстѣ съ знаменитою дѣвицею *Жоржъ*, которая тогда почиталась соперницею первой парижской актрисы *Дюшенуа;* въ то-же время прибыла изъ С.-Петербурга и наша несравненная *Семенова*. Она являлась на сценѣ въ спектакляхъ русскихъ по четвергамъ, а Жоржъ во французскихъ по субботамъ. Москва была въ волненіи отъ недостатка билетовъ для этихъ представленій. Посланные для полученія ихъ, чтобы ускорить войти въ контору за билетами, приходили свечера и всю ночь стояли у дверей конторскихъ. Обѣ актрисы являлись въ трагедіяхъ *Расина:* Андромаха, Ифигенія, Аѳалія, Федра; *Вольтера:* Меропа, Танкредъ, Альзира. Переводчики этихъ классическихъ твореній были: Гнѣдичъ, Лобановъ и другіе. Семенова дебютировала ихъ на русскомъ языкѣ, а Жоржъ, чрезъ три дня, на французскомъ. Любители и знатоки драматическаго искусства, были въ восторгѣ, видя двухъ геніальныхъ актрисъ въ однѣхъ роляхъ, только на двухъ равныхъ языкахъ. Вся публика раздѣлилась на двѣ партіи: *Жоржистовъ* и *Семеновистовъ*. Главою послѣдней былъ Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, умный цѣнитель всего изящнаго и превосходнаго, написавшій самъ нѣкоторыя театральныя піесы Въ это время покойный *М. Т. Каченовскій* издавалъ извѣстный всѣмъ журналъ: *Вѣстникъ Европы*. Въ немъ игра знаменитыхъ артистокъ была оцѣняема безпристрастно, въ чемъ участвовалъ и геніальный поэтъ нашъ, *В. А. Жуковскій*. Изъ этихъ рецензій видно, что побѣда оставалась не рѣдко на сторонѣ Семеновой. Въ *Расиновой Федрѣ* и *Семирамидѣ Вольтеровой*, первенство принадлежало дѣвицѣ Жоржъ. Говорятъ, что въ нихъ она превосходила самую *Дюшенуа*. *Въ Вольтеровомъ Танкредѣ* и *Меропѣ* Семенова увлекла за собою обѣ партіи.

Всѣ говорили, что она въ этихъ трагедіяхъ была всегда неподражаема. Въ «Танкредѣ», данномъ ею въ свой бенефисъ, она превзошла себя и изумила всѣхъ зрителей до того, что въ послѣднемъ дѣйствіи, когда въ присутствіи ея, умираетъ на катафалкѣ Танкредъ, и она приходитъ въ изступленіе, всѣ зрители были въ ужасѣ и невольно приподнялись съ мѣстъ своихъ. Исторія европейскихъ театровъ говоритъ только о двухъ подобныхъ случаяхъ: 1, когда въ Вольтеровой трагедіи *Юлій Цезарь* игралъ *Лекень* въ присутствіи самого автора, который сказалъ съ восторгомъ: *мой Цезарь съ Лекенемъ дойдутъ со славою до потомства*; 2, такоеже дѣйствіе произвелъ въ Корнеліевомъ *Коріоланѣ*, любимецъ Наполеоновъ *Тальма*. Большой сборъ съ посѣтителей при представленіи «Танкреда», и богатая брилліантовая діадема отъ любителей театра, были наградою великой артисткѣ. Изъ актеровъ, участвовавшихъ въ трагедіяхъ съ Семеновой, извѣстнѣйшіе были: *Плавильщиковъ*, *Шушеринъ* и *Мочаловъ*, который до сего времени остается любимцемъ московской публики по своей оригинальной игрѣ. Его никогда не забудутъ, кто только вспомнитъ *Гамлета*. *Шушеринъ* былъ уже на пенсіи, но по приглашенію игралъ превосходно и напоминалъ прежнее время своей славы. *Плавильщиковъ* игрою своею нерѣдко заставлялъ вспомнить о неподражаемомъ *Дмитревскомъ*.

Когда, при вступленіи непріятельскихъ войскъ въ Москву, 2 сентября 1812 года, кавалерія ихъ проходила по Арбатской улицѣ, мимо театра, еще не́ сгорѣвшаго, то одинъ изъ генераловъ, смотря на это величественное зданіе, сказалъ: *Здѣсь была славная Жоржъ,—гдѣ она теперь?*

И. ГОРЧАКОВЪ.

ТИПЫ СТАРИННОЙ ИТАЛІЯНСКОЙ КОМЕДІИ. Мы хотимъ познакомить читателей нашихъ съ нѣкоторыми типами, которые впервые очертили физіономію актеровъ французскаго театра и служили образцами Мольеру и Реньяру.

Главные комическіе типы принадлежатъ итальянской комедіи; они суть: *Панталонъ* (называемый также Кассандромъ), *Докторъ*, *Арлекинъ*, *Пьерро*, *Коломбина*, *Изабелла*, *Капитанъ*, *Полишинель* и другіе.

Панталонъ носилъ маску старика; онъ обыкновенно представлялъ купца или венеціянскаго гражданина, легковѣрнаго и влюбчиваго простяка; это типъ *Жеронтовъ* (Géronte) французской комедіи, имѣющій большое сходство со стариками

комедій Теренція и Плавта. Панталонъ родился подъ неблагопріятной звѣздой; всѣ мелочныя непріятности жизни безпрестанно преслѣдуютъ его. Пощечины, назначенныя другимъ, падаютъ на щеку его. Дочь его обольщаютъ; сына запутываетъ въ сѣти свои какая-то женщина двусмысленнаго поведенія; слуги его неловки и глупы; у нихъ похищаютъ все, что онъ даетъ имъ на сбереженіе. Этотъ типъ является въ комедіи Мольера *Школа женщинъ*, въ лицѣ *Арнольфа*. Любовь Ораса и Агнесы, глупость Алена и Жоржетты, все это заимствовано изъ Панталона — но какъ рука генія умѣла переработать его!...

Докторъ — вѣчный болтунъ, болонскій академикъ, безпрестанно приводящій сентенціи и наполняющій весь разговоръ свой латинскими цитатами. Мольеръ воспользовался и этимъ типомъ для своихъ докторовъ: *Метафраста* и *Панкрата*.

Арлекинъ, сначала тяжелый и лакомка, является позже веселымъ, умнымъ и острымъ молодымъ человѣкомъ; по мнѣнію Людовика Риккобони, онъ происходитъ отъ древнихъ латинскихъ мимиковъ, у которыхъ, какъ и у него, была обстрижена голова: ихъ называли *плосконогими* или *босоногими*. Арлекинъ моралистъ, онъ любитъ пофилософствовать. Онъ говорилъ: «Еслибъ Адаму вздумалось купить дворянскій дипломъ у короля, то теперь мы всѣ были-бъ дворянами.» Или: «Въ старину знатные люди знали все, ничему не учась; теперь-же они учатся всему и ничего не знаютъ.» Ни одинъ типъ не былъ столько употребленъ, какъ этотъ.

Пьерро былъ изобрѣтенъ только тогда, когда роль Арлекина измѣнилась. Когда Арлекинъ сдѣлался уменъ, бѣдному Пьерро достались въ наслѣдство глупость и жадность его.

Коломбина—лицо неизбѣжное во всѣхъ италіянскихъ комедіяхъ; она обманываетъ всѣхъ, исключая любезнаго своего Арлекина; она ужасная кокетка.

Изабелла, кузина ея, дѣвушка весьма чувствительная. Это лицо второстепенное.

Капитанъ — это солдатъ фанфаронъ латинскихъ комедій. Онъ родился въ Калабріи, потомъ овладѣла имъ Испанія, которая и сдѣлала изъ него храбреца на словахъ. Роль эта, не совсѣмъ пріятная актеру, состоитъ въ крикахъ и дерзкихъ вызовахъ, оканчивающихся обыкновенно палочными ударами, сыплющимися на спину ложнаго храбреца.

Полишинель, какъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, похожъ на Макка, актера аттеланскихъ комедій Римлянъ. Г. Шарль

Маньянъ доказалъ, что римскіе и флорентинскіе *фанточчини* происходятъ отъ Грековъ. *Фанточчини* (шуты) впервые явились въ Парижѣ въ 1677 году. Тамъ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города, былъ выстроенъ дѣтскій театръ, который назвали театромъ *des Bamboches* (мелочей, пустячковъ); это названіе заимствовано отъ прозвища одного голландскаго живописца Лаэра, прозваннаго *Bamboche*, потому-что онъ писалъ обыкновенно только маленькія фигуры. *Бамбошады* или представленія этого маленькаго театра имѣли успѣхъ; но директоры, находя, что издержки были слишкомъ значительны, выдумали новыхъ актеровъ, которыхъ содержаніе почти ничего не стоило. Они составили труппу *деревянныхъ* актеровъ, и дѣло пошло прекрасно. Имъ не нужно было ни кормить ихъ, ни одѣвать, ни мирить. Спектакли шли прекрасно: никто не отказывался за болѣзнію, все было мирно и покойно. Каждый актеръ получилъ навсегда роль свою. *Полишинелю* сказали: Ты будешь колотить другихъ, тебя-жъ не проймутъ никакіе удары; *Кассандру:* ты всегда будешъ обманутъ; *Сльпому:* тебя будутъ всякій разъ бить и убивать; *Полицейскому чиновнику:* тебя будутъ бить; *солдатамъ:* васъ унесетъ чортъ. И ни одинъ актеръ не поспорилъ. Сказано, сдѣлано. И вотъ уже почти 200 лѣтъ какъ таже піеса, таже завязка и развязка, восхищаетъ дѣтей и даже не дѣтей на всѣхъ улицахъ извѣстнаго намъ міра, съ небольшими измѣненіями.

Скапэнъ нѣсколько похожъ на Арлекина и созданъ послѣ него; онъ родомъ изъ Бергама; это плутъ большой руки, всегда готовый помогать молодымъ людямъ въ любовныхъ продѣлкахъ, всегда готовый выманивать деньги у отцовъ. Скапэнъ почти безъ измѣненія перешелъ на французскую сцену. Фронтены, Лафлеры, Маскариллы созданы по образцу его.

Мезzетэнъ—тотъ-же Скапэнъ, хотя иногда онъ являлся въ видѣ авантюриста. Онъ носилъ брыжжи, подукафтанье и коротенькій полосатый разноцвѣтный плащъ. Онъ притворялся простачкомъ, хотя всегда угадывалъ хитрости противниковъ своихъ и умѣлъ перехитрить ихъ. Говорятъ, что актеръ Анджело Константини, котораго прозвали Мезzетэномъ, создалъ этотъ характеръ. Разсказываютъ, что Августъ, король польскій, сдѣлалъ Анджело своимъ повѣреннымъ, распорядителемъ увеселеній и хранителемъ любимицъ своихъ.... Анджело осмѣлился влюбиться въ одну изъ нихъ, и сталъ поступать съ нею, какъ со своею Коломбиной, что весьма не понравилось Августу, который велѣлъ бросить комедіянта въ тем-

ницу, гдѣ онъ просидѣлъ 20 лѣтъ! Всѣ думали, что онъ умеръ, какъ вдругъ въ 1729 году, онъ снова явился въ Парижѣ: ему было 75 лѣтъ. Анджело, подъ именемъ Меззетэна, написалъ нѣсколько комедій и *Замѣчательную жизнь Скарамуша.*

Криспенъ являлся всегда въ круглой шляпѣ, въ чорномъ полукафтаньѣ, съ желтымъ кожанымъ кушакомъ, съ большою мѣдною пряжкою, въ чорномъ плащѣ, съ усами и шпагой. Этотъ костюмъ былъ данъ Криспену потому, что его производятъ отъ испанскихъ дезертировъ, которые, послѣ многихъ непріятныхъ приключеній, должны были вступить въ службу богатыхъ и знатныхъ людей лакеями. И точно, Криспенъ обыкновенно хвастаетъ, что онъ былъ въ военной службѣ. Хотя онъ и не слишкомъ храбръ, однако въ минуту отчаянія не страшится смерти и хватается смѣло за длинную шпагу свою. Онъ преслѣдуетъ немилосердо опекуновъ; недуренъ собою, и нравится Маринеттѣ; охотно разсказываетъ про походы, въ которыхъ будто-бы участвовалъ. Характеръ этого слуги созданъ въ 1630 году комедіантомъ *Ремонъ Поасеономъ*, котораго зовутъ *старымъ*, для отличія отъ сына и внука его Франсуа Арну, который въ послѣдствіи превзошолъ отца и дѣда.

Паскэнъ — пройдоха, говорунъ и ужасный лгунъ; онъ пользуется плохою репутаціею; ему никто не вѣритъ и онъ чаще запутываетъ дѣла господина своего, чѣмъ помогаетъ ему. Если надобно протянуть руку для полученія кошелька, о! тогда Паскэнъ молодецъ: онъ его не уронитъ, не бойтесь! Но его преслѣдуетъ, также какъ и Панталона, злой рокъ— ему ничто не удается. Паскэнъ любитъ разговаривать со служанками. Онъ прежде всего заботится о себѣ самомъ. Хотите осчастливить его? Заставьте его сыграть роль господина, позвольте ему ухаживать за знатною красавицей.... Тогда онъ явится во всемъ блескѣ! Какіе пируэтты! какая важная походка! Какая вельможная дерзость!...

Скарамушъ, родомъ Неаполитанецъ; онъ игралъ роли трусовъ-фанфароновъ. Людовикъ XIV любилъ Скарамуша, забавлявшаго его въ продолженіи 30 лѣтъ. Однажды Король самъ налилъ ему стаканъ вина; когда Скарамушъ опорожнилъ стаканъ, Людовикъ спросилъ его, изъ какой страны было это вино?

— В. В., отвѣчалъ Скарамушъ, удовольствіе, съ которымъ я пилъ его, помѣшало мнѣ подумать о томъ.

Король понялъ изъ этого отвѣта, что шутникъ хотѣлъ выпить еще стаканъ и исполнилъ желаніе его, чтобы онъ былъ въ состояніи отвѣчать на вопросъ его. Мазарэнъ сказалъ по этому случаю:

— Скарамушъ, ты можешь похвалиться тѣмъ, что величайшій монархъ въ мірѣ далъ тебѣ пить.

— Я никакъ не забуду сказать о томъ булочнику своему: ему это будетъ очень-лестно, отвѣчалъ комедіантъ.

— Скажи ему еще, прибавилъ Людовикъ, бывшій въ веселомъ расположеніи духа, что я прибавилъ 10 пистолей къ жалованью твоему.

Скарамушъ, съѣвши однажды за обѣдомъ *только* одну большую пулярдку, почувствовалъ, что конецъ его приближается.... И точно, на другой-же день онъ умеръ!... Онъ былъ большой мастеръ дѣлать *гримасы*, и чрезвычайно прожорливъ. Вступивъ въ труппу странствующихъ актеровъ, онъ хотѣлъ непремѣнно дебютировать въ Донъ-Жуанѣ (Le festin de Pierre); «онъ особенно любилъ эту піесу», говоритъ Меззетэнь, «потому-что въ ней онъ могъ поѣсть». При второмъ представленіи этой піесы, директоръ, довольный новымъ актеромъ своимъ, велѣлъ ему подать на сценѣ индѣйку, двухъ куропатокъ и пирогъ, начиненный молодыми голубями. Скарамушъ уплелъ все при громкихъ апплодисманахъ публики.

Перейдемъ къ другимъ типамъ французскаго театра; они являются всѣ подъ чрезвычайно смѣшными именами, какъ-то: *Тюрлюпэнь, Брюскамбилль, Готье-Гарпиль, Гро-Гильомъ*. Нѣкоторые изъ нихъ часто играли женскія роли, потому-что по тогдашней вольности театральныхъ представленій, женщинамъ невозможно было выходить на сцену. Если вѣрить сборникамъ анекдотовъ, то кардиналъ Ришелье, позволивъ этимъ комедіантамъ играть піесы во дворцѣ своемъ, ввелъ ихъ и въ Бургонскій дворецъ (Hôtel de Bourgogne).

Брюскамбиль — импровизаторъ интермедій, ни сюжета, ни отрывковъ которыхъ мы не осмѣливаемся представить читателямъ нашимъ.

Готье-Гарпиль игралъ обыкновенно роли, составленныя по образцу Панталона, о которомъ мы говорили выше; онъ всегда игралъ въ маскѣ. Онъ женился на дочери Табарэна, игравшаго фарсы на Новомъ мосту (Pont Neuf), въ Парижѣ.

Гро-Гильомъ игралъ безъ маски, намазывая однакожъ лицо мукой, которой онъ маралъ тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ на сценѣ.

Гильо Горжю, игралъ въ маскѣ смѣшныхъ докторовъ, явившихся на сценѣ еще прежде Мольера; это тотъ самый Горжю, у котораго, по мнѣнію непріятелей и завистниковъ Мольера, послѣдній купилъ манускрипты, которыя послѣ издалъ въ свѣтъ, подъ своимъ именемъ.

Жодле послужилъ типомъ Скаррону.

Мондори, первый замѣчательный серьозный актеръ. Декламація его была напыщенная. Говорятъ, что роль *Герода*, въ *Маріанѣ* причиной смерти его: онъ игралъ ее съ слишкомъ большимъ жаромъ. Мондори былъ человѣкъ со вкусомъ и умомъ; стихи, сочиненные имъ, пріятны; онъ былъ хорошій ораторъ. Кардиналъ Ришлье любилъ его.

Бельрозъ, другой знаменитый актеръ былъ, если вѣрить Тальману де-Рео, «комедіантъ жеманный, который, въ самыхъ патетическихъ сценахъ, осторожно *бросалъ* шляпу свою, чтобы не измять перьевъ.» Скарронъ въ своемъ *Комическомъ романѣ*, (Roman comique) обвиняетъ его въ томъ-же.

Мишель Баронъ, отецъ знаменитаго Барона, пользовался также въ свое время извѣстностью.

Флоридоръ, бѣдный дворянинъ, также выступилъ на сцену, и явился, какъ человѣкъ свѣтскій. Его очень полюбили Людовикъ XIV и Мольеръ; послѣдній даже помиловалъ его въ своемъ *Версальскомъ Экспромптѣ* (Impromptu de Versailles), гдѣ онъ обсуживаетъ всю труппу соперника своего.

Г-жи Баронъ, Бежаръ, Бошато, Бопре, дѣвица де Урлисъ, отличались въ свое время, какъ хорошія актрисы. Говорятъ, что между двумя послѣдними былъ однажды въ театрѣ поединокъ. Дѣвица де Урлисъ (M-lle de Urlis) была ранена въ шею.

Наконецъ и Мольеръ явился, какъ актеръ, и вотъ что говоритъ о немъ Тальманъ де-Рео:

«Мальчишка, по имени Мольеръ, покинулъ Сорбонну, чтобы слѣдовать за г-жею Бежаръ... Онъ пишетъ піесы, которыя не глупы. Онъ актеръ незавидный, развѣ только въ смѣшномъ. Только его труппа играетъ піесы его: онѣ смѣшны».

Вотъ сужденіе Тальмана де-Рео объ авторѣ *Любовной досады* (Dépit amoureux) и *Опрометчиваго* (l'Etourdi), двухъ единственныхъ піесъ, написанныхъ тогда *мальчишкой*, по имени Мольеръ.

БАСЪ-СОПРАНО. *Анекдотъ изъ жизни Тамбурини.* Тамбурини пѣлъ на театрѣ въ Палермо. Въ этомъ городѣ существуетъ странный обычай: въ послѣдній день карнавала публика является въ театръ, съ трубами, барабанами, рогами, колокольчиками, кострюлями, таганами, сковородами и другими побрякушками и погремушками, которыми производятъ ужасную кутерьму, ужасно-надоѣдающую въ прелестныхъ итальянскихъ операхъ непривычному уху, потому-что посреди этой суматохи не слышно ни оркестра, ни пѣвцовъ.

Посреди этого шума Тамбурини выходитъ на сцену; публика привѣтствуетъ его своей трескучей увертюрой, оглушительныя прелюдіи которой знаменитой пѣвецъ слышалъ уже, находясь еще за кулисами. Давали оперу Элиза и «Клавдій». Виртуозу слѣдовало-бы запастись трубами и литаврами, потому-что однимъ, хотя и сильнымъ голосомъ своимъ, ему нельзя было бороться съ такими противниками; но онъ скоро нашелся и умѣлъ заставить умолкнуть самыхъ отчаянныхъ буяновъ. Воспользовавшись минутой, когда зрители утихли, какъ-бы для того, чтобы перевесть дыханіе и выслушать хотя первую ноту аріи пѣвца, чтобы потомъ съ новымъ жаромъ приняться за шумъ, Тамбурини понялъ, что въ этотъ неистовый вечеръ, ему непремѣнно слѣдовало отличиться какой-нибудь шуткой и рѣшился пропѣть всю свою басовую партію фистулой. Въ одной изъ прошедшихъ книжекъ *Репертуара* и *Пантеона* мы уже имѣли случай говорить объ удивительной чистотѣ и нѣжности фальсета Тамбурини, который въ гибкости даже превосходитъ природный голосъ его.

Остроумная шутка виртуоза очень понравилась обезоруженной публикѣ; настала тишина, и всѣ съ величайшимъ вниманіемъ прислушивались къ новымъ звукамъ славнаго Basso-cantate. Но если зрители умолкли, благодаря находчивости любимца своего, за то другіе пѣвцы порядочно пострадали, и едва появилась на сцену пѣвица *Липарини*, какъ шаривари возобновился съ большимъ шумомъ.

Несчастная пѣвица, незнакомая съ обычаями посѣтителей Палермскихъ театровъ, приняла этотъ шумъ за личную обиду, и такъ была поражена имъ, что упала въ обморокъ. Ее перенесли въ комнатку, гдѣ она вскорѣ пришла въ себя, и давъ волю негодованію своему противъ Палермцевъ, рѣшительно объявила, что въ тотъ вечеръ не появится больше на сценѣ; переодѣлась и уѣхала домой.

Тамбурини, сошедъ со сцены, узналъ, что г-жа Липарини уѣхала и что директоръ былъ поставленъ въ невозможность продолжать оперу, за отсутствіемъ примадонны. Публика ничего слушать не хотѣла, и оставивъ на минуту трубы и кострюли, угрожала тѣмъ, что поставитъ все верхъ дномъ въ театрѣ. Тамбурини спѣшитъ въ комнату пѣвицы, но уже поздно—она уѣхала и весь великолѣпный театральный нарядъ ея былъ разбросанъ по полу. Что дѣлать? чѣмъ отклонить грозу, собирающуюся надъ головою директора и актеровъ, со стороны зрителей? Сложивъ руки и опустивъ голову, погрузился знаменитый Basso-cantate въ горестныя философическія размышленія о непостоянствѣ и суетѣ мірской...

Изъ залы, со сцены, изъ-за кулисъ, изъ корридоровъ, отвсюду несется оглушительный крикъ:

— Гдѣ примадонна? Сюда ее! На сцену! Примадонну!...

— Да, примадонну!... повторяетъ про себя Тамбурини, съ глубокимъ вздохомъ: — гдѣ ее взять?

— Примадонну сюда! продолжаетъ кричать публика.

— Примадонну! восклицаетъ въ какомъ-то изступленіи пѣвецъ; а! вамъ примадонну нужно!... Вы готовы все разбить здѣсь, если предъ вами не явится примадонна! Жестокіе, варвары, деспоты! Я-жъ вамъ дамъ примадонну! Я-жъ вамъ удружу!...

И новая мысль блеснула въ головѣ Тамбурини; безпокойство сошло съ лица его, онъ веселъ по прежнему.... и съ особеннымъ тщаніемъ собираетъ разбросанныя части костюма пѣвицы, образуетъ изъ нихъ что-то цѣлое, скидаетъ свое полукафтанье и *натягиваетъ* на себя платье Элизы.

Употребляя то искусство, то силу чтобы влѣзть въ узкое и коротинькое платье пѣвицы, Тамбурини наконецъ, въ шолковой ниляпкѣ, надѣтой на напудренный, завитой парикъ, является предъ публикой. Женское платье не помѣшало ему выбѣжать на сцену, потому-что оно доходило только до колѣнъ и оставляло незакрытыми такія дюжія ноги, какія едва либо какая-нибудь примадонна выставляла на показъ предъ обожателями своихъ прелестей.

Публика ужасно шумѣла, вызывая на сцену своеправную Элизу. Оркестръ проигралъ уже разъ десять ритурнель слѣдующей каватины, и нѣкоторые отчаянные смѣльчаки готовились уже взобраться на сцену, когда Тамбурини явился въ вышеописанномъ костюмѣ.

Не возможно описать восторга, съ которымъ его приняли. Аплодисманы, браво, ура, топанье ногами, палками и стульями, радостные крики, потрясли все зданіе. Новая примадонна старалась выказать благодарность свою разными комически-трогательными жестами, и наконецъ, когда шумъ утихъ, она принялась пѣть каватину.

Все шло прекрасно, пока Тамбурини приходилось пѣть только отдѣльныя аріи. За Элизу онъ пѣлъ фистулой, а за Графа Клавдіо природнымъ басомъ своимъ; такимъ образомъ исполнялъ онъ двѣ роли, наложенныя на него обстоятельствами. Но приближался дуэтъ Элизы съ Графомъ, и публика страшилась, что Тамбурини не будетъ въ состояніи выполнить этой трудной задачи. Однакожъ онъ и тутъ не потерялся, онъ спѣлъ обѣ партіи и сопрано отвѣчало басу съ удивительною точностію. Этого мало: Тамбурини даже перемѣнялъ положенія, становясь то на мѣсто Элизы, то на мѣсто Графа. Этотъ музыкальный фокусъ дополнилъ торжество его, и публика выслушала всю оперу отъ начала до конца.

Только по окончаніи спектакля, зрители, въ честь Тамбурини и въ отмщеніе за молчаніе и тишину, возложенныя на нихъ искуснымъ пѣвцомъ во все представленіе, принялись шумѣть и стучать такъ, что, вѣроятно, во всю эту ночь ни одинъ изъ жителей Палермо не сомкнулъ глазъ.

ВОЛШЕБНЫЙ НАПИТОКЪ. *(Неводевиль, а быль.)* Мы хотимъ говорить не объ оперѣ, извѣстной подъ этимъ названіемъ, но объ одномъ истинномъ произшествіи, недавно случившемся въ Германіи, и могущемъ послужить *сюжетомъ* для трагеліи.

Кто повѣритъ, чтобы въ наше время и еще въ одной изъ большихъ германскихъ столицъ могли найтись люди, вѣрующіе въ разные эликсиры, талисманы и другія волшебства, составлявшія нѣкогда вѣрный и прочный доходъ колдуновъ и ворожей? Однакожъ вотъ тому доказательство:

Недавно одна молодая женщина изъ хорошей фамиліи, вдова заслужонаго чиновника, президента въ какомъ-то судебномъ мѣстѣ, страстно полюбила молодаго, весьма даровитаго и прекраснаго собою живописца, съ которымъ случалось ей встрѣчаться въ обществѣ и на гуляньяхъ. Долго боролась она со страстію, болѣе и болѣе развивавшеюся въ душѣ ея, но тщетно. Вся жизнь ея сосредоточилась на этой любви: дни проводила она въ горести и невыразимыхъ страданіяхъ, а ночи безъ сна. Между-тѣмъ предметъ этой

страсти ничего даже не подозрѣвалъ, пока она не прислала сама за живописцемъ, съ просьбою написать портретъ ея. Во время сеансовъ, продолжавшихся болѣе мѣсяца, вдова, съ удивительнымъ постоянствомъ и искусствомъ, дошла до того, что дала понять художнику, какъ она его любитъ. Но... увы! Даже этотъ геройскій поступокъ, это самоотверженіе только усилили горесть и страданія бѣдной женщины!...

Художникъ любилъ молодую, хотя бѣдную, но прекрасную и милую дѣвушку. Какъ добрый и постоянный Нѣмецъ-Вертеръ, не хотѣлъ онъ измѣнить ей ни словомъ, ни дѣломъ, и съ твердостію отвергъ руку и сердце богатой вдовушки.

Это обстоятельство усилило любовь бѣдной женщины, и въ порывѣ необузданной страсти, она пала къ ногамъ жестокаго, умоляла, просила его, угрожала ему местію... ни просьбы, ни угрозы не поколебали *нѣмецкой* твердости!

Но вдругъ вдова, по-видимому, успокоилась; она какъ-бы скрыла въ глубинѣ души страсть и страданія свои. Оставался одинъ сеансъ, для окончательной отдѣлки мастерски-написаннаго портрета. Оба молчали.

По окончаніи каждаго сеанса, живописецъ обыкновенно выпивалъ стаканъ вина, который былъ поданъ и въ этотъ разъ, самой вдовою. Ему показалось, что вино имѣло какой-то особенный, странный вкусъ, и легкій трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу его, особенно когда онъ замѣтилъ, что вдова съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ наблюдала за нимъ, пока онъ пилъ; послѣ-же пріятная улыбка и краска внутренняго удовольствія появилась на лицѣ ея. Художникъ простился и хозяйка, проводивъ его, простилась съ нимъ выразительнымъ взглядомъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ художникъ, воротившись домой, впалъ въ сильную горячку. Онъ бредилъ, и странные, дикіе восклицанія растроенной фантазіи огласили мирное жилище его!... У изголовья больнаго сидѣла нѣжно любимая, прелестная невѣста его. Нѣсколько извѣстнѣйшихъ врачей собрались къ художнику, котораго положеніе становилось часъ-отъ-часу хуже; только на слѣдующее утро врачи единогласно подтвердили, что бѣдный живописецъ лишился ума, не зная однакоже, чему приписать это несчастіе.

Однакожъ по временамъ онъ какъ-бы приходилъ въ себя и настоятельно требовалъ, что-бы ему непремѣнно подали кисти, палитру и краски; послѣ долгаго сопротивленія, рѣшились наконецъ исполнить просьбу его, желая посмотрѣть, что изъ этого будетъ.

Съ жадностію схватился больной за кисти и придвинулъ къ себѣ бѣлый холстъ.... всѣ окружающіе доктора и невѣста съ какимъ-то боязливымъ ожиданіемъ слѣдили за рукою его.... Однакожъ, если разсудокъ живописца разстроился, то рука и глаза остались ему вѣрны. Онъ, казалось, набрасывалъ портретъ.

Нерѣшительно скользнула сначала кисть по холсту, потомъ смѣлѣе.... смѣлѣе.... и уже контуры какого-то портрета стали очерчиваться. Первый шагъ былъ сдѣланъ и уже съ обычною смѣлостью и твердостью, рука искуснаго художника водила кистью, такъ-что вскорѣ присутствовавшіе могли полюбоваться прекрасно-накинутою женскою головкой....

— Президентша фонъ В.....! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

Грустно улыбаясь, опустился больной на подушки.

Между-тѣмъ всѣ въ городѣ узнали о несчастіи, постигшемъ бѣднаго живописца и пошли розыски о томъ, гдѣ и у кого былъ онъ въ тотъ день, когда заболѣлъ, и услужливыя кумушки скоро добрались до президентши. Узнавъ о сумасшествіи молодаго художника, она лишилась чувствъ. Пришедъ въ себя, вдова залилась слезами и, громко рыдая, проклинала несчастную страсть свою, суевѣріе, и ужасное *средство*, рекомендованное ей *доброй* старушкой. Это *средство* состояло въ *волшебномъ напиткѣ*, который на-вѣки долженъ былъ привязать сердце художника къ вдовѣ. Мы уже знаемъ, какія несчастныя послѣдствія имѣлъ пріемъ этого *волшебнаго любовнаго напитка*.

Молодой живописецъ до сихъ поръ находится въ самомъ отчаянномъ положеніи: почти нѣтъ надежды къ выздоровленію.

По всему этому несчастному дѣлу, производится строгое слѣдствіе. *Добрая старушка* арестована.

ЛЮБОПЫТНАЯ КОМЕДІЯ СЪ РАСИНОВОЙ ТРАГЕДІЕЙ. Еще за-долго до появленія Расиновой «Федры», враги Расина приняли уже всѣ мѣры, чтобы уронить эту піесу. Мадамъ Дезульеръ, тоже предубѣжденная противъ Расина, соединилась для этой цѣли съ герцогинею де-Бульонъ, съ братомъ ея, герцогомъ Неверскимъ и многими другими значительными лицами. Онѣ заставили Прадона также написать трагедію на этотъ сюжетъ и вознамѣрились дать ее въ одно время съ трагедіею Расина. «Федра» Расина имѣла очень-сомнительный успѣхъ;

напротивъ-того трагедія Прадона была превознесена до небесъ, и все это по происканъ и принятымъ мѣрамъ партіи герцогини де-Бульонъ. Боало утверждаетъ, что партія эта удержала за собою всѣ первыя ложи въ обоихъ театрахъ на первое и на пять слѣдующихъ представленій этихъ піесъ, и чтобы отнять у партизановъ Расина всѣ средства помѣшать этому заговору, она оставила пустыми всѣ первыя ложи въ театрѣ Бургундскаго Отеля. Выдумка эта, прибавляетъ Буало, *стоила имъ болѣе пятнадцати тысячъ ливровъ!* Мадамъ Дезульеръ была на первомъ представленіи Расиновой «Федры». Послѣ спектакля у нея ужинали Прадонъ и нѣсколько другихъ лицъ ихъ партіи. Во весь ужинъ только и говорили о новой піесѣ, и, разумѣется, говорили, какъ говорятъ люди предубѣжденные. За этимъ-то самымъ ужиномъ мадамъ Дезульеръ импровизировала знаменитый въ свое время сонетъ.

Dans un fauteuil doré, Phèdre tremblante et blême,
Dit des vers, où d'abord personne n'entend rien.
Sa nourrice lui fait un sermon fort chrétien
Contre l'affreux dessein d'attenter sur soi-même.
Hippolite la hait presque autant qu'elle l'aime;
Rien ne change son coeur, ni son chaste maintien.
La nourrice l'accuse; elle s'en punit bien.
Thésée a pour son fils une rigueur extrême.
Une grosse Aricie, au teint rouge, aux crins blonds,
N'est là que pour montrer deux énormes tettons,
Que, malgré sa froideur, Hippolite idolâtre.
Il meurt enfin traîné par ses coursers ingrats.
Et Phèdre, après avoir pris de la mort aux rats,
Vient, en se confessant, mourir sur le théâtre.

Друзья Расина полагали, что этотъ сонетъ написанъ герцогомъ Неверскимъ, однимъ изъ покровителей Прадона — самому Прадону они не приписывали этой чести. — Съ этою мыслію они написали другой сонетъ, на эти-же самыя рифмы, противъ герцога.

Dans un palais doré Damon, jaloux et blême,
Fait des vers, où jamais personne n'entend rien.
Il n'est ni courtisan, ni guerrier, ni chrétien;
Et souvent, pour rimer, il s'enferme lui-même.
La Muse, par malheur, le hait autant qu'il l'aime.
Il a d'un franc poète et l'air et le maintien.
Il veut juger de tout, et ne juge pas bien.
Il a pour le Phébus une tendresse extrême.

Une soeur vagabonde, aux crins plus noirs que blonds,
Va par tout l'univers promener deux tettons,
Dont, malgré son pays, Damon est idolâtre.
Il se tue à rimer pour des lecteurs ingrats;
L'Eneïde, à son goût, est de la mort aux rats;
Et, selon lui, Pradon est le roi du théâtre.

Этотъ отвѣтъ, слишкомъ уже сатирическій и злой, — потому-что онъ оскорбляетъ нравы и личность, приписали Расину и Боало, что̀ и навлекло имъ значительное безпокойство, тѣмъ-болѣе, что герцогъ Неверскій распустилъ слухъ, будто-бы онъ повсюду ищетъ ихъ, чтобы убить за это оскорбленіе. Испуганные друзья публично отказались отъ этого отвѣта, на что̀ герцогъ Генри-Жюль, сынъ великаго Конде, сказалъ имъ: «Если вы не писали этого сонета, то приходите въ отель Конде, онъ съумѣетъ защитить васъ отъ этихъ угрозъ, потому-что вы невинны; а если сонетъ вашъ, прибавилъ принцъ: то все таки приходите къ Конде; онъ защититъ васъ потому, что сонетъ очень забавенъ и остроуменъ».

Герцогъ Неверскій отвѣчалъ на этотъ сонетъ слѣдующимъ другимъ сонетомъ на тѣже рифмы.

Racine et Despréaux, l'air triste et le teint blême,
Viennent demander grâce, et ne confèssent rien.
Il faut leur pardonner, parce qu'on est chrétien;
Mais on sait ce qu'on doit au public, à soi-même.
Damon, pour l'intérêt de cette soeur qu'il aime,
Doit de ces scélérats châtier le maintien:
Car il seroit blamé de tous les gens de bien,
S'il ne puniroit pas leur insolence extrême.
Ce fut une furie, aux crins plus noirs que blonds,
Qui leur pressa du pus de ses affreux tettons,
Ce Sonnet qu'en secret leur cabale idolâtre.
Vous en serez punis, Satyriques ingrats;
Non pas en trahison, avec la mort aux rats,
Mais à coups de bâtons, donnés en plein théâtre.

Герцогъ удовольствовался тѣмъ, что высказалъ свои угрозы въ послѣднихъ стихахъ этого сонета. Боало и Расинъ скоро были сдѣланы королевскими исторіографами, и, слѣдовательно, оскорбить ихъ значило рисковать попасть подъ гнѣвъ короля, который притомъ принялъ всѣ мѣры, чтобы угрозы герцога Неверскаго не имѣли послѣдствій. Едва только появился сонетъ герцога, какъ король сказалъ ему, и довольно гнѣвно,

что онъ за обиды этимъ двумъ людямъ, которыхъ онъ любитъ и покровительствуетъ, будетъ мстить какъ за собственныя свои: ссора не пошла дальше.

Не смотря на общіе отзывы въ пользу Расина—непріятность имѣть такого презрѣннаго соперника, какъ Прадонъ, неудовольствія, причиняемыя ему критиками на его «Федру», и Богъ знаетъ какая-то деликатность, заставили Расина отказаться отъ театра, на тридцать восьмомъ году отъ роду. Тщетно Боало хотѣлъ привлечь его опять на это поприще, написавши ему свое «Седьмое посланіе» Расинъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи и уже только долго спустя рѣшился измѣнить своей твердости.

ПОЩОЧИНЫ И ПАЛКА. Вотъ что случилось недавно во Флоренціи, между двумя извѣстными французскими писателями Александромъ Дюма и Жюлемъ Леконтомъ. На публичномъ гуляньи шелъ по аллеѣ авторъ *Антонія*, а Жюль Леконтъ ѣхалъ въ колескѣ, съ какимъ-то русскимъ путешественникомъ. Вдругъ Леконтъ выходитъ изъ коляски, подходитъ къ Дюма, и спросивъ его, какъ онъ смѣлъ небрежно отозваться объ немъ, ударилъ его два раза въ лицо. Дюма, у котораго была въ рукахъ палка, воспользовался ею и не безъ успѣха. Полиція должна была разнять ихъ. Дюма отправился на другой-же день въ Парижъ, откуда ожидаютъ его обратно во Флоренцію, гдѣ онъ будетъ драться (на дуэли) съ г. Леконтомъ.

Вся обида, причиненная Леконту Александромъ Дюма, состоитъ въ томъ, что когда послѣдняго спросили въ какомъ-то обществѣ, кто таковъ г. Жюль Леконтъ, то онъ отвѣчалъ, что не можетъ ничего сказать про него, потому-что онъ ему рѣшительно незнакомъ.

=

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

— На одной изъ репитицій оперы Рамо «Паладины» композиторъ этотъ, небольно учтивый на словахъ, говорилъ одной актрисѣ: Пойте скорѣе, сударыня, пойте скорѣе....— Но, возразила актриса: никто не пойметъ словъ....—Э, что за дѣло, отвѣчалъ Рамо: довольно, что поймутъ музыку.

Послѣ нѣсколькихъ представленій этой оперы, неимѣвшей никакого успѣха, Рамо утверждалъ, что публика еще не успѣла понять музыку. «Груша еще не созрѣла», говаривалъ

онъ. Дѣвица Карту, прославившаяся многими остротами, сказала тогда: «Однакожъ это не помѣшало ей упасть.»

— Въ 1765-мъ году давали Лагарпову трагедію «Фарамондъ»; но Лагарпъ въ то время не объявилъ еще своего имени и потому никто не зналъ, чья она. При объявленіи піесы передъ поднятіемъ занавѣса, партеръ началъ аплодировать и требовалъ автора. Объявлявшій актеръ отвѣчалъ, что автора нѣтъ въ театрѣ. Партеръ требовалъ, чтобы объявили его имя. Объявлявшій отвѣчалъ, что авторъ совершенно неизвѣстенъ. Послѣ этого послѣдняго отвѣта, ясно противорѣчившаго первому, партеръ продолжалъ еще, но уже гораздо тише, требовать автора. Вдругъ молоденькая, хорошенькая собою и прекрасно одѣтая дама, сидѣвшая въ партерѣ и недовольная тѣмъ, что крики умолкали, обратилась къ партеру и сказала довольно громко: «Если-бы я имѣла честь быть партеромъ, то я ужъ, вѣрно, не перестала-бы кричать до тѣхъ поръ, пока не явился-бы авторъ.» Услыхавшіе эту выходку снова начали кричать, а за ними и весь партеръ; но желаніе красавицы все таки не исполнилось, и Лагарпъ не вышелъ.

— Въ одномъ изъ представленій Расиновой «Федры», на театрѣ Французской Комедіи, партеръ такъ живо и громко изъявлялъ свое негодованіе противъ игры актеровъ, что крики его слышны были даже въ театральномъ фойе, гдѣ былъ въ то время извѣстный актеръ Легранъ (отецъ). Услыхавъ это, онъ выходитъ на сцену и, обращаясь къ партеру, говоритъ: «Господа! я слышалъ ваши жалобы и очень сожалѣю, что мои товарищи возбудили ваше негодованіе; но что-же вы скажете, когда узнаете еще, что я, имѣющій честь говорить съ вами, я буду играть въ этой піесѣ роль Тезея?» Партеръ, восхищенный этими словами, успокоился, выслушалъ піесу и послѣ всегда принималъ ее съ удовольствіемъ.

— Французскіе актеры сначала отказались было играть Корнелева «Поліевкта». Корнель отдалъ одному изъ нихъ свою рукопись, а тотъ забросилъ ее на балдахинъ своей постели, гдѣ она и провалялась болѣе полутора года. Случайно слуга этого актера вздумалъ обмести съ балдахина пыль и спасъ «Поліевкта».

— Мольеръ обыкновенно всѣ свои комедіи читалъ прежде своей старой служанкѣ Форе, и замѣчая мѣста, которыя не производили на нее никакого впечатлѣнія, тотчасъ-же передѣлывалъ ихъ, потому-что онъ много разъ уже испыталъ, что они и на театрѣ не имѣютъ никогда успѣха. Однажды

онъ, для испытанія ея вкуса, прочиталъ ей нѣсколько сценъ изъ «Деревенской свадьбы», актера Брекура, сказавши, что онъ самъ написалъ эту піесу. Но та не вдалась въ обманъ, и прослушавъ нѣсколько стиховъ, утвердительно сказала, что это писано не имъ.

— Вышеупомянутый Брекуръ былъ прекрасный актеръ, какъ въ трагедіи, такъ и въ комедіи. Сыгравши роль Антіоха, въ трагедіи «Береника», онъ тотчасъ-же опять игралъ роль Колена, въ маленькой комедіи «Деревенская свадьба.» Людовикъ XIV, восхищенный игрою его въ роли Алена, въ «Школѣ женщинъ», сказалъ: *Этотъ человѣкъ разсмѣшитъ хоть каменнаго.*

— По окончаніи представленія Вольтерова «Эдипа», имѣвшаго блистательный успѣхъ, Маршалъ де-Вилларъ сказалъ автору, *что Франція очень обязана ему за то, что онъ посвящаетъ ей труды свои.* — *Она еще болѣе была-бы мнѣ обязана,* отвѣчалъ Вольтеръ, *если-бы я умѣлъ такъ писать, какъ вы умѣете говорить и дѣйствовать.*

— Въ другое представленіе, какой-то придворный, выходя изъ театра съ дамою, чрезвычайно-растроганною, сказалъ автору: «*Вотъ два прекрасные глаза, которыхъ вы заставили пролить много слезъ.* — *Они выместятъ это на множествѣ другихъ,* отвѣчалъ Вольтеръ.

— Регентъ Франціи, Герцогъ Орлеанскій, по приказу котораго Вольтера засадили въ Бастилію, присутствуя при представленіи «Эдипа», такъ былъ восхищенъ этою піесою, что тотчасъ-же велѣлъ возвратить плѣннику свободу. Когда Вольтеръ явился благодарить Герцога, тотъ сказалъ ему: «Будьте благоразумны, и я позабочусь объ васъ.» — Очень благодаренъ Вашему Высочеству, отвѣчалъ Вольтеръ: но позвольте мнѣ просить Васъ не мѣнять больше мою квартиру и мой столъ.

— Вольтеръ далъ своего «Китайскаго Сироту» прежде Парижа aux Delices, близъ Женевы. Президентъ Монтескье, бывшій въ числѣ зрителей, крѣпко уснулъ въ половинѣ піесы. Вольтеръ бросилъ въ него шляпою и сказалъ: «Соня думаетъ, что онъ въ Палатѣ.

— Въ одномъ изъ представленій комической оперы Лесажа «Princesse de Carisme» завязалась ссора между пажами Людовика XV и пажами Принцевъ. Одинъ изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти или 15-ти, свалился изъ ложи прямо въ партеръ, но по счастію такъ удачно, что попалъ на лавку биткомъ наби-

тую народомъ. Въ паденіи своемъ, онъ нечаянно стащилъ съ головы одной важной особы парикъ.—Чортъ возьми, мой милый! вскричалъ раздраженный вельможа: смотри въ оба, когда падаешь.—Извините, сударь, отвѣчалъ пажъ: вѣдь я ненарочно.

— Отро (Autreau), авторъ многихъ комедій, имѣвшихъ въ свое время значительный успѣхъ, написалъ хорошенькіе стихи на мотивъ одной бывшей въ то время въ большой славѣ оперы. Разъ въ обществѣ, какой то хвастунъ вздумалъ выдавать эти стихи за свои, и съ безстыдствомъ выслушивалъ похвалы своему таланту. Вдругъ идетъ мимо Отро. Одинъ изъ пріятелей его, бывшій въ числѣ слушателей хвастуна, останавливаетъ его, говоря: Вотъ этотъ господинъ выдаетъ себя за автора стиховъ, написанныхъ на такой-то мотивъ и начинающихся вотъ такъ-то....—Отчего-жъ-бы ему и не сочинить ихъ? Вѣдь я сочинилъ-же, прехладнокровно отвѣчалъ Отро.

— Молодой авторъ принесъ къ одному извѣстному артисту драму свою, для прочтенія. Драма эта была свернута и завязана въ бумагѣ. При каждой встрѣчѣ съ артистомъ молодой человѣкъ спрашиваетъ о своемъ произведеніи, и всегда получаетъ одинъ отвѣтъ, что я-де *не успѣлъ* прочитать его. Наконецъ онъ заходитъ самъ къ артисту. Тотъ возвращаетъ ему рукопись, завернутую также, какъ и прежде, и говоритъ: Вы требовали моего *откровеннаго* мнѣнія на-счетъ вашей драмы? скажите, долженъ-ли я говорить его, въ случаѣ, если оно будетъ не совсѣмъ для васъ благопріятно?—О, сдѣлайте милость, говорите смѣло.—И такъ вы позволите сказать, что ваша драма, доказывающая впрочемъ несомнѣнное дарованіе, нехороша.—Почему-же?—Характеры неестественны, обрисованы слабо, разговоръ тяжелъ, развязка не натуральна, однимъ словомъ....—Однимъ словомъ, прервалъ молодой авторъ, вы не читали моей піесы, потому-что вмѣсто драмы я вамъ далъ—десть *бѣлой бумаги*. Мое намѣреніе было узнать, какъ станутъ судить о произведеніи, которое я только еще замышляю.

ХРОНИКА ИНОСРТАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(ІЮНЬ.)

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

THÉATRE DU GYMNASE-DRAMATIQUE.

Lucrèce à Poitiers ou les écuries d'Augias, трагедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, г. Леонара.

Всякое новое произведеніе, имѣющее успѣхъ, порождаетъ обыкновенно во Франціи множество пародій, болѣе или менѣе забавныхъ. Мы уже говорили, сколько пародій послѣдовало, за *Бургарфами* Виктора Гюго: теперь *Лукреція* трагедія Понсара, молодаго талантливаго поэта, образовала нѣсколько партій и надѣлала столько шуму въ Парижѣ, что ни одна газета, ни одинъ журналъ, ни одинъ фельетонъ не выходитъ безъ того, чтобы въ нихъ не было намека на Понсара и трагедію его. Однако какъ ни кричатъ завистники, какъ ни шумятъ недоброжелатели, достоинства новой трагедіи со дня на день все болѣе и болѣе оцѣняются, такъ-что авторъ ея сдѣлался *l'homme à la mode*. Король подарилъ ему коллекцію древнихъ и новѣйшихъ классиковъ; по случаю трагедіи вспомнили о литературной преміи, которую, вѣроятно, дадутъ г. Понсару, и наконецъ главное то, что во всякое представленіе театръ полонъ. Это торжество, этотъ успѣхъ вдохновили водевильныхъ поставщиковъ, и одинъ изъ нихъ написалъ глупый, нелѣпый фарсъ *Brutus*; другой явился съ новой піесой, о которой мы намѣреваемся разсказать читателямъ, потому-что въ ней есть нѣсколько забавныхъ сценъ.

острыхъ стиховъ, и авторъ не удовольствовавшись пародіей одной піесы, вывелъ на сцену *Бургграфовъ*, *Карла VI*, *Юдиѳь* и *Лукрецію*. Въ трехъ прошедшихъ книжкахъ «*Репертуара и Пантеона*» мы говорили объ этихъ четырехъ новыхъ піесахъ.

Вотъ содержаніе водевиля:

Директоръ одного театра находится въ самомъ отчаянномъ положеніи. Ничто не удается ему. Онъ пробовалъ ставить на сцену оперы, *новѣйшія* драмы, водевили, завелъ даже труппу волтижеровъ, но, не-смотря на это, или лучше сказать, по этому самому, быстрыми шагами приближается къ совершенному разоренію Мы забыли сказать, что дѣйствіе происходитъ въ Поатье, а не въ Парижѣ.

Бѣдный директоръ идетъ посовѣтоваться съ двумя старыми пріятелями, записными *театралами*, и всѣ вмѣстѣ пускаются въ совѣщанія. И вотъ на судъ ихъ являются поочередно *Бургграфы*, *Карлъ VI*, *Юдиѳь* и *Лукреція*. Появленіе этихъ піесъ очень оригинально: милая актриса M-lle Nathalie является представительницей ихъ въ роляхъ Гуанюмары, Одетты, Юдиѳи и Лукреціи, и говоритъ стихами, заимствованными изъ трагедій, о которыхъ идетъ дѣло.

Брютаръ, директоръ театра, и друзья его Миньо и Патракъ, вспоминаютъ о юношескихъ впечатлѣніяхъ своихъ и утверждаютъ, что только старинныя классическія трагедіи и комедіи могутъ доставить сборъ Брютару, когда предъ ними явится Лукреція разсказывать сонъ свой. Вотъ что она говоритъ:

Je me trouvais dans une immense ville....
Dans un lointain théâtre.... hélas! souvent tranquille!
Hélas! souvent fermé! .. la foule envahissait
La salle, ce jour-là; le public s'y pressait,
Assiégeant les couloirs.—Loges et galeries,
Trop larges autrefois, paraissaient amoindries.. .
Mais pour donner accès au flot toujours croissant,
L'enceinte du théâtre allait s'élargissant.
Je restais là, craintive et de tous inconnue,
Du fond de ma province, obscurément venue;
Modeste, j'attendais. .. quand soudain, brusquement,
Exposée aux regards sans que l'on sût comment,
Sur le théâtre, moi! je me vis transportée....
J'étais l'oeuvre promise à la foule agitée.

и проч.

Наконецъ судьи дѣлаютъ приговоръ въ пользу Лукреціи, надѣясь, что она одна въ состояніи поправить дѣла директора театра въ Поатье.

Какъ локальная шутка, явившаяся во-время и кстати, піеса эта очень понравилась.

THÉATRE DE LA GAITÉ.

На этомъ театрѣ возобновлена старая піеса Гг. Баяра и Мельвиля—*La Chambre Ardente*, представленная въ первый разъ на театрѣ de la Porte Saint-Martin десять лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1833 году, въ самый разгаръ ужасныхъ, раздирательныхъ романовъ и мелодрамъ.

La Chambre Ardente нѣчто въ родѣ инквизиціи, въ которой была судима извѣстная отравительница Бренвилье. Этотъ фактъ, перемѣшанный съ нѣкоторыми болѣе или менѣе страшными вымыслами, и составляетъ всю драму, наполненную ужасами всякаго рода.

Авторы піесы выставили эту ужасную Бренвилье, убившую отца, братьевъ, мужа, дядю, такою, какая она и была, но вдругъ пришла имъ мысль, которая выкупаетъ многіе недостатки этого сборища ужасовъ. Они оставили въ сердцѣ ужасной женщины одно прекрасное чувство—чувство матери. Имъ такъ хорошо удалось выразить это чувство, что піеса имѣла большой успѣхъ.

— *Les deux Malipieri*, драма г. Ансельма Гюи.

Дѣйствіе этой драмы происходитъ въ XII столѣтіи, въ эпоху таинственныхъ драмъ, образовывавшихся во дворцахъ королей и замкахъ вельможъ.

Лоренцо и Фернандо—сыновья храбраго капитана Малипіери, павшаго на полѣ битвы. Фернандо тихъ и скроменъ, между-тѣмъ-какъ Лоренцо, въ-слѣдствіе пылкаго характера своего, вмѣшивается въ заговоръ, составленный противъ короля неаполитанскаго. Однакожъ, Христіани, министръ короля, знаетъ объ этомъ заговорѣ и принимаетъ противъ него мѣры. Такимъ-образомъ, неизвѣстно по какому случаю, чья-то тоже неизвѣстная рука закалываетъ ночью Морелли, одного изъ главныхъ заговорщиковъ. Морелли этотъ ожидалъ на одной изъ площадей Фернандо, съ которымъ долженъ былъ драться. Въ то самое время, какъ Морелли падаетъ подъ ударами убійцы, является Фернандо.

— Ты подлый убійца! восклицаетъ Морелли, думая, что Фернандо, для избѣжанія дуели, нанесъ ему ударъ, и умираетъ.

Свидѣтельницей этого происшествія была Баронеса * * *. Она видѣла всю сцену съ своего балкона и при свѣтѣ факела разсмотрѣла лицо Фернандо.

Баронесса эта странствуетъ по свѣту, отыскивая сына своего, котораго, 20 лѣтъ тому назадъ, похитили у нея. Вообразите-жъ ужасъ и отчаяніе ея, когда она узнаетъ, что сынъ ея одинъ изъ сыновей Малипіери, которые, слѣдовательно, не братья. Но который? Неужели убійца? О, нѣтъ! не можетъ быть!...

Однако убійство открывается, и подозрѣваютъ одного изъ братьевъ Малипіери. Призываютъ баронессу, которая, полагая, что судьба не перестала ее преслѣдовать, думаетъ, что Фернандо непремѣнно долженъ быть сынъ ея и, чтобы спасти его отъ неминуемой смерти, рѣшается на ужасное дѣло! Передъ всѣми собравшимися судьями, она обвиняетъ Лоренцо, и бѣднаго молодаго человѣка осуждаютъ на смерть!...

Лоренцо уже на эшафотѣ, какъ вдругъ приходитъ приказаніе отъ короля освободить его. Какой-то бандитъ Строцци, умирая, сознался, что онъ убилъ Морелли. Между-тѣмъ баронесса узнаетъ, что Лоренцо сынъ ея и со слезами раскаянія и восторга обнимаетъ его!...

Г. Гюи впервые является на драматическомъ поприщѣ, почему ему можно простить нѣкоторую неопытность въ развитіи цѣлаго; не-смотря на то, у него есть мѣста, исполненныя чувства и силы, а потому драма имѣла успѣхъ.

La perle de Morlaix (Морлеская жемчужина), драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ Гг. Сентъ-Ива, Хоштейна и де-Вилье.

Капитанъ Рульяръ добрый морякъ, добрый мужъ, добрый отецъ, но тысячи бомбъ! не шутите съ нимъ, и особенно не трогайте дочку его, а не то.... громъ и молнія! Антигона, молоденькая дочь капитана, такъ хороша, такъ мила, что всѣ въ Морлэ прозвали ее *жемчужиной*. Но, какъ старикъ ни бережетъ дочку свою, какъ ни присматриваетъ за нею, она вдругъ исчезаетъ. Берегитесь, не попадайтесь на встрѣчу оскорбленному отцу: онъ убьетъ, уничтожитъ васъ!

Но куда-же дѣвалась добродѣтельная и прелестная Антигона? Вотъ въ чемъ дѣло:

Антигона полюбила молодаго морскаго офицера, который ее любитъ... только какъ сестру. Нѣсколько товарищей офи-

цера подшучиваютъ надъ мнимой добродѣтелью *жемчужины*; молодой морякъ вызываетъ одного изъ нихъ на дуэль, дерется и опасно раненъ. Антигона узнаетъ объ этомъ и, забывая все, отправляется на корабль, садится у изголовья больнаго, ухаживаетъ за нимъ.... бѣдная! Она пожертвовала ему своимъ добрымъ именемъ, радостью отца своего, и какая награда ожидаетъ ее?...

Пока Антигона ухаживаетъ за больнымъ, снимаются съ якоря; корабль долженъ отплыть въ далекое путешествіе, и со слезами на глазахъ прощается бѣдная дѣвушка съ тѣмъ, кого она такъ нѣжно любитъ и который ее не любитъ! Да, она увѣрилась въ томъ, онъ не любитъ и не можетъ любить ее!... Онъ богатъ, она бѣдна; онъ изъ знатной фамиліи, отецъ ея выслужившійся матросъ; онъ образованъ, а она даже не умѣетъ правильно говорить!... Что остается дѣлать бѣдной дѣвушкѣ? Горесть слишкомъ глубоко запала къ ней въ душу, страданія ея нестерпимы до того, что смерть кажется ей счастіемъ и.... она бросается въ воду!...

Но Антигона должна жить еще для любви, для счастія.... Она любима и любима такъ, какъ сама любитъ! Молодой морякъ возвращается, женится на ней, и старикъ Рульяръ, покручивая усы, твердитъ, что иначе и быть не могло, потому-что такія *жемчужины* рѣдки!...

Піеса эта имѣла успѣхъ, въ особенности потому, что характеръ моряка Рульяра прекрасно обрисованъ.

THÉATRE COMTE.

Fénélon, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Леона, музыка аранжирована г. Л'Остомъ.

Мы уже имѣли случай говорить о дѣтскомъ театрѣ Конта. Въ новой піесѣ, которою онъ занялъ маленькую краснощекую и рѣзвую публику свою, выведенъ на сцену Фенелонъ, авторъ того несчастнаго «Телемака», котораго и по-сію-пору нѣкоторые затверживаютъ наизустъ, думая научиться французскому-ли языку или Богъ знаетъ чему изъ «Calypso ne pouvait se consoler du départ d'Ulysse»!...

Но Фенелонъ былъ добрый человѣкъ. Желая помочь погорѣвшимъ крестьянамъ и дѣвушкѣ, у которой сгорѣло сердечко, Фенелонъ является на балъ, прося гостей помочь чѣмъ-нибудь несчастнымъ. Все это чрезвычайно трогательно, и дѣти плакали, но это могло-бъ имъ надоѣсть, а

потому г. Леонъ ввелъ въ піесу свою нѣкоторыя чрезвычайно-забавныя сцены и балетъ, прекрасно выполненный дѣтьми.

Театръ Конта все болѣе и болѣе достигаетъ прекрасной цѣли своей—доставить дѣтямъ пріятное и полезное, во многихъ отношеніяхъ, препровожденіе времени.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

Le héros du Marquis de Quinze-Sous, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Армана Дартуа и Бьевилля.

Странное и загадочное названіе этой піесы есть одинъ изъ тѣхъ аффишечныхъ пуффовъ, о которыхъ мы когда-то говорили. И точно, что̀ это за *герой копѣечнаго маркиза?*

Маркизъ этотъ, по имени Кардиньякъ, прозванъ копѣечнымъ или маркизомъ Кэнзъ-Су за то̀, что промоталъ все свое состояніе, какъ величайшій волокита своего времени, которому ни одна красавица не могла противиться, и подъ старость долженъ довольствоваться обѣдомъ съ дессертомъ и кофеемъ, которымъ подчуетъ его трактирщица, вдова г-жа Цезаръ, за 15 су. Видите-ли, дѣло очень просто: онъ платитъ за обѣдъ 15 су, *слѣдовательно* его *слѣдуетъ* назвать маркизомъ пятнатцати-су (de quinze sous.) Это прекрасно, но кто-же *герой?* Это г. Огюстъ, котораго маркизъ прозвалъ своимъ героемъ за то̀, что онъ удивительно хорошо играетъ на бильярдѣ, обыгрываетъ Англичанъ, куритъ какъ Турокъ и пьетъ какъ Нѣмецъ! Половины этихъ достоинствъ достаточно-бъ было, чтобы прослыть героемъ; посудите-жъ, каковъ долженъ быть молодецъ Огюстъ, который обладаетъ ими всѣми?

Карамболями своими Огюстъ выигрываетъ у одного Англичанина 15,000 франковъ. Маркизъ въ восторгѣ. Проходя ночью близъ Елисейскихъ полей, Огюстъ слышитъ крикъ, бѣжитъ въ ту сторону, откуда раздается этотъ крикъ, и спасаетъ жизнь одному почтенному фабриканту, на котораго напали разбойники. Фабрикантъ этотъ предлагаетъ Огюсту руку воспитанницы своей Амеліи и 300,000 франковъ приданаго. Маркизъ еще больше въ восторгѣ, и какъ другъ, менторъ и вмѣстѣ обожатель Огюста, онъ отправляется съ нимъ вмѣстѣ къ г. Дюперре, фабриканту.

Увы! бѣдная Амелія не можетъ выдти за Огюста, она любитъ своего кузена.... но успокойтесь! у г. Дюперре есть дочь, которая съ перваго взгляда влюбляется въ Огюста.

Тутъ идутъ недоразумѣнія, ссоры, вызовы и множество комическихъ приключеній, оканчивающихся тѣмъ, что маркизъ хочетъ усыновить Огюста, но.... не зачѣмъ!

Открывается, что любовныя интриги маркиза не остались безъ послѣдствій. Послѣдствія эти: Огюстъ и Амелія, оба дѣти маркиза! Послѣ этого все устроивается: Огюстъ женится на дочери фабриканта, кузенъ на Амеліи и пр. и пр.

Характеръ стараго разорившагося волокиты есть одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли-бъ занять приличное мѣсто въ высокой комедіи. Въ этой піесѣ онъ очерченъ хорошо, но теряетъ отъ мелочности и незначительности окружающихъ его лицъ и самаго дѣйствія.

THÉATRE DES VARIÉTÉS.

Le Métier et la quenouille, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, гг. Дюмануара и Баяра.

Графъ де-Монфоръ дѣлается плѣнникомъ въ ту страшную эпоху, когда одна половина Франціи возстала противъ другой. Худо пришлось-бы графу еслибъ онъ не попался въ плѣнъ полковнику Анженну!

Этотъ полковникъ добрый малый, весельчакъ, болтунъ, разсказывающій безпрестанно про свои побѣды надъ непріятелемъ и надъ пріятельницами. Послушайте только полковника, и вы узнаете, сколько онъ сердецъ покорилъ, сколько красавицъ вздыхаютъ по немъ!

Въ веселую минуту, полковнику приходитъ мысль побиться съ графомъ объ закладъ.

— Графъ! говоритъ онъ: хотите-ли побиться объ закладъ, что я обольщу вашу жену?

Судите сами, какое дѣйствіе производитъ на графа этотъ странный вызовъ! Однакожъ, какъ человѣкъ свѣтскій, придворный, при томъ-же плѣнникъ, онъ скрываетъ досаду свою и принимаетъ закладъ полковника, будучи увѣренъ, что жена его слишкомъ-добродѣтельна.

Второе дѣйствіе происходитъ въ замкѣ графини. Полковникъ является къ ней подъ именемъ бѣднаго офицера-роялиста. О немъ докладываетъ слуга его Абсалонъ. Графиня, извѣщенная мужемъ своимъ о дерзости полковника, рѣшается наказать его.

Не-смотря на всю любовь свою, полковнику очень хотѣлось-бы поужинать, и что-же? Графиня велитъ запереть его хитростію въ уединенную комнату, гдѣ находится канва, гарусъ и иголки. Ужасная насмѣшка! Но что-же дѣлать? Надобно-же было какъ-нибудь умѣрить самоувѣренность полковника. Ему бѣдному ужасно хочется ѣсть, а ему поставили канву.... вышивай!

Въ сосѣдней комнатѣ запертъ несчастный Абсалонъ, котораго посадила туда дѣвица, отказавшая нѣкогда полковнику въ рукѣ своей. Но чтобы и слугѣ не было скучно, то ему поставили веретено.

Является графъ Монфоръ, бѣдные плѣнники освобождены; ихъ ожидаетъ добрый ужинъ.

Водевиль этотъ наполненъ чрезвычайно-забавными сценами и имѣлъ успѣхъ.

=

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

ВѢНСКАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА Въ то время, когда незабвенный пизаррскій соловей заставилъ насъ столько полюбить итальянское пѣніе и когда мысль о будущей итальянской оперѣ въ Петербургѣ серьезно занимаетъ всѣхъ и каждаго, читателямъ нашимъ не нелюбопытно будетъ ознакомиться съ положеніемъ итальянской оперы и главными ея представителями. Хотя вѣнская итальянская опера не пользуется такою славой, какъ парижаская, однако это еще не доказываетъ, чтобы вѣнская итальянская опера не заслуживала вниманія. Мы удивимъ, можетъ-быть, многихъ, если скажемъ, что въ прошедшій сезонъ итальянская опера въ Вѣнѣ обладала такимъ рѣдкимъ ансамблемъ замѣчательныхъ артистовъ, какимъ едва-ли могъ похвастать и самый Парижъ. И потому предлагаемъ здѣсь нѣкоторыя занимательныя подробности о замѣчательнѣйшихъ артистахъ этого сезона:

Евгенія Тадолини—сопрано. Евгенія Тадолини родилась въ Форли, въ Верхней Романьи. Отецъ ея, человѣкъ достаточный, далъ ей превосходное воспитаніе, и, какъ страстный музыкантъ, обращалъ при этомъ особенное вниманіе на музыку. Первые уроки въ этомъ искусствѣ получила Евгенія отъ Джіованни Гриллн и Луиджи Фави, а потомъ въ Бо-

ліоньѣ, подъ руководствомъ искуснѣйшаго и справедливо пользующагося заслуженою славою, учителя пѣнія, Джіованни Тадолини, сдѣлавшагося потомъ супругомъ Евгеніи. Тутъ голосъ и талантъ Евгеніи развились съ такимъ совершенствомъ, что Россини, услышавъ ее, совѣтовалъ ей посвятить себя сценѣ. И наконецъ, побѣдивъ всѣ ложныя препятствія и затрудненія, она, въ карнавальный сезонъ 1829–30 года, дебютировала на пармской сценѣ, и уже съ этого перваго дебюта можно было предвидѣть въ ней будущую знаменитую артистку. Изъ Пармы она отправилась въ Парижъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ пѣла на сценѣ Итальянской Оперы, какъ примадонна, вмѣстѣ съ такими артистами, какъ напримѣръ Паста и Малибранъ, Рубини и Лаблашъ. Послѣ того она снова возвратилась въ отечество и явилась на миланской сценѣ la Scala, одной изъ значительнѣйхъ и опаснѣйшихъ сценъ Италіи, и съ этого-то времени собственно начинается ея блистательная слава, какъ пѣвицы перваго разряда. Въ послѣднее время она пѣла почти на всѣхъ значительныхъ сценахъ Италіи, вездѣ принимаема была съ энтузіазмомъ и достигала полнаго тріумфа.

Тадолини обладаетъ превосходнѣйшимъ сопрано, какой когда-либо существовалъ. Объемъ его простирается отъ низкаго A до высшаго C и образуетъ скалу почти въ двѣ съ половиною октавы. Низкія ноты ея имѣютъ силу и объемъ контральто, среднія круглы и звучны, а высокія серебристы, и отличаются необыкновенною силою. Но главнѣйшее достоинство ея голоса есть рѣдкое благозвучіе, соединенное почти съ невѣроятною быстротою вокализаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ Тадолини страстно любитъ свое искусство и есть одна изъ неутомимѣйшихъ артистокъ, когда-нибудь бывшихъ на сценѣ. Особенно превосходна она въ opera buffa и semiseria. Изъ безчисленнаго множества оперъ, въ которыхъ она появлялась, слѣдующія написаны именно для нея: «I due Sergenti» Риччи; «I due illustri rivali» и «Il Bravo» Меркаданте; «La Festa di Rosa» и «il Postiglione di Longumeau» Конполы; «Lara» Лилло; «Elodia» Курми; «Linda di Chamouni» Доницетти: «La fedanzata Corsa» Паччини, и наконецъ маестро Доницетти написалъ теперь для нее новую оперу: Maria di Rohan, а молодой композиторъ Салва пишетъ одноактную оперетту La Prima-donna, изъ которыхъ первая уже дана въ теченіе нынѣшняго сезона итальянской оперы въ Вѣнѣ.

Полина Гарсіа-Віардо. Полина Гарсіа родилась въ Парижѣ въ 1821 году, отъ извѣстной фамиліи Гарсіа, въ которой му-

зыкальный талантъ сдѣлался, такъ-сказать, наслѣдственнымъ достояніемъ: стоитъ только вспомнить старшую сестру Полины, незабвенную Малибранъ. Отецъ Полины, Мануэль Гарсіа, хотѣлъ образовать изъ нея піанистку, и она, подъ руководствомъ Листа, достигла значительнаго совершенства на этомъ инструментѣ. Что касается до пѣнія, то она не могла воспользоваться ни уроками отца, къ сожалѣнію рано похищеннаго у искусства смертію, ни уроками сестры, проводившей большую часть въ путешествіяхъ по Европѣ, и потому Полина обязана развитіемъ этого таланта своего собственному генію и совѣтамъ матери, которая и теперь еще живетъ въ Парижѣ.

Еще дитятею она сопровождала родителей и сестру въ путешествіе ихъ въ Англію, Сѣвероамериканскіе Штаты и Мексику, гдѣ и пробыла полтора года. И въ то время она говорила уже на четырехъ языкахъ — по-испански, по-французски, по-италіянски и по-англійски. Возвратясь, въ 1828 году, въ Европу, она выучилась еще по-нѣмецки. Сверхъ того у ней превосходный талантъ къ рисованью и акварельной живописи.

Въ 1837 году, она, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, знаменитымъ віолончелистомъ Беріо, путешествовала по сѣверной Германіи, и обратила на себя вниманіе, какъ превосходная концертная пѣвица. Наконецъ, въ маѣ 1839 года, выступила на сцену въ Лондонѣ, въ роли Дездемоны въ «Отелло» и потомъ въ «Ченерентолѣ». Успѣхъ обѣихъ этихъ ролей, какъ трагической, такъ и комической, былъ совершененъ, и публика признала въ Полинѣ достойную наслѣдницу славы сестры ея, незабвенной Малибранъ. Слѣдующую зиму она пѣла въ Парижѣ; весною 1841 года опять въ Лондонѣ, потомъ въ Испаніи, прошедшею зимою опять въ Парижѣ и наконецъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ роли Розины, въ «Севильскомъ цирюльникѣ» она достигла величайшаго тріумфа, а исполняемое ею рондо изъ «Ченерентолы» производитъ просто фуроре.

Голосъ Полины Гарсіи простирается отъ низкаго Cis до высшаго D и обнимаетъ, слѣдовательно, въ обѣихъ отрасляхъ—какъ контральто и какъ сопрано—не болѣе и не менѣе, какъ двѣ октавы и пять нотъ. Въ этомъ отношеніи голосъ ея одною нотою обширнѣе голоса сестры ея Малибранъ. По свойству своему, голосъ Полины Гарсіа принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ меццо-сопрано и именно отличается удивительною силою и прелестью въ низкихъ то-

нахъ. Сверхъ-того Полина обладаетъ рѣдкимъ музыкальнымъ образованіемъ, и изданный ею, прошедшею зимою, альбомъ, состоящій изъ восьми піесъ для пѣнія, показываетъ въ ней замѣчательный талантъ въ композиціи.

Джіорджіо Ронкони. Джіорджіо Ронкони—замѣчательное явленіе въ мірѣ искусства. Кто-бы повѣрилъ, что этотъ превосходный пѣвецъ, котораго Парижъ по всей справедливости призналъ царемъ баритоновъ, въ юности своей ни къ чему не имѣлъ менѣе охоты, какъ къ пѣнію? И однакожъ это было такъ. Не взирая на увѣщанія и приказы отца, знаменитаго тенора Доминико Ронкони, камеръ-пѣвца при дворѣ Наполеона въ Парижѣ и Миланѣ, а потомъ при дворѣ Максимиліана Баварскаго, и еще болѣе знаменитаго, какъ учитель пѣнія, своею превосходною методою преподаванія, молодой Ронкони никакъ не хотѣлъ сдѣлаться пѣвцомъ. Сначала у него явилось желаніе учиться медицинѣ, потомъ онъ хотѣлъ быть виртуозомъ и въ-слѣдствіе этого принялся учиться играть на всѣхъ возможныхъ инструментахъ, и наконецъ вздумалъ сдѣлаться *волтижоромъ* (!) сталъ ревностно упражняться въ гимнастикѣ и уже два раза являлся публично въ циркѣ бывшей въ то время въ Миланѣ труппы волтижоровъ. Но, разумѣется, все это было не болѣе, какъ волканическія вспышки юной головы, и чего не могли сдѣлать ни воля, ни совѣты отца, то сдѣлалъ напослѣдокъ примѣръ любимой сестры. У Ронкони было два брата и одна сестра, славившаяся въ Миланѣ, какъ замѣчательнѣйшая пѣвица-дилеттантка; изъ братьевъ-же старшій заслужилъ въ Италіи и въ Германіи славу хорошаго бассиста, а меньшой извѣстенъ былъ какъ отличный учитель пѣнія. Однажды Джіорджіо былъ свидѣтелемъ блистательнаго тріумфа, которымъ увѣнчали сестру его въ одномъ значительномъ обществѣ за пропѣтую ею арію, и съ той минуты онъ твердо рѣшился предаться искусству пѣнія.

Джіорджіо Ронкони было 19-ть лѣтъ, когда онъ, въ 1831-мъ г., выступилъ наконецъ на сцену, въ Павіи, въ Беллиніевой оперѣ «Straniera». Дебютъ его былъ для него тріумфомъ, и съ этой минуты поприще славы было для него уже открыто. Въ теченіе одинадцати лѣтъ этого блистательнаго каррьера, собственно для Ронкони написано было не менѣе тридцати пяти новыхъ оперъ, изъ которыхъ «Torquato Tasso» и «Furioso» Доницзетти въ особенности прославили имя его на всѣхъ театрахъ Италіи.

Трудно рѣшить, въ которомъ родѣ оперы должно отдать Ронкони пальму преимущества, въ оперѣ-ли seria или въ оперѣ buffa, потому-что онъ равно геніаленъ въ обѣихъ. Сегодня онъ жаждущій мести Герцогъ Альфонсъ въ «Лукреціи Борджіа», завтра площадной шарлатанъ-лѣкарь «въ Любовномъ напиткѣ», сего-дня величественный, благородный поэтъ Торкватто Тасо, завтра тончайшій, остроумнѣйшій плутъ Фигаро – словомъ, это истинный Протей, являющійся во всѣхъ возможныхъ видахъ, и вездѣ одинаково совершененъ, вездѣ умѣетъ самую ничтожную роль, самую неблагодарную партію возвысить своею геніальною обдуманною игрою до высшей степени интереса. Какъ умѣетъ онъ пользоваться средствами, дарованными ему природою! Какую геройскую силу умѣетъ онъ придать своему голосу въ мѣстахъ эффектныхъ, какую нѣжную, сладостную мягкость въ сценахъ чувствительныхъ! Съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ въ малѣйшихъ оттѣнкахъ своей роли и даже въ самыхъ нѣжнѣйшихъ mezza voce умѣетъ удержать декламаторское выраженіе! Глядя на Ронкони въ роли мрачнаго, жестокаго Филиппо «въ Beatrice de Tenda» или въ роли ревниваго супруга Паризины, или жаждущаго мести герцога Феррарскаго «въ Лукреціи Борджіа» кажется, что и самая физическая натура его совершенно измѣняется и изъ этого худенькаго блондина дѣлается на сценѣ величественный, граціозный мужъ, съ пылкою пламенною душою и неистовыми страстями.

На будущій сезонъ Ронкони ангажированъ въ Парижъ на мѣсто Тамбурини.

Феличе Варези (Felice Varesi). Изъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ драматическихъ пѣвцовъ настоящаго времени въ Италіи, едвали можно указать на кого другаго, кто-бы, подобно Феличе Варези, успѣлъ, въ самый первый годъ вступленія своего на сцену, стать на такую степень, и потомъ въ теченіе короткаго времени сдѣлать столь блистательную карьеру.

Отецъ Феличе Варези, Піетро Варези служилъ во времена Имперіи, во французской службѣ полковникомъ Миланской гвардіи и былъ съ Наполеономъ въ походѣ на Россію; потомъ, когда Ломбардо-Венеціанское королевство перешло опять подъ власть Австріи, онъ вступилъ въ австрійскую службу и теперь еще живетъ въ Миланѣ, пользуясь пенсіономъ, какъ отставной полковникъ Императорской службы. Мать Феличе, урожденная Фран-

пуженка, будучи въ то самое время, когда мужъ ея отправлялся въ Россію, беременна, не могла сопровождать его въ этомъ походѣ и потому осталась въ Кале ожидать своего разрѣшенія отъ бремени—и здѣсь-то, въ 1813-мъ году, родился Феличе, какъ близнецъ, вмѣстѣ съ сестрою. Впрочемъ онъ недолго оставался во Франціи, потому-что вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ русскаго похода, отецъ его переселился со всѣмъ семействомъ въ Миланъ, гдѣ Феличе и получилъ дальнѣйшее свое воспитаніе, почему Миланъ и должно считать настоящимъ его отечествомъ.

Замѣтивъ прекрасныя дарованія ребенка, отецъ его тщательно занялся его воспитаніемъ и между-прочимъ, въ часы роздыха отъ другихъ уроковъ, сталъ обучать его музыкѣ, потому-что ребенокъ нисколько не любилъ заниматься, подобно прочимъ дѣтямъ, играми и шалостями, и находилъ удовольствіе только въ шутливомъ подражаніи голосу, походкѣ и пріемамъ знакомыхъ и родныхъ, посѣщавшихъ его семейство. Отцу хотѣлось, чтобы онъ посвятилъ себя математическимъ наукамъ, которыя и преподавалъ ему славный въ то время инженеръ Антоніо Винчензи изъ Модены. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учился физикѣ, языкамъ, рисованью, но всего охотнѣе музыкѣ, составлявшей величайшее его наслажденіе. Однакожъ, не-смотря на этотъ талантъ и на эту любовь къ музыкѣ, только въ послѣдствіи открылся собственный элементъ его призванія — прекрасный благозвучный голосъ. (баритонъ) Онъ съ жаромъ принялся учиться пѣнію и скоро сдѣлался пѣвцомъ-дилеттантомъ. Знакомство со многими знаменитыми артистами и въ томъ числѣ съ Пастою и Донцелли пробудило въ юномъ Варези желаніе посвятить себя сценѣ. Робко объявилъ онъ объ этомъ отцу, опасаясь встрѣтить сопротивленіе; но тотъ, какъ умный человѣкъ, не захотѣлъ противиться призванію сына и благословилъ его на это поприще: и осенью 1834 года юный артистъ выступилъ на сцену маленькаго, но хорошенькаго театра въ Варези, въ роли Торквато Тассо. Дебютъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ и успѣхъ этотъ утвердилъ его окончательно въ намѣреніи посвятить всю жизнь свою искусству. Въ слѣдующій карнавалъ онъ пѣлъ, и съ полнымъ успѣхомъ, въ Венеціи, вмѣстѣ съ незабвенною Малибранъ и славнымъ Донцелли. Съ-тѣхъ-поръ Варези постоянно и всегда съ новымъ блескомъ являлся на всѣхъ лучшихъ театрахъ Италіи, и теперь, вмѣстѣ съ Тадолини, Гарсіа-Віардо, Ронкони, Салва,

Гуаско, Новере, Деривисъ и Албони служитъ украшеніемъ вѣнской италіянской оперы.

Изъ оперъ, написанныхъ собственно для Варези, особенно имѣли успѣхъ—«Catterina di Cleves» написанная для него и для замѣчательной, но къ-несчастію рано похищенной у искусства смертію пѣвицы Виргиніи Блазисъ, флорентинскимъ маэстро Сава и «Il Salvini» которую написалъ для него тотъ-же маэстро, и въ которой онъ имѣлъ случай отличиться также какъ и пѣвецъ semiserio.

Вотъ главнѣйшіе представители, первые сюжеты итальянской оперы въ Вѣнѣ.

=

НОВОСТИ ВѢНСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Theater nächst der Kärtnerthore.

«La regina di Golconda», комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка Доницетти.

Опера эта, не-смотря на отличную обстановку, не-смотря на отличное исполненіе такими артистами, каковы Гарсіа-Віардо, Варези и т. п., не имѣла никакого успѣха.

Theater an der Wien.

Stefan Langer aus Glogau oder der holländische Kamin. Стефанъ Лангеръ изъ Глогау, или голландскій каминъ, оригинальная комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ: «Царь и канатчикъ», въ одномъ дѣйствіи, соч. г-жи *Шарлоты Бирхъ-Пфейфферъ*.

Эта піеса любопытна для насъ потому, что дѣйствіе ея происходитъ въ Петербургѣ и мы, Русскіе, на сценѣ. Какъ г-жа Бирхъ-Пфейфферъ изобразила насъ въ своей комедіи—это другой вопросъ. Но вотъ въ чемъ ея содержаніе:

Стефанъ Лангеръ, изъ Глогау, любитъ дѣвушку, и это очень естественно. Стефана любитъ Клара Бурель, дочь его дяди, канатчика, у котораго онъ живетъ въ ученьи, и это также удобопонятно. Отецъ Клары узнаетъ это и выгоняетъ племянника изъ дому — отеческое своенравіе. Отъ скуки Стефанъ отправляется прогуляться въ прекрасный, еще строю-

щійся Петербургъ — дѣйствіе, изволите видѣть, при Петрѣ Великомъ.–Вдругъ неожиданное происшествіе прерываетъ его прогулку: Адмиралтейство горитъ, а *хладнокровные* русскіе люди(?!!), какими ихъ понимаетъ г-жа Бирхъ-Пфейфферъ, и *не заботятся объ этомъ*!!! Прибѣгаетъ Нѣмецъ Стефанъ, производитъ тревогу, ломаетъ двери, бросается въ пылающее зданіе, отыскиваетъ кассу, собираетъ все, что можно собрать, увязываетъ все это въ узелъ и бросаетъ изъ окна стоявшему внизу придворному служителю. Молодецъ Нѣмецъ! Мужество Стефана, его дѣятельность, его смѣтливая рѣшительность, его ловкость въ опасную минуту, обратили на него вниманіе Царя, которому онъ прежде извѣстенъ былъ только по своей невыносимой грубости. Петръ Великій дѣлаетъ Стефана главнымъ начальникомъ *пожарной команды* и обѣщаетъ ему свою милость. До сихъ поръ все идетъ для Стефана прекрасно, но вдругъ открывается, что во-время упомянутаго пожара пропало полмилліона казенныхъ денегъ. Кто похитилъ эту малость? Или Стефанъ, или вышеупомянутый придворный служитель *Василевичъ*. Вотъ надъ обоими разразилась гроза. Послѣ многихъ комическихъ сценъ Василевичъ уличенъ въ воровствѣ и сосланъ въ Сибирь, а Стефанъ сдѣлалъ главнымъ смотрителемъ дворца, мирится съ дядею и женится на Кларѣ.

Нѣмцы хвалятъ эту піесу и относятъ ее къ числу лучшихъ произведеній г-жа Бирхъ-Пфейфферъ, этой нѣмецкой Мадамъ Ансло, съ прибавленіемъ довольнаго количества сантиментальности.

Theater in der Josephstadt.

Schwager Kreiszlopf oder der heimliche Handel, комическая характерная картина въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Карла Эльмара.

Піеса эта написана молодымъ драматургомъ Карломъ Эльмаромъ, который только два года тому выступилъ на драматическое поприще, піесою: «Споръ за сердце» (Wette um die Herz) и подавалъ, казалось, большія надежды; но, какъ кажется, надежды эти не осуществились или, по-крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ все остаются еще надеждами. Главный недостатокъ, какъ и во всѣхъ прежнихъ піесахъ г-на Эльмара, такъ и въ этой послѣдней, тотъ, что исполненіе не соотвѣтствуетъ изобрѣтенію. Основою этой піесѣ служитъ слѣдующая антитеза: Изъ двухъ отцовъ, одинъ, напитанный глупымъ честолюбіемъ и страстію казаться выше своего состоянія, даетъ

сыну своему воспитаніе, сообразное съ этими правилами и дѣлаетъ его черезъ то несчастнымъ, тогда, какъ другой, простой, разсудительный добрякъ, придерживается правилъ здраваго разсудка, и въ слѣдствіе этого чудесно поживаетъ съ своею, совсѣмъ неидеальною дочкою. Потомъ, какъ обыкновенно, дѣти поправляютъ вину отцовъ, и мораль піесы извѣстное Ne sutor ultra crepidam: —знай сверчокъ свой шестокъ или по другой русской пословицѣ: не въ свои сани не садись. Мысль, хотя и не новая, однако все-таки незаслуживающая охужденія. Но какъ она выполнена? Честолюбивый отецъ тотъ-же Флотвелль, только нѣсколькими десятками лѣтъ постарше и еще расточительнѣе; характеръ разсудительнаго отца выдержанъ гораздо лучше; но что сдѣлалъ авторъ изъ сына и дочери, этихъ главныхъ персонажей піесы, на которыхъ лежитъ все ея основаніе? Сынъ, переодѣтый нищимъ, возвращается тайно изъ Парижа, обнимаетъ въ этомъ видѣ прекрасную Фридерику при цѣломъ обществѣ; потомъ, для разнообразія, завязывается игра въ любовь, и наконецъ, сынъ, какимъ то не совсѣмъ понятнымъ образомъ, спасаетъ виновнаго своего отца. А дочь? Почти утвердительно можно сказать, что домашнее кухонное воспитаніе здравомыслящаго родителя отнюдь не сдѣлало изъ дочери совершеннаго существа.

=

ФРАНЦУЗСКІЕ АКТЕРЫ ВЪ ЛОНДОНѢ.

М-lle Дежазе, которая умѣетъ приводить въ восторгъ даже холодныхъ Англичанъ, пробыла весь прошлый мѣсяцъ и часть нынѣшняго въ Лондонѣ. Теперь она опять въ Парижѣ, но передъ отъѣздомъ своимъ, она не забыла выказать прекрасную черту прекрасной и благородной души своей. Передъ отъѣздомъ ей былъ назначенъ бенефисъ, и что-же? она хлопотала объ немъ, устроила его наилучшимъ образомъ и когда увѣрилась, что сборъ будетъ большой, то объявила, что отдаетъ всю сумму въ пользу французскаго благотворительнаго общества въ Лондонѣ.

Буффэ, неподражаемый въ роляхъ *бѣднаго Жака, Мишеля Перрена, часовщика Бертрана* и многихъ другихъ, восхищаетъ лондонскую публику своей игрой, исполненной правды, глубокаго чувства и самаго наивнаго, простодушнаго комизма.

Левассоръ, знаменитый салонный пѣвецъ, котораго голосъ какъ-бы нарочно созданъ для *шансонетокъ* и романсовъ, пріѣхалъ въ Лондонъ гораздо позже Дежазе, но не-смотря на то, чуть было не уѣхалъ противъ воли, не спѣвъ никому ни одной изъ тѣхъ пѣсенокъ, которыя онъ такъ прелестно поетъ.

Дежазе уѣзжала и Левассоръ проводилъ ее до самаго парохода, на которомъ она взяла мѣсто. Левассоръ преспокойно послѣдовалъ за нею на корабль, полагая, что его попросятъ удалиться, когда всѣ приготовленія къ отплытію будутъ кончены. Но вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, колеса завертѣлись и пароходъ, разсѣкая волны, быстро отплылъ отъ берега. Левассоръ испугался, побѣжалъ къ капитану и сталъ просить, чтобъ его высадили. Капитанъ сначала не понималъ; когда ему перевели просьбу Левассора, то онъ отвѣчалъ съ флегмой, свойственною англичанамъ:

— Мои условія съ пассажирами таковы, что я никого не высаживаю прежде Булони.

Насилу растолковали ему, что Левассоръ не пассажиръ, что онъ не заплатилъ за мѣсто, что съ нимъ нѣтъ никакихъ бумагъ, что онъ только-что пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ его съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали.

Всѣ пассажиры громко смѣялись, а капитанъ, не измѣняя флегматически-холоднаго выраженія лица, сказалъ, покачавъ головой:

— Это такая курьозная исторія, что я помру со смѣху,—и велѣлъ высадить пѣвца на берегъ

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ОПЕРЫ ВЪ ИТАЛІИ. Мы говоримъ, толкуемъ, мечтаемъ объ итальянской оперѣ; но вмѣсто того, чтобы завидовать Вѣнѣ, Лондону, Парижу, не лучше-ли поискать итальянской оперы въ мѣстѣ ея родины, въ Италіи? Казалось-бы такъ, а между-тѣмъ иностранецъ, которому-бы вздумалось побывать въ Италіи, чтобы услышать музыкальныя произведенія старинныхъ мастеровъ, очень ошибется. Тамъ никому не приходитъ на умъ возобновить какую-нибудь оперу временъ Глюка и Моцарта; партитуры, написанныя 20 лѣтъ тому назадъ, совершенно незнакомы нынѣшнему поколѣнію. Только изрѣдка, и то случайно, вспоминаютъ о Паэзіелло, Паэрѣ, Керубини или Зингарелли.

Изъ всѣхъ партитуръ, написанныхъ иностранными композиторами, въ Италіи имѣла самый большой и продолжительный успѣхъ *Crociato* Мейербера.

Доницзетти и Меркаданте теперь модные композиторы.

Что же касается до Беллини, то только его *Норма*, *Беатриче ди-Тенда* и *Пуритане* держатся еще на сценѣ. Исключая *Моисея* и *Семирамиды*, сочиненія Россини даются только на маленькихъ театрахъ.

Меркаданте написалъ менѣе соперника своего, Доницзетти. Сочиненія его не имѣютъ той прелести, которая очаровываетъ съ перваго раза, но за то они болѣе обработаны. Лучшая изъ оперъ его до-сихъ-поръ *Giuramento*.

Послѣ этихъ двухъ модныхъ маэстро, можно поставить Паччини. *Saffo* лучшее произведеніе его. Риччи написалъ нѣсколько коммическихъ оперъ, а Верди много оперъ, носящихъ особый отпечатокъ: онъ превосходенъ въ хорахъ.

Замѣчательнѣйшія иностранныя пѣвицы въ Италіи суть: дѣвица Леве, г-жи Шоберлехнеръ, Маре, Новелло и др. Знаменитѣйшія итальянскія пѣвицы суть: Фрецолини, Брамбилла. Стреппони, Габусси; а теноры: Моріани, Поджи, Корелли.

Впрочемъ въ Италіи голоса старѣются также скоро, какъ и оперы; въ пять, шесть лѣтъ ихъ узнать нельзя. И точно, какая организація устоитъ противу безпрестанныхъ поѣздокъ изъ одного города въ другой, и противу необходимости пѣть во время карнавала каждый вечеръ и бо́льшею частію партіи весьма трудныя?

Конецъ концовъ тотъ, что не у однихъ у насъ грѣшныхъ сапожникъ бываетъ безъ сапогъ, стекольщикъ безъ стеколъ, писатель безъ ума, критикъ безъ совѣсти: вотъ вамъ и *Италія*—безъ *итальянской* оперы, безъ итальянскихъ пѣвцовъ!...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Казимиръ Делавинь съ юношескимъ жаромъ трудится надъ новой трагедіей своей, въ которой главныя роли онъ назначаетъ дѣвицѣ *Рашель* и актерамъ *Лижье* и *Бовалле*. Первыя три дѣйствія совершенно отдѣланы, два послѣднія только еще набросаны вчернѣ. Неизвѣстно, когда онъ совсѣмъ кончитъ новое сочиненіе свое. Казимиръ Делавинь принадлежитъ къ школѣ, раздѣляющей мнѣніе Вольтера: *Le temps ne fait rien à l'affaire*.

— *Тальбергъ* такъ опасно былъ боленъ въ Вѣнѣ и выздоравливаетъ такъ медленно, что всѣ доктора совѣтуютъ ему оставить намѣреніе свое ѣхать въ Америку.

— Одинъ изъ множества фортепіанныхъ знаменитостей, а именно *Теодоръ Делеръ*, прибылъ въ Парижъ, гдѣ намѣренъ дать нѣсколько концертовъ.

— Въ Парижѣ, какъ извѣстно, во всѣхъ театрахъ существуютъ *клакеры*—хлопальщики, обязанные поддерживать піесу. Одинъ изъ парижскихъ театровъ вздумалъ клакеровъ замѣнить *клакершами*, хорошенькими собой и прекрасно-одѣтыми. Французы — народъ учтивый, и потому, видя, что хорошенькія дамы хлопаютъ піесѣ, мужчины никакъ не рѣшаются противурѣчить имъ. Такимъ-образомъ, остроумное изобрѣтеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

— Успѣхъ «Лукреціи» Понсара соблазнилъ Виктора Гюго, который написалъ по этому новую, *классическую* драму, подъ названіемъ *Ромулъ*.

— Французское правительство отказало Парижскому итальянскому театру въ пособіи, (subvention), какого онъ испрашивалъ (60,000 фр.). Почти всѣ французскіе журналы горою возстаютъ противъ этого: итальянская опера съ давнихъ временъ поддерживалась въ Парижѣ правительствомъ. За то правительство оказало пособіе театру *Одеонъ*. Говорятъ, что въ первомъ случаѣ не обошлось безъ интригъ.

— Увѣряютъ, что Понсару, автору «Лукреціи», предложили за слѣдующую трагедію, какую онъ напишетъ, 60,000 фр.: вѣрить-ли?

— Наша незабвенная г-жа Бишопъ недавно, вмѣстѣ съ г. Бокса, давали концертъ въ Неаполѣ, съ большимъ успѣхомъ. Г-жа Бишопъ ангажирована къ театру Сенъ-Карло на два мѣсяца, какъ примадонна.

— Музыкальный *борзописецъ* Доницзетти родился 27 сентября 1798 года, въ Бергамѣ. Стало быть, ему скоро исполнится 45 лѣтъ. Первая опера его называлась «Enrico, conte di Burgogna. Она была представлена, въ первый разъ, въ 1819 г. по случаю открытія театра San-Luca, въ Венеціи.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

АКТРИСА ДЕЖАЗЕ.

(Статья для картинки.)

Читателямъ нашимъ имя дѣвицы Дежазе должно быть знакомо. Очаровательный талантъ, остроуміе и любезность ея содѣлали ее любимицею Парижанъ. При этомъ № «Репертуара и Пантеона» мы прилагаемъ весьма-схожій портретъ ея, въ роли Виконта Леторьера, въ піесѣ, передѣланной изъ извѣстнаго романа Е. Сю «Le Vicomte de Letorières ou l'art de plaire». Она представлена въ ту минуту, когда виконтъ притворяется пьянымъ и начинаетъ рыться въ библіотекѣ адвоката, у котораго въ богатыхъ переплетахъ скрыты бутылки вкуснаго и рѣдкаго вина, до котораго старый адвокатъ-лицемѣръ большой охотникъ. У насъ, на сценѣ Михайловскаго театра, роль виконта прекрасно съигралъ г. Брессанъ.

Лѣтъ 20 тому назадъ M-lle Дежазе, будучи еще ребенкомъ, явилась въ первый разъ на сценѣ театра Gymnase-dramatique, въ піесахъ, написанныхъ Скрибомъ для нея и для другаго ребенка, подававшаго большія надежды (Léontine Fay). Театръ, на которомъ выступила Дежазе, славился въ то время многими отличными актерами, но всѣ были забыты, когда милыя дѣвочки вышли въ піесѣ, принаровленной къ лѣтамъ ихъ. Публика была въ восторгѣ:

— Эти дѣти пойдутъ далеко, говорили всѣ. Одна, съ чорными выразительными глазами, играющая съ такимъ чувствомъ, составитъ украшеніе высокой комедіи; другая съ жи-

вою и граціозною физіономіею, исполненною тонкости и веселости, будетъ кладъ для водевиля.

И что-же? вторая, т. е. М-lle Дежазе выполнила то, что обѣщала, а первая?... Умерла въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ!

Между-тѣмъ восторгъ, возбуждаемый игрою М-lle Дежазе, со-дня на день увеличивался; чудное дарованіе ея все болѣе и болѣе развивалось; но уже съ того времени стало проявляться въ ней особенное предпочтеніе къ ролямъ, въ которыхъ она являлась въ мужскомъ платьѣ. Въ *Le Mariage enfantin* Скриба она играла молоденькаго маркиза въ шитомъ бархатномъ кафтанѣ, и всѣ восхищались милою дерзостію и граціозностію ея; въ *La Loge du portier* уличный мальчишка въ курточкѣ и кожаной фуражкѣ забавлялъ всѣхъ рѣзвостію и беззаботливою веселостью; въ *l'Ecarté* молодой денди, въ чорномъ фракѣ и желтыхъ перчаткахъ, но еще непривыкшій къ свѣту, краснѣющій, потупляющій глаза, былъ неподражаемъ! Въ этихъ трехъ роляхъ М-lle Дежазе уже тогда показала счастливое разнообразіе дарованія своего, которому предстояло столько трудностей, которыя онъ превозмогъ съ рѣдкимъ, почти неслыханнымъ успѣхомъ.

И точно, какой костюмъ не надѣвала эта милая актриса? Вольтеръ, Наполеонъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Людовикъ XV, Ришлье, барабанщикъ, денди, крестьянинъ, мальчишка и пр. и пр., всѣ, всѣ являлись на сцену въ лицѣ Дежазе, и каждый имѣлъ свою отличительную, характеристическую черту

Водевилисты часто употребляли во зло удивительную гибкость дарованія дѣвицы Дежазе; но самая плоская, тупая шутка, сказанная ею, становилась забавною, даже остроумною; не было почти примѣра, чтобы піеса, въ которой участвовала Дежазе, упала.

Въ частной жизни, М-lle Дежазе славится какъ женщина, исполненная любезности и милаго ума. Про нее разсказываютъ много анекдотовъ, остротъ, каламбуровъ, которые могли-бъ сдѣлать честь знаменитому маркизу де-Біевру.

Одинъ молодой человѣкъ, страстно влюбившійся въ милую Дежазе, искалъ случая сблизиться съ нею. Однакожъ онъ долго трудился напрасно. Наконецъ одинъ изъ пріятелей надоумилъ его.

— Послушай, сказалъ онъ ему: ты вѣдь порядочно рисуешь,—отправься-жъ къ ней и скажи, что ты хочешь снять съ нея портретъ.

Нашъ молодой человѣкъ былъ въ восторгѣ отъ этой выдумки, и на другой-же день, принарядившись, отправился къ актрисѣ, съ портфелемъ подъ мышкой.

— Сударыня, сказалъ онъ ей: я видѣлъ всѣ ваши портреты, но ни въ одномъ не нашолъ ни малѣйшаго сходства. Льщу себя надеждою, что, можетъ-быть....

М-lle Дежазе не дала ему кончить. Она узнала въ молодомъ человѣкѣ одного изъ преслѣдовавшихъ ее обожателей.

— Правда, отвѣчала она съ тою прелестною улыбкою, которою очаровываетъ всѣхъ: портреты мои непохожи, но это отъ того, что я всѣми силами стараюсь *de ne pas me laisser attraper.*

Se laisser attraper—дать схватить съ себя сходство и дать себя обмануть.

И, раскланявшись, удалилась.

— Удивительно! сказалъ нѣкто про нее: она нехороша, но умѣетъ придать прелесть всему, окружающему ее.

Дежазе услыхала эти слова и немедленно, обратившись къ говорившему, отвѣчала:

— Вы, вѣроятно, составляете исключеніе изъ правила.

Одна изъ родственницъ Дежазе застала ее однажды въ полдень еще спящею.

— Какъ! вскричала она: ты еще въ постели? Не стыдно-ли? Въ подобныхъ случаяхъ ты лучше вели говорить, что тебя нѣтъ дома.

— Вотъ забавно! отвѣчала Дежазе: je ne m'attendais pas à des reproches pour avoir eté *trop poli* (trop au lit).

Нѣкто увѣрялъ ее, что авторъ одной новой драмы, не имѣвшей успѣха, жидъ.

— Ни за что не повѣрю, отвѣчала она, потому-что драма эта написана рѣшительно безъ всякаго *интереса.*

Однажды Дежазе нашла въ театрѣ, въ своей уборной, весьма плохую пѣсню, въ которой выхвалялись прелести ея. Прочитавъ эту пѣсню передъ другими актерами и посмѣявшись надъ нею вдоволь, она сказала:

Cette chanson est magnifique,
Mais défectueuse en cela,
Que pour la bien mettre en musique
Il faut dire un *sol la mi la.* (Un sot l'a mis là.)

Но мы никогда-бы не кончили, еслибъ хотѣли разсказать всѣ каламбуры и остроты, которыми М-lle Дежазе умѣетъ часто такъ кстати отвѣчать друзьямъ и докучливымъ обожателямъ своимъ.

=

НОВОСТИ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

30 іюня.

Благодаря прекрасному петербургскому лѣту — дай Богъ только не сглазить его! — театры наши, въ настоящее время, мало занимаютъ и привлекаютъ публику, и не богаты новостями. Главнѣйшая изъ нихъ — дебюты г-жи Валькеръ, пѣвицы съ Гамбурскаго театра. Г-жа Валькеръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ пѣвицъ, которыя плѣняютъ болѣе своею наружностію, нежели голосомъ; въ первомъ отношеніи природа была довольно скупа къ ней, но за то, какъ пѣвица, она смѣло можетъ стать на ряду съ Сабиной Гейнефеттеръ, которою мы имѣли случай восхищаться въ этой-же самой роли, въ третьемъ году. Голосъ у г-жи Валькеръ полонъ, звученъ и пріятенъ, интонація вѣрная, а къ этимъ двумъ важнымъ достоинствамъ, она присоединяетъ третье — чувство, которымъ преисполнено ея пѣніе. Въ этомъ отношеніи она превосходитъ С. Гейнефеттеръ и равняется съ самой Пастой. Настоящее время весьма-невыгодно для дебютовъ г-жи Валькеръ: она явилась къ намъ вскорѣ послѣ Рубини, а Рубини познакомилъ насъ съ *итальянской* школой пѣнія; г-жа Вальеръ — Нѣмка, и, разумѣется, принадлежитъ къ нѣмецкой школѣ: это ея недостатокъ. Но, вообще говоря, для нашей нѣмецкой оперы г-жа Валькеръ была-бы истинной находкой.

На Михайловскомъ театрѣ была только одна новость — бенефисъ г-на Мора, съ заманчивой пуффъ-афишкой. Бенефисъ былъ хорошъ — въ особенности для кармана бенефиціанта.

Г-жа Альберъ все также хороша, также мила, очаровательна, но — это ужъ не новость.

Александринскій театръ въ теченіе этого мѣсяца былъ весьма не богатъ новостями. Драма Гуцкова «Вернеръ или сердце и свѣтъ», извѣстная нашимъ читателямъ (см. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1842 г., кн. XVII), на русской сценѣ не

имѣла успѣха, можетъ-быть, потому, что для роли *Вернера* у насъ не было *Э. Девріента*.... Г-жа Самойлова, наша старая, заслужоная артистка, въ свой бенефисъ вздумала тряхнуть стариной и выбрала драму «Тереза или Женевская Сирота» и оперетку «Сватъ Гаврилычь или Сговоръ на яму». Вся эта старина однакожъ была лучше, нежели *новый* водевиль «Ермолай Ивановичь Трусимовъ или пріятности семейной жизни». Кто-то написалъ прегрязную повѣсть «Мужъ подъ башмакомъ»: эта повѣсть однакожъ понравилась какому-то борзописцу-водевилисту, который вздумалъ состряпать изъ нея водевиль еще грязнѣе. Вотъ ужъ въ полномъ смыслѣ слова, эти два автора, какъ говорятъ Персіяне, *накормили* публику *грязью*....

РЕДАКТОРЪ *Межевичъ*.